

Джидду Кришнамурти Вне насилия

«Джидду Кришнамурти. Вне насилия»: Разум; М.; 1997
ISBN 5-87488-007-0

Аннотация

Сборник текстов бесед Джидду Кришнамурти в Санта-Монике и Сан-Диего (С.Ш.А.), в Лондоне и Броквуд Парке (Англия), в Риме (Италия) в 1970 г.

Джидду Кришнамурти Вне насилия

Часть первая

СУЩЕСТВОВАНИЕ

«И хотя в области технологии человек неизмеримо продвинулся вперёд, но тем не менее он остаётся всё таким же, каким он и был тысячи лет — вечно воюющим, жадным, завистливым, полным насилия, тягостным великой скорбью»

Мне хотелось бы поговорить о проблеме существования во всей её полноте. Вы, как и ведущий беседу, вероятно, знаете, что на самом деле происходит в мире — полнейший хаос, беспорядок, насилие, крайние формы жестокости и мятежи, переходящие в войну. Наши жизни чрезвычайно сложны, запутаны и противоречивы, и не только в нас самих — так сказать, внутри нашей скорлупы, — но и вовне. Идёт полное разрушение. Все ценности меняются день ото дня, не существует ни уважения, ни авторитета, и никто ни во что не верит — ни в церковь, ни в существующий порядок, ни в какую-либо философию. Таким образом, каждый предоставлен полностью самому себе при выяснении того, что ему делать в этом хаотичном мире. Что такое правильное действие? — если вообще существует такая вещь, как правильное действие.

Я уверен, каждый из нас задаётся вопросом, что такое правильное поведение. Это очень серьёзный вопрос, и я надеюсь, что пришедшие сюда настроены действительно серьёзно, потому что это не собрание с целью философского или религиозного развлечения. Мы не тешим себя какой-нибудь теорией или философской системой, мы не проповедуем никаких экзотических восточных идей. Мы собираемся вместе исследовать факты, как они есть, — очень внимательно, объективно, без эмоций и сентиментальности. Чтобы Такое исследование стало возможным, должна быть свобода от предубеждений, свобода от всякой обусловленности, свобода от всякой философии, свобода от всякого верования; мы будем вести это совместное исследование очень неспешно, терпеливо, сомневаясь, чтобы разобраться, выяснить. Это подобно действиям хороших учёных, которые, глядя в микроскоп, видят абсолютно одно и то же. Ведь если вы учёный и работаете в лаборатории с микроскопом, вы должны показать то, что видите, другому учёному, так чтобы вы оба видели то, что есть на самом деле. Именно этим мы и будем заниматься. Не существует ни вашего микроскопа, ни микроскопа ведущего беседу: есть только один точный инструмент, с помощью которого мы и будем наблюдать и учиться в ходе наблюдения, учиться не в соответствии с вашим темпераментом или обусловленностью или конкретной формой вашей веры — просто наблюдать то, что есть на самом деле, и тем самым учиться. В учёбе — действие; она не отделена от действия.

Поэтому первое, что мы собираемся сделать, это понять, что означает общение. Нам

неизбежно приходится использовать слова — но гораздо важнее проникнуть за слова. Это значит, что вы и ведущий беседу примете участие в совместной исследовательской экспедиции, где каждый находится в постоянном общении с другими, то есть делится с другими, вместе исследует, вместе наблюдает. Ибо само слово «общение» означает «вместе участвовать, делиться друг с другом». Так что здесь нет ни учителя, ни ученика; здесь также нет и лектора, которого вы слушаете, соглашаясь или не соглашаясь — что было бы абсурдно. Если мы общаемся, проблемы согласия или несогласия нет, так как мы смотрим вместе, вместе исследуем — не с точки зрения ведущего беседу или вашей. Вот почему очень важно выяснить, как наблюдать, смотреть ясными глазами, как слушать, чтобы не было искажения. Ответственность за участие лежит и на вас и на ведущем беседу — мы собираемся работать вместе. Надо очень ясно понять с самого начала: мы не тешим себя никакой формой сентиментальности и эмоциональности. Если нам ясно, что и вы, и ведущий беседу, будучи свободными от наших предрассудков, от наших верований, от нашей обусловленности и знания, готовы к свободному изучению — тогда мы можем продвигаться дальше; помня, что мы используем точный инструмент — микроскоп, и что и вы, и ведущий беседу должны увидеть одно и то же; в противном же случае общение станет невозможным. Так как это очень серьёзное дело, вы должны быть свободны не только для исследования, но и для применения увиденного, для проверки его в повседневной жизни; не следует относиться к этому лишь как к теории или принципу, ради разработки которых вы трудитесь.

Теперь давайте посмотрим, что же действительно происходит в мире; существует насилие в самых различных формах, не только внешнее, но также и в наших отношениях друг с другом. Существуют многочисленные националистические, религиозные барьеры между людьми, один человек противостоит другому как на политическом, так и на личном уровне. Видя всеобщее смятение, эту огромную скорбь, что вы должны делать? Можете ли вы рассчитывать на кого-то, кто скажет вам, что делать? — на священника, на специалиста, на психоаналитика. Они не принесли ни мира, ни счастья, ни радости, ни свободы в нашу жизнь. Так куда вам обращаться? Если вы как индивид возьмёте на себя ответственность быть своим собственным авторитетом, поскольку у вас больше нет веры в авторитет внешний — слово «авторитет» мы намеренно используем в его особом смысле, — будете ли вы как индивид искать себе авторитет внутри себя?

Слово «индивидуальность» означает «нечто неразделимое», не разбитое на части. Индивидуальность означает полноту, целостность, а слово «цельный» значит здоровый, непорочный. Но вы не индивид, вы не здоровы — ведь вы разбиты, разделены на части внутри себя; вы находитесь в противоречии с самим собой, разделены — так что вы вовсе не индивид. Как при таком состоянии раздробленности можно говорить, что один фрагмент есть авторитет для других фрагментов?

Пожалуйста, поймите это очень отчётливо — это то, что мы исследуем; потому что мы видим, что образование, наука, организованная религия, пропаганда, политика потерпели неудачу. Они не привели к миру — и хотя в области технологии человек неимоверно продвинулся вперёд, но тем не менее он остаётся таким же, каким он и был тысячи лет — воюющим, жадным, завистливым, полным насилия, отягощённым великой скорбью. Это факт; это не предположение.

Итак, чтобы выяснить, что делать в мире, таком запутанном, таком жестоком, таком беспредельно несчастном, мы должны исследовать не только что такое жизнь, такая, какой она в действительности является, мы должны также понять, что такое любовь; и что означает умереть. Нам также необходимо понять то, что человек пытается выяснить уже тысячи лет: существует ли реальность, которая выходит за пределы всякой мысли. Пока вы не поймёте этой картины в целом, во всей её сложности, спрашивать: «Что мне делать с этим конкретным фрагментом?» не имеет никакого смысла. Вы должны понять всё существование целиком, а не только его часть; как бы утомительна, мучительна и жестока эта часть ни была, вам необходимо увидеть всю целостную картину — что такое любовь, что такое медитация, существует ли Бог, и что означает «жить». Мы должны понять этот феномен существования как целое. Только после этого вы можете задавать вопрос: «Что мне делать?» Если вы увидите всю эту картину целиком, вы, вероятно, никогда не зададите такой вопрос, — тогда вы будете жить, и тогда

жизнь — это правильное действие.

Так что прежде всего мы посмотрим, что является жизнью, а что — нет. Нам необходимо понять, что означает слово «наблюдать». Видеть, слышать и учиться, — что значит «видеть»? Когда мы вместе на что-то смотрим, это не означает «единения». Это означает, что и вы, и ведущий беседу решили смотреть. Что означает слово «смотреть»? Это довольно сложно — смотреть; нужно обладать этим искусством. Вы, вероятно, ни разу не смотрели на дерево — когда вы на него смотрите, в уме всплывают все ваши познания в ботанике, которые мешают вам увидеть дерево таким, каково оно есть в действительности. Наверное, вы никогда не смотрели на свою жену или мужа, своего друга или свою подругу, потому что у вас имеется образ её или его. Этот созданный вами образ её, его или самого себя не даёт вам смотреть. Поэтому когда вы смотрите, присутствует искажение, присутствует противоречие. Так что когда вы смотрите, должна быть связь между наблюдающим и наблюдаемым. Пожалуйста, прислушайтесь к этому, так как здесь необходимы особое внимание и интерес. Известно, что когда у вас есть к чему-либо заботливый интерес, вы наблюдаете очень внимательно; это значит, что у вас есть большая страсть, любовь; тогда вы способны наблюдать.

Итак, смотреть вместе — значит наблюдать с заинтересованностью, с любовью, чтобы вместе видеть одно и то же. Но прежде всего должна быть свобода от образа, который у вас есть в отношении самого себя. Пожалуйста, делайте то, о чём говорится; ведущий беседу — просто зеркало, поэтому то, что вы видите, это вы сами в зеркале. Так что ведущий беседу вообще не имеет значения; важно то, что вы видите в этом зеркале. А чтобы видеть ясно, точно, без искажения, необходимо избавиться от образа в любой форме — от представления, что вы американец или католик, богатый или бедный; должны уйти все ваши предрассудки. Всё это исчезает в тот момент, когда вы ясно видите то, что находится перед вами, ибо наблюдаемое вами гораздо важнее того, что вам «следует делать», исходя из увиденного. Как только вы видите что-то очень ясно, из этой ясности рождается действие. Лишь хаотичный, находящийся в смятении, выбирающий ум спрашивает: «Что мне делать?» Существует опасность национализма, разделение между народами; это разделение является величайшей угрозой, так как оно приносит с собой ненадёжность, войну, неуверенность. Но когда ум эту опасность разделения видит очень ясно — не интеллектуально или эмоционально, но на самом деле видит это, — появляется совершенно иной вид действия.

Поэтому очень важно научиться видеть, наблюдать. Что именно мы наблюдаем? Не только внешние проявления, но также внутреннее состояние человека. Ибо пока не произойдёт коренной, радикальной революции в душе, в самой основе нашего существа, одно только поверхностное наведение порядка, законодательная деятельность на периферии имеют очень мало смысла. Поэтому предмет нашей озабоченности — это вопрос, может ли человек, такой, какой он есть, произвести коренную трансформацию в себе самом; не в соответствии с какой-то особой теорией, особой философией, а посредством видения того, чем он действительно является. Само это восприятие того, чем он является, и вызовет радикальную перемену. Это необычайно важно — видеть, что он такое, а не то, чем он сам себя считает, не то, что о нём говорится.

Есть разница между тем, когда вам говорят, что вы голодны, и действительным голодом. Эти два состояния совершенно различны; в одном из них вы на самом деле знаете, что вы голодны, через ваше собственное прямое восприятие и чувство, и тогда вы действуете. Но когда вам кто-то говорит, что вы, должно быть, голодны, действие ваше бывает совсем иным. Аналогичным образом, человек должен наблюдать, видеть сам, на деле, что он такое. Именно этим мы и будем заниматься — познавать себя. Уже говорилось, что познание себя — высочайшая мудрость, однако лишь очень немногие из нас действительно осуществили это. У нас нет терпения, нет силы или страсти, чтобы выяснить, что мы такое. Мы обладаем энергией, но мы передали её другим; мы нуждаемся в том, чтобы нам сказали, что мы такое есть.

Мы собираемся выяснить это, наблюдая самих себя, ибо в момент радикальной перемены в том, чем мы являемся, мы принесём покой в мир. Мы будем жить свободно — не делать всё, что мы пожелаем, но жить счастливо, радостно. В человеке с великой радостью в сердце нет ненависти, нет насилия, он не будет способствовать уничтожению другого. Свобода означает отсутствие осуждения, что бы вы в себе ни увидели. Большинство из нас осуждают, или

объясняют и оправдывают, мы никогда не смотрим на вещи без оправдания или осуждения. Поэтому первое — а возможно, и единственное, — что следует сделать, это наблюдать, не допуская осуждения ни в какой форме. Это будет очень трудно, так как вся наша культура, наша традиция, направлена на сравнение, оправдание или осуждение того, какие мы есть. Мы говорим «это правильно», «это неправильно», «это правда», «это неправда», «это прекрасно», — и это мешает нам на самом деле наблюдать, какие мы есть.

Пожалуйста, послушайте: то, какие вы есть, — нечто живое, а когда вы осуждаете увиденное в себе, вы осуждаете это исходя из памяти, которая мертва, которая есть прошлое. Следовательно, есть противоречие между живым и прошлым. Для того чтобы понять живое, прошлое должно уйти, так, чтобы вы могли смотреть. Вы делаете это сейчас, пока мы разговариваем; вы не ждёте возвращения домой, чтобы всё это обдумать. Потому что как только вы начнёте обдумывать, всё закончится. Это не групповая терапия, и это не общая исповедь — подобные вещи говорят о незрелости. Мы занимаемся исследованием себя, подобно учёным, независимо от кого бы то ни было. Если вы полагаетесь на кого-нибудь или на что-нибудь, всё пропало, будь то ваш психоаналитик, священник или ваша собственная память, ваш собственный опыт, ибо всё это — прошлое. И если вы смотрите на настоящее глазами прошлого, вы никогда не поймёте живого.

Итак, мы вместе исследуем это живое, то есть вас, жизнь, чем бы это ни оказалось; это означает, что мы рассматриваем явление насилия — прежде всего насилие в нас самих, затем насилие во внешнем мире. Если мы поймём насилие в себе, может быть и не потребуется рассматривать насилие внешнее, ибо всё, чем мы являемся внутри, мы проецируем вовне. По природе, через наследственность, через так называемую эволюцию мы развили в себе это насилие. Это факт: мы, люди, склонны к насилию. Есть тысячи объяснений этому нашему свойству. Мы не будем вдаваться в объяснения, так как можно совсем запутаться, когда каждый специалист заявляет: «Вот причина насилия». Нам кажется, чем больше существует объяснений, тем лучше мы всё понимаем, — но при этом всё остаётся так, как есть. Так что, пожалуйста, всё время помните: описание не является тем, что описывается; то, что объяснено, — это не то же самое, что есть. Существует множество довольно простых и очевидных объяснений — и переполненные города, и перенаселение, и наследственность — да и всё остальное; мы можем всё это отбросить. Остаётся факт: мы, люди, склонны к насилию. С детства воспитывают нас таким образом, чтобы мы были готовы к насилию, к соперничеству — к жестокости по отношению друг к другу. Мы ни разу не взглянули данному факту в лицо. Мы только спрашивали: «Что нам делать с насилием?»

Пожалуйста, слушайте вдумчиво — то есть с чувством, с вниманием. Как только вы задаёте вопрос: «Что нам с этим делать?», — ваш ответ на него предопределяется прошлым. Потому что это единственное, что вы знаете: всё ваше существование основано на прошлом — ваша жизнь и *есть* прошлое. Если бы вы хоть один раз посмотрели на себя должным образом, вы бы увидели, до какой степени вы живёте в прошлом. Всё мышление — к рассмотрению которого мы вскоре перейдём — есть реакция прошлого, это реакция памяти, знания и опыта. Поэтому мышление никогда не ново, оно никогда не свободно. Пользуясь процессом мышления, вы смотрите ни жизнь, и поэтому когда вы спрашиваете: «Что мне делать с насилием?», вы уже ушли от факта

Итак, можем ли мы изучать, наблюдать, что такое насилие? Как вы сейчас смотрите на него? Осуждаете его? Оправдываете его? Если нет — тогда как вы смотрите на насилие? Пожалуйста, займитесь этим, пока мы об этом разговариваем — это невероятно важно. Смотрите ли вы на это явление, которое и есть вы как склонное к насилию человеческое существо, смотрите ли вы на него как внешний наблюдатель, заглядывающий внутрь? Или вы смотрите не с позиции постороннего, без присутствия цензора? Смотрите ли вы как наблюдающий, который отличается от наблюдаемого, как человек, который говорит: «Я не склонен к насилию, но мне хочется избавиться от насилия»? Но когда вы смотрите таким образом, вы полагаете, что один фрагмент важнее других фрагментов.

Когда вы смотрите в качестве одного фрагмента, разглядывающего другие, этот фрагмент присваивает себе авторитетные полномочия, чем и становится причиной противоречия, а значит и конфликта. Но если вы способны смотреть без какого бы то ни было фрагмента, вы

наблюдаете целое без наблюдающего. Вы следите за всем этим? Так *сделайте* это, сэр! И вы увидите, как происходит удивительное: у вас не будет больше вообще никакого конфликта. Конфликт — это то, что мы есть, то, с чем мы живём. Дома, на работе, во сне — всё время мы находимся в конфликте, в непрекращающейся борьбе и противоречиях

Пока вы сами не поймёте корень этого противоречия — не в соответствии со словами ведущего беседу или кого-либо ещё, — у вас не может быть жизни в мире, счастье и радости. Поэтому очень важно, чтобы вы поняли, что именно вызывает конфликт и тем самым противоречие, что является корнем всего этого? Корень — это разделение между наблюдающим и наблюдаемым. Наблюдающий говорит: «Я должен избавиться от насилия» или «Я живу жизнью ненасилия», тогда как он *является* насилием, так что это — обман, лицемерие. Поэтому выяснить, что вызывает это разделение, чрезвычайно важно.

Вы слушаете человека, который не обладает никаким авторитетом, который не является вашим учителем, потому что здесь нет гуру и здесь нет ученика; есть только человеческие существа, пытающиеся найти жизнь без конфликта, жить мирно, в богатстве любви. Но если вы следуете за кем-то, тогда вы разрушаете и себя, и других. [*Аплодисменты.*] Пожалуйста, не хлопайте. Я не пытаюсь развлекать вас, не ишу ваших аплодисментов. Важно, чтобы вы и я понимали — и жили жизнью иного рода, не той глупой жизнью, какой мы живём. И ваши аплодисменты, согласие ваше или несогласие не меняют этого факта.

Очень важно понять самому, увидеть собственным наблюдением, что конфликт будет существовать постоянно до тех пор, пока существует разделение между наблюдающим и наблюдаемым. В вас есть это разделение в виде «я», в виде вашего «эго», старающегося непременно отличаться от кого-то ещё. Это ясно? Ясность означает, что вы видите это сами. Не просто словесная ясность, прослушивание набора слов или идей; ясность означает, что вы сами видите очень отчётливо — и потому без всякого выбора, — как разделение между наблюдающим и предметом наблюдения порождает зло, смятение и скорбь. Поэтому когда в вас проявляется насилие, можете ли вы смотреть на него в себе не прибегая к памяти, оправданиям и утверждениям, что не должны носить в себе насилие, — просто смотреть? Это означает, что вам следует быть свободными от прошлого. Чтобы смотреть, вам нужно много энергии, вам нужна интенсивность. В вас должна быть страсть, иначе вы не сможете смотреть. Пока в вас не появится великая страсть и интенсивность, вы не можете смотреть на красоту облака или этих прекрасных холмов. И точно так же, чтобы смотреть на себя не с позиции наблюдающего, необходима огромная энергия и страсть. Эта страсть, эта интенсивность разрушаются, когда вы начинаете осуждать или оправдывать, когда вы говорите: «Я должен», «Я не должен», или когда вы говорите: «Я живу жизнью, в которой нет насилия», — или притворяетесь, что ведёте такую жизнь.

И именно поэтому все идеологии разрушительны в высшей степени. В Индии о ненасилии говорят с незапамятных времён. Они говорят: «Мы практикуем ненасилие», — хотя насилия в них не меньше, чем во всех других. Идеал обеспечивает их некоторым видом лицемерного ухода от факта. Если вы можете отодвинуть в сторону все идеологии и принципы и просто посмотреть в лицо факту, тогда вы имеете дело с чем-то настоящим, а не с мифическим или теоретическим.

Итак, это первое — наблюдать без наблюдающего; смотреть на свою жену, детей, не прибегая к образу. Этот образ может носить поверхностный характер или скрываться глубоко в подсознании. Человеку следует наблюдать не только образы, созданные им вовне, но и образы, заложенные глубоко внутри него, — образы расы, культуры, историческую перспективу образа, сложившегося у человека в отношении самого себя. Поэтому он должен наблюдать не только на сознательном уровне, но и на скрытом уровне, в тайниках и глубинах своего ума.

Не знаю, наблюдали ли вы когда-нибудь бессознательное. Интересно ли вам всё это? Знаете ли вы, как всё это трудно? Легко цитировать кого-нибудь, или повторять, что сказал вам ваш психоаналитик, или профессор, — это детская игра. Но если вы не просто читаете книги о подобных вещах, тогда это требует большого труда. Частью вашей медитации является выяснение того, как наблюдать за бессознательным, — не с помощью сновидений, не через интуицию, которая может оказаться лишь вашим желанием, стремлением, вашей скрытой надеждой. Так что вы должны научиться и смотреть на свой внешний образ, созданный

вами, — на символ, — и заглядывать глубоко внутрь самого себя. Нужно осознавать не только внешние явления, но и внутреннее движение жизни — внутреннее движение желаний, мотивов, тревог, страхов, печали. Осознавать без выбора — значит осознавать цвет чьей-то одежды, не говоря при этом: «Мне нравится» или «Мне не нравится», — но просто наблюдая; наблюдая, когда вы сидите в автобусе, за движением своей мысли, не осуждая, не оправдывая, не выбирая. Если вы посмотрите именно так, то увидите, что «наблюдающего» нет.

Наблюдающий — цензор, американец, католик, протестант; он — результат пропаганды; он — это прошлое. А когда смотрит прошлое, оно непременно разделяет, осуждает или оправдывает. Человек, испытывающий голод, или по-настоящему скорбящий, разве он спрашивает: «Если я так сделаю, получу ли я это?». Он хочет избавиться от скорби, или наполнить желудок, он никогда не говорит о теориях. Поэтому, сэр, с вашего позволения, прежде всего избавьтесь от идеи «если». Не живите где-то в будущем; будущее — это то, что вы проецируете сейчас. Сейчас — это прошлое, это то, чем вы являетесь, когда говорите: «Я живу сейчас». Вы живёте в прошлом, поскольку это прошлое направляет и формирует вас; воспоминания о прошлом заставляют вас поступать так или иначе. Таким образом, «жить» — значит быть свободным от времени; и когда вы говорите «если», вы вводите время. А время — величайшая скорбь.

Участник беседы: Как мы можем быть самими собой в отношении друг с другом?

Кришнамурти: Послушайте вопрос — «быть самими собой». Можно спросить, что это значит «самим собой»? Когда вы говорите «самими собой с другими», — что такое это «вы сами»? Ваш гнев, ваша ожесточённость, ваши разочарования, ваше отчаяние, ваше насилие, ваши надежды и полное отсутствие в вас любви — являетесь ли вы всем этим? Нет, сэр, не спрашивайте: «Как мы можем быть самим собой с другими?» — вы не знаете себя. Вы — всё это, как и другой также является всем этим: своими страданиями, проблемами, настроениями, разочарованиями, амбициями; каждый живёт в изоляции, обособленно. И только когда эти барьеры, эти сопротивления исчезнут, вы можете жить с другим счастливо.

Участник беседы: Почему вы разделяете сознательное и бессознательное, если не верите в разделение?

Кришнамурти: Это вы разделяете, не я! [*Смех.*] Последние десятилетия вас учили, что у вас есть бессознательное, и об этом написано множество книг, а психоаналитики сколачивают себе на этом состояния. Вода — всегда вода, налейте её хоть в золотой кувшин, хоть в глиняный горшок. Точно так же: надо не разделять, но видеть целое; в этом наша задача: увидеть всё сознание целиком, не отдельные фрагменты, такие как сознательное или бессознательное. Увидеть сознание целиком очень сложно, увидеть же фрагмент достаточно легко. Чтобы увидеть что-то целое — это значит увидеть его трезво, разумно, полностью, — вы не должны иметь центра, который называется «я», «ты», «они», «мы».

Это не доклад, не беседа, не лекция, которую вы прослушали мимоходом и ушли. Вы слушаете самих себя; и если у вас есть уши, чтобы услышать сказанное, вы не можете соглашаться или не соглашаться — это есть. Поэтому мы вместе это видим, мы находимся в общении, работаем вместе. В этом заключена величайшая свобода, величайшая любовь, и в конечном итоге из этого возникает понимание.

Санта-Моника, Калифорния, 1 марта 1970

СВОБОДА

«Пока ум не свободен полностью от страха, действие в любой форме будет порождать всё больше зла, всё больше страдания, всё больше смятения».

Мы уже говорили, как важно, чтобы произошло коренное изменение в человеческой душе, и что такое изменение возможно лишь через полную свободу. Слово «свобода» — самое опасное из слов, пока мы полностью, до самого конца не поймём его значение; и мы должны изучить все оттенки его смысла, а не только его словарное значение. Большинство из нас

использует слово «свобода» в зависимости от наших особых склонностей или фантазии или в политическом смысле. Мы не будем использовать это слово ни в политическом смысле, ни в каком-либо другом случайном или внешнем смысле — мы рассмотрим, скорее, его внутреннее, психологическое значение.

Но прежде нам надо понять значение слова «учиться». Как уже говорилось недавно, мы намерены общаться — то есть вместе участвовать, делиться друг с другом, — и учёба является как раз частью этого. Вы будете учиться не у ведущего беседу, а наблюдая и используя его как зеркало, в котором отражается движение вашей собственной мысли, чувств, вашей собственной психики, души, психологии. Никакой авторитет никоим образом не участвует в этом; хотя ведущему беседу и приходится сидеть на сцене, так как это удобнее, такое положение не придаёт ему никакого авторитета. Поэтому мы можем полностью это отбросить и заняться вопросом учёбы — не у другого человека, а используя ведущего беседу для познания себя. Вы учитесь наблюдением за своей собственной душой, за своим «я», чем бы это ни было. Чтобы учиться, нужна свобода, нужна изрядная любознательность, нужна энергия, страсть и неотложная непосредственность действия. Нельзя учиться, не обладая ни страстью, ни энергией для открытия. Если имеется какое-либо предубеждение, предвзятость, связанная с чувством одобрения или неодобрения, с осуждением, человек в любом случае не может учиться — он только искажает то, что наблюдает.

Слово «дисциплина» применяется, когда вы учитесь у человека, который знает; предполагается, что вы не знаете и потому учитесь у другого. Слово «дисциплина» подразумевает это. Но здесь мы используем это слово не в смысле обучения у другого, а в смысле наблюдения самого себя, что требует дисциплины, являющейся не подавлением, не подражанием, не подчинением, даже не приспособлением, а действительным наблюдением; само это наблюдение и есть акт дисциплины — то есть учёбы посредством наблюдения. Сам акт учёбы есть своя собственная дисциплина, в том смысле, что от вас требуется огромное внимание, громадная энергия, интенсивность и безотлагательная непосредственность действия.

Мы собираемся говорить о страхе, и занимаясь этим, мы должны рассмотреть великое множество вещей, так как страх представляет собой очень сложную проблему. Пока ум не свободен полностью от страха, действие в любой форме будет порождать всё больше зла, всё больше страдания, всё больше смятения. Поэтому мы вместе будем исследовать всё, связанное со страхом, и возможно ли вообще полностью избавиться от него — не завтра, не в какой-то момент будущего, а так, чтобы когда вы выйдете из этого зала, тяжесть, мрак, страдание и искажение, которые несёт страх, больше не существовали.

Чтобы понять это, следует также рассмотреть имеющуюся у нас идею постепенности, то есть идею постепенного избавления от страха. Постепенного избавления от страха быть не может. Или вы полностью свободны от него, или не свободны совсем; не существует постепенности, подразумевающей вовлечённость времени — времени не только в хронологическом, но и в психологическом смысле этого слова. Время составляет саму сущность страха, как мы покажем вскоре. Поэтому в деле понимания и освобождения от страха и от обусловленности, в которой человек воспитан, идея о том, что это можно сделать постепенно, со временем, должна быть полностью изжита. Это будет нашей первой трудностью.

С вашего позволения, вновь напоминаю вам, что это — не лекция; это скорее ситуация, когда двое дружески расположенных друг к другу, любящих людей вместе исследуют очень трудную проблему. Человек живёт со страхом, приняв его как часть своей жизни, и мы исследуем возможность или скорее «невозможность» покончить со страхом. Вы знаете — то, что возможно, уже сделано, закончено, не так ли? Если это возможно, вы можете это сделать. Но невозможное становится возможным, только когда вы понимаете, что никакого «завтра» вообще нет — в психологическом смысле. Мы столкнулись с колоссальной проблемой страха, и очевидно, что человек так и не сумел избавиться от страха полностью. Не только физически, но также и внутренне, психологически, он никогда не был избавлен от него; человек всегда отделялся от страха, придумывая различные формы развлечения, религиозного и прочего. Это были попытки убежать от «того, что есть». Поэтому мы занимаемся «невозможностью» быть свободным от него полностью — тем самым «невозможное» становится возможным.

Так что же такое, в действительности, страх? Физические страхи можно понять сравнительно легко. Но психологические страхи гораздо сложнее, и для понимания их должна быть свобода исследовать — не формировать мнение, не диалектически исследовать возможность положить страху конец. Сначала давайте углубимся в вопрос о страхах физических, которые, конечно, воздействуют на душу. Когда вы сталкиваетесь с какой-нибудь опасностью, всегда возникает немедленная физическая реакция. Страх ли это?

(Вы не учитесь у меня — мы учимся вместе; поэтому от вас требуется немало внимания, так как нет ничего хорошего в том, чтобы приходиться на подобные собрания и покидать их с неким набором идей или формул — это не освобождает ум от страха. Но чтобы сделать ум полностью свободным от страха, необходимо понять весь этот страх целиком именно *сейчас*, не завтра. Это всё равно что увидеть что-то целиком и полностью; и то, что вы видите, вы понимаете. Тогда это ваше и больше ничьё.)

Итак, существует физический страх, как, например, при виде пропасти, при встрече с диким животным. Является ли реакция на встречу подобной опасности физическим страхом, или это разумная реакция? Вы замечаете змею — реакция ваша немедленна. Эта реакция — обусловленность прошлым, говорящая: «Будь осторожен», — и вся ваша психосоматическая реакция непосредственна, хотя и обусловлена; это результат прошлого, ибо вам говорили, что это животное опасно. При встрече с любой формой физической опасности — существует ли страх? Или это реакция разумности на необходимость самосохранения?

Кроме того, существует страх повторения пережитой ранее боли или болезни. Что происходит в этом случае? Это проявление разумности? Или это действие мысли, которая является реакцией памяти, опасющейся, что в прошлом испытанная боль может повториться вновь? Ясно ли вам, что это именно мысль порождает страх? Существуют также разнообразные формы психологических страхов — страх смерти, страх перед обществом, страх оказаться нереспектабельным, страх перед людским мнением, страх темноты — и так далее.

Перед тем как перейти к вопросу о психологических страхах, нам надо понять кое-что очень ясно: мы не анализируем. Анализ не имеет ничего общего с наблюдением, с видением. Ведь в анализе всегда присутствуют и тот, кто анализирует, и то, что анализируется. Анализирующий — всего лишь один из многих фрагментов, из которых мы составлены. Один фрагмент присваивает себе авторитетные полномочия анализирующего и начинает анализировать. Что это значит? Анализирующий является цензором, некой сущностью, которая заявляет, что обладает знанием и потому авторитетом, дающим возможность анализировать. Если он не анализирует полностью, точно, без всякого искажения, тогда его анализ вообще не имеет никакой ценности. Пожалуйста, поймите это очень ясно, так как ведущий беседу не поддерживает идею о необходимости какого-либо анализа вообще, когда бы то ни было. Это довольно горькая пилюля, которую приходится проглотить, так как большинство из вас или подвергалось психоанализу, или собирается ему подвергнуться, или изучало, что такое психоанализ. Анализ предполагает не только отделение анализирующего от того, что анализируется, но ещё и время. Вам приходится анализировать постепенно — шаг за шагом — целый ряд фрагментов, из которых вы состоите, — и на это уходят годы. И когда вы анализируете, ум должен быть абсолютно ясным и свободным.

Итак, в анализ вовлечено несколько элементов: анализирующий — тот фрагмент, который отделяет себя от других фрагментов и говорит: «Я собираюсь анализировать», — а также время, день за днём, рассматривание, критика, осуждение, суждение, оценка, воспоминание. И сюда же входит также вся драма снов; никто не задаётся вопросом, обязательно ли вообще видеть сны — хотя все психологи говорят, что вы должны их видеть, иначе сойдёте с ума.

Так кто такой анализирующий? Он — часть вас самих, вашего ума, и он собирается исследовать другие части; он — результат прошлого опыта, прошлого знания, прошлых оценок; он — тот центр, из которого он и собирается исследовать. Есть ли у этого центра какая-нибудь истинность, какая-нибудь достоверность? Все мы действуем из центра — но что такое этот центр? Это центр страха, тревоги, жадности, удовольствия, отчаяния, надежды, зависимости, амбиции, сравнения — именно из него мы думаем, действуем. Это не предположение, не теория — это безусловный, доступный наблюдению повседневный факт. Этот центр состоит из множества фрагментов, и один из них становится анализирующим — что на самом деле

абсурдно, ведь анализирующий и есть анализируемое. Вы должны понять это, иначе вы не будете способны следить, когда мы войдём в проблему страха более глубоко. Вам надо понять это в полной мере, так как покидая этот зал вы должны быть свободны от страха, чтобы вы могли жить, радоваться и смотреть на мир другими глазами; чтобы ваши отношения не были более обременены страхом, ревностью, отчаянием; чтобы вы стали человеческим существом, а не склонным к насилию, всё разрушающим животным.

Итак, анализирующий есть анализируемое, и в их разделении — весь процесс конфликта. Анализ включает также время: к моменту, когда вы всё проанализируете, вы будете одной ногой в могиле — и окажется, что вы совсем и не жили. [Смех.] Нет, не смейтесь; это не развлечение, это чрезвычайно серьёзно. Только серьёзный, искренний человек знает, что такое жизнь, что такое жить — не человек, ищущий увеселений. Поэтому требуется по-настоящему серьёзное исследование.

Ум должен полностью освободиться от идеи анализа, так как она не имеет смысла. Вам нужно понять это, и не потому что ведущий беседу так сказал, а увидев истину всего процесса анализа целиком. И истина даст вам понимание; истина *есть* понимание — ложности анализа. Поэтому когда вы увидите ложность чего-то, вы сможете отбросить это целиком и полностью. Только когда мы не видим, появляется смятение.

Так можем ли мы взглянуть на страх в целом, не на многочисленные психологические страхи, а на сам страх? — существует только один страх. Хотя у него могут быть различные причины, обусловленные самыми разнообразными реакциями и влияниями, существует только один страх. И страх не существует сам по себе, он связан с чем-то; это довольно просто и очевидно. Человек боится чего-то — будущего, прошлого, не быть способным реализовать себя, быть нелюбимым, вести одинокую, несчастную жизнь, он боится старости и смерти.

Итак, существует страх, и явный и скрытый. Мы исследуем не какую-то особую форму страха, но всю его целостность — как сознательное, так и скрытое. Как это происходит? Задавая этот вопрос, вы должны также спросить — что такое удовольствие? Потому что страх и удовольствие идут вместе. Нельзя избавиться от страха, не поняв удовольствие; это две стороны одной монеты. Так что в понимании истины о страхе вы постигаете и истину об удовольствии. Требовать только удовольствия, не сопровождаемого страхом, невозможно. Тогда как если вы поймёте и то и другое, у вас будет совсем иная их оценка, иное их понимание. Это значит, что мы должны изучить структуру и природу не только страха, но и удовольствия. Нельзя освободиться от одного и продолжать цепляться за другое.

Итак, что такое страх и что такое удовольствие? Как вы можете заметить в себе, вы хотите избавиться от страха. Вся жизнь — это попытка убежать от страха. Ваши боги, ваши церкви, ваши моральные устои основаны на страхе, и чтобы понять это, нужно понять, как возникает этот страх. Вы что-то сделали в прошлом и не хотите, чтобы кто-то другой об этом узнал — это одна из форм страха. Вы страшитесь будущего, потому что вы не имеете работы или напуганы чем-либо ещё. Так что вы боитесь прошлого и испытываете страх перед будущим. Страх возникает, когда мысль начинает оглядываться на что-то, случившееся в прошлом, или же обращаться к событиям, которые могли бы произойти в будущем. *Мысль ответственна за это.* Вы очень тщательно — особенно здесь, в Америке, — избегаете мыслей о смерти; однако смерть всегда здесь. Вы не желаете думать о смерти, поскольку когда вы думаете о смерти, вы боитесь. Из-за этого страха вы выстраиваете различные теории; вы верите в воскрешение, или верите в перевоплощение, — у вас множество верований — и всё потому, что вы боитесь, и всё это порождено мыслью. Мысль и создаёт и поддерживает страх перед «вчера» и «завтра», и мысль также питает удовольствие. Вы увидели прекрасный закат солнца; в тот момент — великая радость, красота света на воде и движение деревьев; в этом огромный восторг. Затем вступает мысль и говорит: «Как бы я хотел увидеть эту красоту вновь!» Вы начинаете думать об этом и отправляетесь на другой день туда же — но вы этого не увидите. Вы испытали сексуальное удовольствие, и вы думаете о нём, пережёвываете его, создаёте образы, картины; и мысль поддерживает это. Есть мысль, поддерживающая удовольствие, и мысль, поддерживающая страх. Так что ответственна мысль. И это не формула, которую вам надо заучить, а действительность, которую необходимо всем вместе понять; поэтому здесь не может быть согласия или несогласия.

Итак, что такое мысль? Мысль — это, несомненно, реакция памяти. Если бы у вас не было памяти, у вас не было бы и мысли. Если бы вы не помнили дорогу к дому, вы бы не добрались до своего дома. Поэтому мысль не только порождает и поддерживает страх и удовольствие — мысль также необходима, чтобы эффективно выполнять определённые функции, действовать. Посмотрите, как всё становится сложно — мысль должна использоваться в полной мере и беспристрастно, когда ваши действия имеют технический характер, когда вы что-то делаете, однако мысль также порождает страх и удовольствие, и, следовательно, страдание.

Поэтому у человека возникает вопрос: каково место мысли? Где проходит граница между тем, где мысль нужно использовать в полной мере, и тем, где она не должна вмешиваться — когда вы видите прекраснейший закат, переживаете его в какой-то момент и тут же забываете. Процесс мышления в целом никогда не бывает свободным, поскольку его корни — в прошлом; мысль никогда не бывает новой. Не существует никакого вопроса о свободе выбора, потому что когда вы выбираете, работает мысль. Итак, мы стоим перед весьма тонкой проблемой: налицо опасность мысли, которая порождает страх, — страх разрушает, извращает, он принуждает ум к жизни во мраке и страдании, — и тем не менее мы видим, что мысль должна использоваться эффективно, беспристрастно, без эмоций. Каково состояние вашего ума в тот момент, когда вы наблюдаете этот факт?

Взгляните, господа, понять это с полной ясностью важнее всего, поскольку не стоит сидеть здесь и слушать все эти слова, которые не имеют смысла, если по окончании встречи вы будете по-прежнему испытывать страх. Когда вы уйдёте, страха быть не должно — не потому, что вы загнипнотизируете себя, убедив себя будто страха нет, а потому, что вы на самом деле, психологически, внутренне, поняли всю структуру страха.

Вот почему очень важно изучать, смотреть. Сейчас мы заняты именно тем, что очень внимательно наблюдаем, как возникает страх. Когда вы думаете о смерти, или о возможности потерять работу, когда вы думаете о множестве вещей из прошлого или будущего, страх неизбежен. Если же ум осознаёт тот факт, что мысль должна функционировать, и одновременно видит опасность мысли — каково качество ума, видящего это? Вы должны выяснять, не ждате, чтобы вам сказал я.

Пожалуйста, слушайте внимательно; это так просто, на самом деле. Мы говорили, что в анализе нет ничего хорошего, и объяснили почему. Если вы увидели истину этого — вы это поняли. Раньше вы признавали анализ, он был частью вашей обусловленности. Сейчас, когда вы видите тщетность, ложность анализа, он отпал. Итак, каково состояние ума, который отвергнул анализ? Такой ум свободнее, не так ли? Поэтому он более живой, более активный и потому он более разумный, острый, он более восприимчивый. И когда вы увидели факт, то есть как зарождается страх, узнали об этом, наблюдали также за процессом удовольствия, посмотрите на состояние своего ума, который становится более острым, более ясным и потому удивительно разумным. Эта разумность не имеет ничего общего со знанием, с опытом; нельзя прийти к этой разумности, просто посещая колледж или обучаясь восприимчивости. Эта разумность приходит, когда вы очень внимательно проследили всю структуру анализа и всё, что содержится в нём, — вовлечённость времени и нелепость мысли, что один из фрагментов может понять весь процесс целиком, — а также когда вы увидели природу страха и поняли, что такое удовольствие.

Поэтому когда страх — который стал привычкой — придёт к вам завтра, вы будете знать, как встретить его, не откладывая его на потом. Сама эта встреча является одновременно и концом страха, ибо действует разумность. Это означает конец не только для известных вам, но и для глубоких, запятанных страхов.

Видите ли, одной из наиболее удивительных вещей является лёгкость, с которой мы поддаёмся влияниям. С детства нас учат быть католиками, протестантами, американцами, и прочее. Мы представляем собой результат повторяющейся пропаганды и продолжаем повторять её. Мы — люди из «вторых рук». Так что будьте настороже, не попадите под влияние ведущего беседу, ведь вы имеете дело со своей жизнью, а не с его.

Говоря о проблеме удовольствия, нам нужно также понять, что такое настоящее наслаждение, так как оно не имеет ничего общего с удовольствием. Имеют ли удовольствие, желание какое-либо отношение к любви? Чтобы всё это понять, необходимо наблюдать за

самим собой. Человек — результат мира; человек — человеческое существо — это часть других человеческих существ, у которых те же самые проблемы, возможно, не экономические или социальные, но человеческие проблемы — вся эта борьба, громадные усилия, понимание того, что жизнь, которой мы живём, не имеет никакого смысла. Поэтому человек изобретает для жизни формулы. Всё это становится совершенно ненужным, когда вам понятна структура самого себя, страха, удовольствия, любви, а также смысл смерти. Только тогда вы можете жить как целостное человеческое существо и никогда не действовать неправильно.

Теперь, если вы хотите, задавайте вопросы, помня при этом, что и вопрос и ответ находятся внутри вас самих.

Участник беседы: Если страх порождается неизвестным, а вы говорите, что для понимания его неправильно использовать мысль... ?

Кришнамурти: Вы говорите, что боитесь неизвестного, будь то неизвестное завтрашнего дня или реально существующее неизвестное. Но на самом ли деле вы боитесь того, о чём не знаете? Или вы испытываете страх перед чем-то, что вам известно, к чему вы привязаны? Следовательно, вы боитесь потерять известное? Понимаете, сэр? Когда вы боитесь смерти — неизвестного ли вы боитесь? Или вы страшитесь того, что всё, что вы знаете, придёт к концу — ваши удовольствия, ваша семья, ваши достижения, ваш успех, ваша мебель? Как человек может страшиться чего-то, чего он не знает? И если вы страшитесь этого, мысль переносит всё в сферу известного — она начинает воображать. Так что ваш Бог — продукт вашего воображения и вашего страха. Поэтому, сэр, не раздумывайте о неизвестном. Поймите известное и будьте свободны от известного.

Участник беседы: Я прочитал высказывание: «Господи, я верую, помоги моему неверию». Как можем мы достичь чего-либо при этом очевидном конфликте веры и сомнения?

Кришнамурти: Почему вы верите всему, что вы читаете? Не имеет значения, содержится ли это в Библии, в Гите или в священных книгах других религий. Взгляните на это — почему вы верите? Вы верите в завтрашний восход солнца? В каком-то смысле верите — вы думаете, что оно взойдёт. Но вы верите в рай, в Отца Небесного, ещё во что-то — почему? Из-за того что вы напуганы, несчастны, одиноки, из-за страха смерти верите вы во что-то, что вам кажется постоянным. Как может ум, отягощённый верованиями, видеть ясно? Как может он быть свободным для наблюдения? Как может такой ум любить? У вас своя вера, у другого своя. При понимании проблемы страха в целом у вас нет веры во что-либо. Тогда ум функционирует в счастье, без искажения, и потому — великая радость, восторг.

Участник беседы: Я читал ваши книги, слушал выступления, и я слышал, как вы говорите прекрасные вещи. Я слышал, как вы говорите о страхе — и о том, как нам с ним покончить; но природа ума заключается в том, что он полон желаний, он полон мыслей. Как нам испытать свободу ума, когда он находится в постоянном действии? Какова тут система, метод?

Кришнамурти: Сэр, что такое желание? Почему ум болтает так безостановочно?

Участник беседы: Неудовлетворённость.

Кришнамурти: Пожалуйста, не отвечайте, — выясняйте. Взгляните: вы хотите систему, метод, дисциплину, чтобы успокоить ум, понять то или это, или побороть желание. Применение системы означает механическую рутину, постоянное повторение одного и того же; система предполагает это. Что происходит, когда ум так поступает? Он становится неповоротливым и тупым умом. Следует понять, почему ум всё время «болтает», почему он перескакивает с одного на другое.

Не думаю, что мы сможем сегодня поговорить об этом — вы ведь устали? [*Крики: «Нет».*] Вы провели целый день на работе, занимались там рутинными делами. Здесь вы говорите, что вы не устали — но ведь это означает, что вы не работали. [*Смех.*] Вы не предпринимали серьёзного исследования. Это значит, вы просто развлекаетесь и уйдёте отсюда со своими страхами. Но, ради Бога, господи, какой смысл в этом?

Санта-Моника, Калифорния, 4 марта 1970

«Но изменение в обществе имеет второстепенное значение; оно произойдёт неизбежно и естественно, когда вы, как человеческое существо, связанное с другими, осуществите это изменение в себе самом».

Мы рассматривали чрезвычайную сложность повседневной жизни, борьбу, конфликт, страдание и смятение, которые испытывает человек. Пока он на самом деле не поймёт природу и структуру этой сложности и как он попадает в эту ловушку, свободы не будет — ни свободы исследования, ни свободы, приходящей вместе с великой радостью, в которой присутствует полное самозабвение. Эта свобода невозможна, если имеется страх в какой-либо форме, как поверхностный, так и спрятанный глубоко в уме. Мы указывали на связь между страхом, удовольствием и желанием. Для понимания страха человеку необходимо также понять природу удовольствия.

Сегодня утром мы поговорим о центре, из которого исходит наша жизнь и наша деятельность, и посмотрим, возможно ли вообще изменить этот центр. Ибо необходимость изменения, трансформации, внутренней революции, очевидна. Чтобы осуществить эту трансформацию, надо очень тщательно исследовать, что такое наша жизнь — не убегать от неё, не тешить себя теоретическими верованиями и разного рода утверждениями, но очень внимательно наблюдать, чем в действительности является наша жизнь, и видеть, можно ли полностью её изменить. Трансформируя её, вы можете воздействовать на природу и культуру общества. В обществе должна произойти перемена — в нём так много пороков, социальной несправедливости, отталкивающе карикатурного поклонения и тому подобного. Но изменение в обществе имеет второстепенное значение; оно произойдёт неизбежно и естественно, когда вы, как человеческое существо, связанное с другими, осуществите это изменение в себе самом.

Этим утром мы собираемся рассмотреть три важных вопроса. Что такое жизнь? — жизнь, которую мы ведём каждый день. Что такое сострадание, любовь? И третье — что такое смерть? Эти три вещи тесно связаны между собой — поняв одну из них, мы поймём и две остальные. Как мы видели, нельзя брать из жизни отдельные фрагменты, выбирать часть жизни, которую вы считаете наиболее стоящей и которая привлекает вас или больше всего соответствует вашим склонностям. Либо вы берёте жизнь целиком — вместе со смертью, любовью, каждодневным существованием, — либо вы просто выбираете только один фрагмент, который может показаться удовлетворительным, однако на самом деле приводит к ещё большему смятению. Поэтому мы должны брать жизнь в целом, и при рассмотрении вопроса, что значит жить, следует помнить, что обсуждается нечто целое, разумное и святое.

В повседневной жизни, состоящей из взаимоотношений, мы наблюдаем конфликт, боль и страдание; существует постоянная зависимость от другого, которая предполагает жалость к себе и сравнение; это то, что мы называем жизнью. Позвольте повторить ещё раз: мы не занимаемся теориями, не пропагандируем никакой идеологии — ибо очевидно, что идеологии не имеют никакой ценности; напротив, они вызывают ещё большее смятение, ещё больший конфликт. Мы не поддаёмся мнению, оценке или осуждению. Нас интересует исключительно наблюдение того, что происходит в действительности, чтобы выяснить, можно ли это изменить.

Хорошо видно, как противоречива наша повседневная жизнь и как она запутана; та жизнь, которой мы сейчас живём, абсолютно бессмысленна. Смысл для неё можно изобрести; интеллектуалы как раз этим и занимаются, и люди принимают этот смысл — и это может быть весьма умной философией, но ни на чём не основано. Тогда как если человек занят только «тем, что есть», не изобретая никакого значения, не уклоняясь, не теша себя теориями или идеологиями, если человек в высшей степени сознателен, его ум способен встретить лицом к лицу «то, что есть». Теории и верования не изменяют нашу жизнь — человек имел их уже тысячи лет, однако он не изменился; они, возможно, и произвели в нём некоторую внешнюю шлифовку, и сегодня он, возможно, не такой дикарь, каким был прежде, но человек всё ещё жесток, склонен к насилию, непостоянен и не способен поддерживать в себе серьёзность. С рождения до самой смерти живём мы жизнью, наполненной страданием. Это факт. И никакое количество умозрительных теорий об этом факте на него не повлияет. «То, что есть» поддаётся

воздействию способности и энергии, силы и страсти, с которыми мы смотрим на этот факт. Но нельзя обладать страстью и силой, если ваш ум гонится за каким-нибудь заблуждением, за какой-нибудь умозрительной идеологией.

Теперь мы начинаем исследовать нечто очень сложное, вам потребуется вся ваша энергия, всё ваше внимание, не только пока вы здесь, в этом зале, но и во всей вашей дальнейшей жизни, если вы хоть сколько-нибудь серьёзны. То, что нас заботит, — это изменение «того, что есть»: горя, конфликтов, насилия, зависимости от другого — не зависимости от бакалейщика, врача или почтальона, но зависимости в наших отношениях с другими, как психологической, так и психосоматической. Эта зависимость от другого неизменно порождает страх, ведь пока я зависим от вашей поддержки, эмоциональной, психологической или духовной, я — ваш раб, и, следовательно, существует страх. Это факт. Большинство людей находятся в зависимости от других, и в этой зависимости присутствует жалость к себе, которая приходит через сравнение. Таким образом, там, где существует психологическая зависимость от другого человека — от вашей жены, или от вашего мужа, — должны быть не только страх и удовольствие, но также и боль, связанная с этим.

Надеюсь, вы наблюдаете это в себе, а не просто слушаете ведущего беседу. Вы знаете, есть два способа слушать: можно слушать небрежно, слыша набор каких-то идей, соглашаясь или не соглашаясь с ними; или есть другой способ, когда вы не только слушаете слова с их значениями, но также прислушиваетесь к тому, что на самом деле происходит внутри вас. И если вы слушаете именно так, то слова говорящего соотносятся с тем, что вы слышите в себе; тогда вы не просто слушаете говорящего — что здесь неуместно, — а воспринимаете целостное содержание вашего бытия. Если вы слушаете таким образом с интенсивностью, в то же время и на том же уровне, мы вместе принимаем участие в том, что действительно происходит. Тогда у вас есть страсть, которая изменит «то, что есть». Но если вы не слушаете таким образом — всем умом, всем сердцем, — тогда наша встреча становится совершенно бессмысленной.

При понимании «того, что есть», реальной, ужасной жизни, которую ведёт человек, видно, что живёт он изолированно — и хотя у человека могут быть жена и дети, но внутри него продолжается процесс самоизоляции. Ваша жена, ваша подруга и ваш друг — каждый человек на самом деле живёт в изоляции; и живя вместе в одном доме, каждый человек остаётся изолированным, со своими амбициями, со своими страхами и со своими печалью. Подобное существование называют взаимоотношениями. И вновь, это факт: у вас есть своё представление о ней, а у неё есть своё представление о вас, и у вас есть представление ещё и о себе самом. Отношения складываются между этими образами, и они не являются действительными отношениями. Так что прежде всего следует понять, как создаются эти образы, как они появляются, почему они должны существовать, и что значит жить без этих образов. Не знаю, задавали ли вы себе когда-нибудь вопрос, возможна ли жизнь, в которой нет ни образов, ни формул, — и что бы такая жизнь значила. Мы собираемся это выяснить.

У нас всегда есть множество переживаний. Мы можем осознавать их, а можем не осознавать. Каждое переживание оставляет свой след; и эти следы наслаиваются друг на друга день за днём и превращаются в образ. Кто-то оскорбляет вас — и в ту же секунду вы формируете образ этого человека. Или кто-то льстит вам — и вновь образ уже готов. Так что всякая реакция неизбежно приводит к созданию образа. И когда вы уже создали его, можно ли положить ему конец?

Чтобы избавиться от образа, нам сначала надо понять, как он появляется; и мы видим, что если мы не реагируем на какой-либо вызов адекватно, он обязательно оставит после себя образ. Если вы называете меня глупцом, вы тут же становитесь моим врагом или вы мне не нравитесь. Когда вы называете меня глупцом, в этот момент я должен быть в состоянии интенсивного осознания и просто слушать ваши слова, без всякого выбора, без всякого осуждения. Если на ваше высказывание никакой эмоциональной реакции нет, вы увидите, что никакого образа формироваться не будет.

Поэтому следует осознавать реакцию и не давать ей времени укорениться — ведь как только реакция укореняется, она создаёт образ. Теперь, можете ли вы сделать это? Для этого необходимо внимание — не просто мечтательное движение по жизни, но внимание в момент вызова, внимание всего вашего существа, когда вы слушаете сердцем и умом и ясно понимаете

всё, что говорится вам, будь то оскорбление, лесть или мнение о вас. Тогда вы увидите — никакого образа нет вообще. Образ может относиться только к чему-то, что случилось в прошлом. Если это приятный образ, мы цепляемся за него. Если же образ доставляет нам боль, мы стремимся избавиться от него. Так возникает желание; что-то мы хотим сохранить, а что-то хотим отбросить; и желание порождает конфликт. Если вы осознаёте всё это — отдавая внимание без всякого выбора, просто наблюдая, — значит вы можете выяснять и понимать сами, значит вы не живёте по совету какого-то психолога, священника, врача. Чтобы выяснить истину, вы должны быть полностью свободным от всего этого, остаться в одиночестве. А остаться в одиночестве — это повернуться спиной к обществу.

Если вы наблюдали за собой внимательно, вы поймёте, что часть вашего мозга, которая развивалась многие тысячи лет, есть прошлое, — это прошлое в форме опыта, памяти. В этом прошлом — безопасность. Надеюсь, вы наблюдаете всё это в себе. Прошлое всегда реагирует немедленно; и отсрочить реакцию прошлого при встрече с вызовом — так, чтобы между реакцией и вызовом возник интервал, — значит покончить с образом. Если этого не произойдёт, мы всегда будем жить в прошлом. Мы сами *есть* прошлое, и в прошлом нет свободы. Такова наша жизнь — постоянная борьба, прошлое, видоизменённое настоящим, устремлённым в будущее — которое тоже есть лишь движение прошлого, хотя и видоизменённое. И пока существует это движение, человек никогда не может быть свободным, он должен постоянно пребывать в конфликте, скорби, смятении, страдании. Можно ли отсрочить реакцию прошлого, чтобы не происходило немедленное формирование образа?

Мы должны рассматривать жизнь такой, какова она есть, её бесконечное смятение и страдание, а также бегство от этого в какое-нибудь религиозное суеверие, в поклонение Государству, в различные формы развлечений. Мы должны видеть, как человек прячется в неврозы — ведь невроз предлагает необычайное чувство безопасности. Человек, который «верит», — невротик; человек, поклоняющийся образу, — невротик. Эти неврозы дают величайшее чувство безопасности. И это не вызывает в человеке радикальной революции. Чтобы осуществить такой переворот, вы должны наблюдать без всякого выбора, без какого-либо искажения желанием, удовольствием или страхом — просто фактически наблюдать то, что вы есть, без убегания. И не называйте то, что видите, — просто наблюдайте. Тогда в вас будет страсть, энергия, чтобы наблюдать, — и с этим наблюдением придёт огромная перемена.

Что такое любовь? Мы так много говорим о любви — любовь к Богу, любовь к человечеству, любовь к стране, любовь к семье — но всё же, странным образом, с этой любовью появляется и ненависть. Вы любите своего Бога и ненавидите Бога других; вы любите свой народ, свою семью, но вы выступаете против другого народа, против другой семьи. Мы не осуждаем, мы не судим, мы не оцениваем — мы просто наблюдаем то, что в действительности происходит; и если вы знаете, как наблюдать, это даёт вам огромную энергию.

Что такое любовь и что такое сострадание? Слово «сострадание» означает страсть по отношению к каждому, забота обо всех, включая животных, которых вы убиваете, чтобы есть. Сначала давайте посмотрим на то, что есть на самом деле, — а не как это должно бы быть, — увидим то, что происходит в повседневной жизни. Знаем ли мы, что значит любить, или нам известны лишь удовольствие и желание, которые мы называем любовью? — конечно, с удовольствием и желанием действуют и нежность, забота, привязанность и прочее. Так является ли любовь удовольствием, желанием? По-видимому, для многих из нас так оно и есть. Человек зависит от своей жены, он любит свою жену, однако стоит ей посмотреть на кого-то ещё, как он гневается, расстраивается и печалится, а в конечном итоге всё заканчивается разводом. Вот что вы называете любовью! — и если ваша жена умирает, вы женитесь на другой, так велика зависимость. Человек никогда не задаётся вопросом, почему он зависит от другого. (Я имею в виду психологическую зависимость.) Если вы обратите своё внимание на это, то увидите, как вы одиноки, как глубоко подавлены, как разочарованы и несчастливы. Вы не знаете, что вам делать с этим одиночеством, с этой изоляцией, которая по сути является формой самоубийства, — и не зная, что делать, оказываетесь в зависимости. Зависимость даёт вам большое утешение и партнёрство, однако как только это партнёрство хотя бы немножко меняется, к вам приходит ревность, ярость.

Если бы вы любили своих детей, разве вы посылали бы их на войну? Разве вы давали бы им то образование, которое они получают сейчас, — образование лишь специальное, прикладное, техническое, чтобы помочь им получить работу, сдать какие-то экзамены, и пренебрегли бы всем остальным в этой чудесной жизни? До пяти лет вы так бережно заботитесь о своих детях, после чего вы отдаёте их на съедение волкам. И это вы называете любовью. Существует ли любовь там, где есть насилие, ненависть, вражда?

Так что же вы будете делать? Внутри этого насилия и ненависти заключена ваша добродетель, ваша мораль; когда вы отвергаете их — вы добродетельны. Это означает, что вы увидели весь смысл любви, всё то, что с ней связано и что в ней заключено — тогда вы держитесь сами, без посторонней помощи, и вы способны любить.

Вы это слушаете, потому что это истина. Если вы не живёте истиной, она становится ядом; когда вы слышите что-то истинное и игнорируете это, появляется очередное противоречие в жизни, а следовательно, ещё больше страдания. Поэтому либо слушайте всем сердцем и всем своим умом, либо не слушайте вообще. Но раз уж вы здесь, я надеюсь, что вы слушаете!

Любовь — не противоположность чего-то ещё. Она не противоположна ненависти или насилию. И даже когда вы ни от кого не зависите и ведёте самую добродетельную жизнь — выполняете общественную работу, ходите на демонстрации, — но если в вас нет любви, это не имеет никакой ценности. Если вы любите — можете делать всё, что хотите. Человек, который любит, не совершает ошибок; а если и совершает, немедленно их исправляет. Человек, который любит, не испытывает ни ревности, ни угрызений совести; для него не существует прощения, так как не существует момента, когда бы появлялось что-то, нуждающееся в прощении. Всё это требует тщательного исследования, особой заботы и внимания. Но вы пойманы в ловушку современного общества; эту ловушку вы создали себе сами; но если кто-либо указывает вам на это, вы не обращаете внимания. И потому войны и ненависть продолжают.

Интересно, что вы думаете о смерти? — не теоретически, но что она на самом деле для вас значит — не как нечто такое, что неизбежно произойдёт в результате несчастного случая, болезни или от старости. Это случается с каждым — старость и характерные для неё попытки вернуть молодость. Все теории, всякие надежды означают, что вы в отчаянии; находясь в отчаянии, вы ищете что-то, что даёт вам надежду. Вы когда-нибудь присматривались к своему отчаянию, чтобы выяснить, почему оно существует? Оно существует, потому что вы сравниваете себя с кем-то, потому что вы стремитесь выполнить, осуществить, стать, быть, достичь.

Одна из странностей жизни — наша обусловленность глаголом «быть». Ведь она включает в себя прошлое, настоящее и будущее. Вся религиозная обусловленность основана на глаголе «быть» — рай и ад, все верования, все спасители, все крайности. Может ли человек жить без этого глагола, что означает жить и не иметь прошлого, не иметь будущего? Это не означает «жизнь в настоящем» — вы не знаете, что такое жизнь в настоящем. Чтобы жить полностью в настоящем, необходимо знать природу и структуру прошлого, которое и есть вы сами. Вам необходимо познать себя настолько совершенно, чтобы не осталось в вас ни одного тёмного угла; «я» — это прошлое, это «я» разрастается на почве глагола «быть»: становиться, достигать, помнить. Постарайтесь понять, что значит жить без этого глагола, психологически, внутренне.

Что значит смерть? Почему мы все испытываем такой страх перед смертью? По всей Азии люди верят в перевоплощение; в нём их великая надежда — не знаю, почему; люди продолжают говорить и писать о нём. Посмотрите на то, что должно перевоплотиться, что это? — всё ваше прошлое, всё ваше страдание, смятение; всё, что вы представляете собой сейчас? И вы думаете, что «вы» (здесь обычно используют слово «душа») являетесь чем-то постоянным. Есть ли в жизни что-либо постоянное? Вы хотели бы иметь что-нибудь постоянное и тем самым убрать смерть подальше от себя, никогда не смотреть на неё, потому что вы боитесь. Тогда у вас есть «время», время между тем, что есть, и тем, что неизбежно произойдёт.

Либо вы проецируете свою жизнь в будущее, продолжая жить, как живёте сейчас, всё время надеясь на что-то вроде воскрешения или перевоплощения, либо каждый день вы

умираете — умираете для самого себя, для своего страдания и печали; и вы сбрасываете каждый день с себя эту ношу, и ваш ум остаётся свежим, молодым и непорочным. Слово «непорочность» означает «то, чему нельзя нанести вред». Если уму нельзя, причинить ущерб, это вовсе не значит, что он воздвиг мощную стену сопротивления, напротив, такой ум умирает для всего, что он знал и что несло с собой конфликт, удовольствие и боль. Лишь тогда ум непорочен; это значит — он способен любить. Нельзя любить памятью, любовь не относится к сфере воспоминаний, времени.

Так что любовь, смерть и жизнь не отделены, они составляют единое целое, и в этом заключается здравомыслие. Здравомыслие недостижимо, когда существуют ненависть, гнев, ревность и зависимость, порождающая страх. Там же, где здравомыслие есть, жизнь становится праведной; появляется великая радость, и вы можете делать всё, что хотите; всё, что вы делаете, будет добродетельным, истинным.

Мы не знаем всего этого — мы знаем только наше страдание — и не зная, стараемся убежать. Если бы только мы не убегали, но могли действительно наблюдать, ни на йоту не отклоняясь от «того, что есть» в попытках его называть, осуждать или судить, — могли бы просто смотреть. Чтобы наблюдать что-то, необходима внимательность — внимательность же означает сочувствие. Жизнь, которой живут столь великолепно, столь полно, может перейти в медитацию, о которой мы будем говорить завтра. Если же не заложить такой фундамент, медитация будет всего лишь самогипнозом. Закладка такого фундамента означает, что вы поняли эту удивительную жизнь, в вашем уме нет конфликта и вы ведёте жизнь, в которой есть сострадание, красота и потому порядок. Не порядок намеченного плана, но порядок, который приходит вместе с пониманием беспорядка, являющегося вашей жизнью. Ваша жизнь является беспорядком. Беспорядок — это противоречие, конфликт противоположностей. Когда вы понимаете этот беспорядок, который внутри вас, тогда из этого рождается порядок — порядок определённый, математически точный, в котором нет ни малейшего искажения. Всё это требует медитативного ума — ума, способного наблюдать безмолвно.

Участник беседы: В одной из ваших книг вы говорите, что делать чудеса — это самое лёгкое. Объясните, пожалуйста, эти слова о чудесах.

Кришнамурти: Не хотелось бы мне, чтобы вы цитировали книги — включая также и книги ведущего беседу. [Смех.] Я говорю это вполне серьёзно. Никого не цитируйте. Одна из самых ужасных вещей — жить согласно идеям других людей. Идеи не являются истиной. «В одной из книг вы говорите, что чудеса — это самое лёгкое на земле», — а разве нет? Разве это не чудо, что вы сидите там, а я — здесь, и мы разговариваем друг с другом? Ведь если вы слушаете без усилия, то вы узнаете, что значит жить полно, жить целостно; и если вы будете жить таким образом, так это и будет чудо, самое великое из всех.

Участник беседы: Двадцать семь лет я не был в этой стране, и вернулся я около трёх месяцев назад. Я вижу сильнейший страх, который здесь распространяется. На основании своих собственных наблюдений и наблюдений моих друзей я убеждаюсь, что налицо тотальное проникновение мафии и развитие полностью полицейского государства. Можете ли вы помочь нам как индивидам, дать нам ключ для борьбы с этими условиями? Я понимаю, что борьба будет трудной, и я также осознаю, что сопротивляясь, мы можем оказаться в тюрьме. Что может сделать каждый человек в отдельности для того, чтобы дать отпор этим ужасным силам?

Кришнамурти: Сэр, это не попытка уйти от вопроса, но всё же: можете ли вы как индивид оставаться мирным? Индивид ли вы вообще? У вас может быть банковский счёт, свой собственный дом, семья и тому подобное — но индивид ли вы? Индивид означает неделимость внутри себя, отсутствие фрагментарности. Но мы разделены, разбиты на части — и потому мы не индивиды. Мы такие же, как и общество. Мы создали это общество. Что остаётся человеку, разделённому изнутри, кроме как идти к тому состоянию, в котором он будет представлять собой единое целое? И тогда появится совершенно новый тип действия. Но пока мы действуем, будучи разбиты на части, будучи раздроблены, мы неизбежно создаём в мире ещё больший хаос. Я уверен, этот ответ никого не удовлетворит; вы просите ключ, однако ключ находится в вас самих. Вы должны выковать этот ключ.

Участник беседы: Но время не терпит, и мне кажется, я так и не смогу до конца понять, как мне быть с этим.

Кришнамурти: «Время не терпит» — можете ли вы измениться немедленно? Измениться не постепенно или завтра? Можете ли воспринять «целостную» жизнь, в которой есть любовь — всё, о чём мы говорили этим утром, — немедленно? Ведущий беседу говорит, что единственное, что нужно делать, это измениться полностью, фундаментально, немедленно. Для этого вы должны наблюдать всем своим сердцем и умом; не спасаясь бегством во что-нибудь, в национализм или в свои верования; одним движением отодвиньте всё это в сторону, и полностью осознавайте всё. Тогда имеет место радикальная перемена, немедленно, и из такой немедленной трансформации вы начнёте действовать совсем по-другому.

Участник беседы: Имеет ли любовь объект? Можно ли любить в своей жизни только одного?

Кришнамурти: Слышен ли был вопрос? Можно ли любить одного человека, и в то же время многих других? Станный это вопрос. Если вы любите — вы любите и одного и всех. Но мы не любим. Сэр, множество ли людей вдыхают аромат цветка или лишь один человек — цветку всё равно, он просто есть. В этом — красота любви: любовь может одаривать и одного и многих. Это возможно, только когда есть сострадание, когда нет ревности, амбиций и стремления к успеху; это является отказом от всего того, что человек создал и в себе, и вокруг себя. Через отрицание рождается положительное.

Санта-Моника, Калифорния, 7 марта 1970

РЕЛИГИЯ

«Таким образом, религия есть нечто, что не может быть выражено словами; религия не может быть измерена мыслью...»

Мы уже говорили, что сегодняшним вечером мы будем беседовать о религии и о медитации. Они представляют собой на самом деле весьма сложную проблему, требующую немалого терпения, сомнений и внимательного исследования, при котором мы не должны ничего предполагать, допускать или принимать на веру. Человек всегда стремился к чему-то большему, чем повседневное существование, с его болью, удовольствием и скорбью; он всегда хотел найти нечто более постоянное. И в своих поисках этого безымянного он построил храмы, церкви и мечети. Во имя религии люди творили удивительные вещи. Случалось, что из-за религий начинались войны; людей пытали, сжигали, уничтожали; потому что вера была важнее истины, а догма — живее непосредственного восприятия. Когда вера становится самым главным в жизни, у вас появляется желание пожертвовать всем ради веры; и до тех пор, пока эта вера даёт утешение, безопасность, чувство прочности и постоянства, не имеет значения, истинна она или не имеет под собой никакого основания.

Если вы ищете что-то, это очень легко найти; но это означает, что перед тем как начать поиск, нужно иметь основу, какое-либо представление о том, что вы собираетесь искать. В сам поиск вовлечено несколько процессов; есть не только желание и надежда, что найденное вами окажется истиной, но за поиском стоит также какой-то мотив. Если мотивом является стремление убежать от страха, найти утешение и безопасность, то вы неизбежно найдёте что-нибудь, что удовлетворит вас; это может быть самое абсурдное верование, но пока оно вас удовлетворяет и полностью успокаивает, вы цепляетесь за него, как бы смехотворна ни была иллюзия. В этом большая опасность для тех, кто пытается найти.

Если существует страх любого вида, скрытый или явный, поиск становится уклонением, бегством от реальности. И если во время поиска вы что-либо обнаруживаете, открытие это основано на узнавании — вы должны опознать найденное, иначе оно не будет иметь никакой ценности. Но узнавание, если к нему присмотреться, относится к памяти о прошлом, о чём-то, что вы уже знали, иначе процесс узнавания невозможен. Всё это является частью вечного поиска человеком чего-то такого, что он считает истиной; но что вне пределов ума, не основано на узнавании.

Религия, в общепринятом смысле этого слова, стала сейчас делом пропаганды корыстного интереса, с огромной собственностью и с мощной иерархической, бюрократической системой

«духовности». Религия стала предметом догмы верования и ритуала — чем-то полностью оторванным от повседневной жизни. Вы можете или верить или не верить в Бога, но эта вера очень мало значит в реальной жизни — в которой вы обманываете, разрушаете, идёте на поводу своих амбиций, жадности, ревности, насилия. Вы верите в Бога, или в спасителя, или в какого-то гуру, но веру свою вы держите на расстоянии — так, что она фактически не затрагивает вашу повседневную жизнь.

Религия — в нынешнем её состоянии — стала удивительным явлением, не имеющим под собой абсолютно никаких оснований. Христианин за последние две тысячи лет был приучен верить. Пожалуйста, понаблюдайте за этим в себе, не критикуя, не осуждая, просто понаблюдайте. Может быть, вам это не понравится, но нужно принять тот факт, что человек, если он христианин, обусловлен не меньше, чем коммунист или атеист. И верующий и неверующий — оба обусловлены культурой своего времени, обществом, чрезвычайным процессом пропаганды. То же самое уже тысячи лет продолжается и в Азии.

Любая материальная структура, психологические суждения, устойчивые верования, ради которых человек готов уничтожить или подвергаться уничтожению, основаны на диалектическом, самоуверенно-навязчивом мнении о путях открытия истины; однако «истинное мнение», каким бы умным и аргументированным оно ни было, никоим образом не включает в себя реальность — оно остаётся всего лишь мнением. Сегодня все религии мира абсолютно бессмысленны. Желая духовного развлечения, мы идём в церковь или в храм или в мечеть, и всё это не имеет никакого отношения к нашему ежедневному страданию, смятению и ненависти. Действительно серьёзный человек, тот, кто на самом деле хочет выяснить, существует ли что-то большее, чем эта ужасная вещь, называемая существованием, несомненно должен быть полностью свободным от догмы, от веры и от пропаганды, должен быть свободным от структуры, в которой его воспитали для того, чтобы он был «религиозным человеком».

Через отрицание «того, что есть» в так называемых религиях мы приходим к положительному. Мы собираемся выяснить, если сможем, что же именно ищет человек — не с помощью какого-либо спасителя или гуру, и не с помощью ведущего эту беседу. Мы собираемся выяснить сами, существует ли нечто, что не является проекцией наших собственных надежд, наших страхов, не изобретённое ловким, хитрым умом и не порождённое нашим полным одиночеством.

Чтобы выяснить, человек должен быть свободен от веры; ибо вера есть качество ума, отдающего предпочтение тому, что даёт ему какую-то надежду, утешение, безопасность, чувство постоянства. Для свободы исследования человек должен быть свободен от страха, от беспокойства, от желания быть психологически защищённым. Вот очевидные требования к очень искреннему, серьёзному человеку, по-настоящему желающему выяснить.

Инструментом, пригодным для исследования, является ясный ум; такой ум не имеет искажений или предвзятого мнения, формулы и верования. Посмотрите, как это невероятно трудно — иметь ум, не вовлечённый в конфликт; так как это ум, который понял конфликт и освободился от него.

Ум — имеется в виду не только ум, но и сердце, вся психосоматическая природа человека — должен быть в высшей степени чувствительным; ибо чувствительность предполагает разумность. Мы собираемся войти в это немного — ведь всё это лежит в основе медитации. Если не заложить фундамент порядка, медитация — одно из самых необычайных явлений в жизни — превратится просто в бегство, ведущее к самообману, к самогипнозу. Низкопробный ум способен научиться хитроумным приёмам, может практиковать так называемую медитацию, но он так и останется низкопробным и тупым.

У большинства из нас очень мало энергии; мы расходуем её в конфликте, в борьбе, растрачиваем самыми разными способами, не только через секс, но значительное количество энергии растрачивается также в противоречиях и во внутренней фрагментации, порождающих конфликт. Конфликт определённо является огромнейшей растратой энергии — «напряжение» понижается. Необходима не только физическая, но и психологическая энергия, с умом чрезвычайно ясным, логичным, разумным, неискажённым, и с сердцем, в котором нет ни сентиментов, ни эмоций, а есть изобилие любви, сострадания. Всё это даёт великую силу,

страсть. Вам это необходимо, иначе вы не сможете совершить путешествие в то, что называется медитацией. Вы можете сидеть скрестив ноги, дышать или вытворять фантастические вещи, но вы никогда не приблизитесь к ней.

Тело должно быть необычайно чувствительным; это одна из самых больших трудностей, ведь мы нарушили разумность тела алкоголем, курением, потворством своим страстям, удовольствием; мы сделали своё тело грубым. Взгляните на тело, которое должно быть очень живым и чувствительным, — и вы увидите, до чего мы его довели! Тело воздействует на ум — и наоборот — и потому чувствительность тела, организма имеет большое значение. Такая чувствительность не может быть достигнута постом или различными искусственными приёмами. Ум должен следить за этим беспристрастно. (Я надеюсь, вы делаете это сейчас, когда ведущий беседу говорит об этом — а не завтра или послезавтра, — ведь мы, как уже отмечалось, все вместе принимаем участие в путешествии, в исследовании.)

Наблюдение «того, что есть» — это понимание данного события. Понимание возникает из наблюдения «того, что есть»; его проверка в повседневной жизни ведёт к пониманию переживания. Многие из нас хотят великих переживаний, ведь наша собственная жизнь такая ограниченная, такая невыразимо скучная. Мы хотим глубоких, длительных и прекрасных переживаний. Но мы даже не понимаем, что означает слово «переживание», и ум, ищущий переживаний, неспособен понять, что такое истина. Жизнь, которой мы живём каждый день, должна быть преобразована; необходимо положить конец этой ненависти, этому насилию в самом себе, покончить с беспокойством, чувством вины, стремлением преуспеть, стать кем-то; и без радикальнейшего изменения всего этого пытаться искать некое «переживание» вообще бессмысленно.

Ум, который надеется открыть истину, испытать необычные переживания или развлечься при помощи наркотиков, становится их рабом, и они в конечном счёте делают его тупым и глупым.

Мы вместе исследуем вопрос о религиозном уме — не что такое религия, но что такое религиозный ум, способный выяснить истину. Первоначальное значение слова «религия» довольно неопределённо; мы можем приписывать ему любое значение, которое нам нравится, что мы обычно и делаем. Но вот не иметь мнения относительно того, что такое религия, — это быть свободным для исследования этого, для исследования качества религиозного ума. Это качество не отделяется от повседневного существования с его болью, удовольствием, печалью и смятением.

Чтобы исследовать это, должна быть свобода от всяческого авторитета. Вы должны найти ответ сами, без всяких книг, чтобы никто не помогал вам. Пожалуйста, поймите как это важно, мы ведь отдали наше доверие и веру другим — священнику, спасителям, учителям и прочим — и ждём, что они поведут нас, но они нас никуда так и не привели.

В нашем исследовании не возникает вопрос авторитета: вы исследуете как настоящий учёный, не стремящийся к результату. Если нет авторитета, то нет и никакой системы, никакого метода. Система, метод предполагают наличие шаблона, формирование привычки. Если вы каждый день следуете какой-нибудь системе, ваш ум неизбежно теряет гибкость. Это так просто и очевидно. Поэтому системы, методы, способы и упражнения должны полностью исчезнуть.

Посмотрите, что происходит с умом, который не испытывает страха, не ищет удовольствия или развлечения, с умом, который не зависит от авторитета, а на самом деле исследует; уму, который ни от чего не зависит, нечего бояться, и потому он способен исследовать. Такой ум уже стал чрезвычайно острым, подвижным, сильным, серьёзным. (Используя слово «ум», мы имеем в виду его целостность, включая организм, сердце.) Такое качество ума обладает красотой; не используя никакого метода, он становится ясным, исследуя, наблюдая и участь во время наблюдения. Учёба не отличается от действия. Учиться — значит действовать. Если вы познаёте путь национальной принадлежности, опасность разделения людей, наблюдаете и понимаете её, тогда само это понимание кладёт конец разделению в ваших действиях. Поэтому наблюдение играет очень важную роль.

Вы все, вероятно, знаете о йоге. Такое множество книг написано о ней; любой Том, Дик и Гарри, прожив несколько месяцев в Индии и посетив там несколько уроков, становится

«йогом».

Слово «його» имеет множество значений, оно подразумевает образ жизни, а не просто выполнение каких-то упражнений для сохранения молодости. Оно подразумевает, как полагает ведущий беседу, образ жизни, в котором нет разделения, а потому нет и конфликта. Конечно, регулярные упражнения правильного рода полезны — они сохраняют гибкость тела. Ведущий беседу сам занимался этим многие годы — не для того, чтобы постичь с помощью дыхания и прочего какого-то необычайного состояния, но для того, чтобы поддерживать гибкость тела. Для этого следует правильно выполнять определённые упражнения и правильно питаться, не набивая себя мясом, что неизбежно ведёт к грубости, нечувствительности. Каждый должен сам подобрать для себя диету — путём эксперимента и последующей проверки. Затем существует этот фокус, которым вас обводят вокруг пальца: Мантра Йога. За пять долларов, или за тридцать, вас обучают некой мантре повторению набора слов, чаще всего на санскрите. У католиков для этого имеются чётки, и они повторяют Аве Мария, или что-то ещё. Знаете, что происходит, когда вы постоянно повторяете набор слов? Вы гипнотизируете себя до состояния успокоения. Или вас захватывает звучание слова. Когда вы непрерывно повторяете какое-то определённое слово, оно начинает производить звук внутри вас; этот внутренний звук звучит постоянно, если вы слушаете его; звук становится чрезвычайно живым, и вам кажется, что это в высшей степени замечательная вещь. Ничего подобного, это всего лишь форма самогипноза, от которой также нужно полностью отказаться.

В таком случае мы подходим к чему-то совершенно иному: к осознанию и вниманию. Не знаю, занимались ли вы этим — не в виде чтения книг, обучения умению осознавать в азиатской школе или в каком-нибудь монастыре, — но если вы действительно займётесь этим, вы сами увидите, что значит не учиться у другого. Вам необходимо самостоятельно учиться тому, что означает осознание; осознание этого зала, в котором вы сидите, его пропорций, красок, которые в нём есть, не говоря при этом, красиво это или уродливо, но просто наблюдая. Когда вы идёте по улице, осознавайте происходящее вокруг вас, наблюдайте за облаками, деревьями, отблесками воды, летящей птицей. Осознавайте, не допуская вмешательства мысли, говорящей: «это правильно», «это неправильно», «так должно быть», «так не должно быть». Осознавайте всё, что происходит снаружи, затем также осознавайте внутреннее — наблюдайте за каждым движением мысли, следите за каждым чувством, за каждой реакцией; это делает ум необычайно живым.

Существует различие между концентрацией и вниманием. Концентрация представляет собой процесс исключения, процесс сопротивления, и потому конфликт. Вы когда-нибудь наблюдали за своим умом при попытке на чём-то сконцентрироваться? Он отвлекается, а вы стараетесь вернуть его на место, и эта борьба не прекращается; вы хотите собрать ваше внимание и сосредоточиться на чём-то, а мысли интересно выглянуть в окно или думать о чём-то ещё. В этом конфликте также растрачивается очень много энергии и времени.

Интересно исследовать, почему ум всё время болтает, постоянно разговаривает с самим собой или с кем-нибудь ещё; почему он стремится непрерывно чем-нибудь заниматься, читать книгу, слушать радио, всячески поддерживать собственную активность? Почему? Вы, может быть, замечали — существует привычка неуспокоенности; наше тело не может посидеть спокойно сколько-нибудь длительный промежуток времени, оно постоянно делает что-то или ёрзает. Ум также всё время болтает; иначе что произойдёт с ним? — он загружен и поэтому должен быть постоянно занят. Он должен быть занят социальной реформой, занят тем или этим, какой-нибудь верой, какой-нибудь ссорой или происшедшим в прошлом событием — ум непрерывно думает.

Как мы говорили, внимание полностью отлично от концентрации. Осознание и внимание идут вместе — но не концентрация. Интенсивно внимательный ум способен наблюдать очень ясно, без всякого искажения, без всякого сопротивления и в то же время функционировать эффективно, объективно. В чём особенность такого ума? (Надеюсь, что вам это интересно, поскольку это часть жизни. Если вы отвергаете всё это, значит вы отвергаете также и полноту жизни. Если вы не знаете смысла и красоты медитации, вы не знаете ничего в жизни. У вас может быть автомобиль самой последней модели, возможность свободно путешествовать по всему миру, но если вы ничего не знаете о подлинной красоте, о свободе и радости медитации,

вы упускаете громадную часть жизни. Это не к тому, чтобы заставить вас сказать: «Я должен научиться медитировать». Медитация приходит естественным образом. Ум, который исследует, должен неизбежно прийти к этому; ум, который осознаёт, ум, который наблюдает «то, что есть» в самом себе, способен к самопониманию, к самопознанию.)

Мы спрашиваем: какова особенность ума, который естественно, без всяких усилий зашёл так далеко? Когда вы смотрите на дерево, на облако, на лицо своей жены, своего мужа, вашего соседа, только в безмолвии наблюдение может быть абсолютно ясным. Вы можете слышать только при отсутствии внутреннего шума. Если вы болтаете сами с собой, сравнивая то, что говорится, с тем, что вам уже известно, значит вы не слушаете. Когда вы наблюдаете своими глазами, а вам мешают разные предубеждения и знания, это на самом деле не наблюдение. Итак, действительно наблюдать и слушать можно лишь в безмолвии.

Не знаю, продвигались ли вы когда-нибудь так далеко. Это не то, что вам нужно развивать, затрачивая годы для достижения результата, ибо это не продукт времени или сравнения; это продукт наблюдения в повседневной жизни, наблюдение за вашими мыслями и понимание мысли.

Когда ум всё абсолютно осознаёт, он становится необычайно тихим, спокойным; но он не спит, наоборот — ум весьма бдителен в этой тишине.

Только такой ум может увидеть, что такое истина, увидеть, существует ли что-либо запредельное или нет. Только такой ум является религиозным умом, так как он полностью отбросил прошлое — хотя и способен использовать память о прошлом. Так что религия есть нечто, что не может быть выражено словами; религия не может быть измерена мыслью, ибо мысль всегда является измеряющей; мысль, как уже говорилось, — реакция прошлого. Мысль никогда не бывает свободной, она всегда функционирует в сфере известного.

Поэтому ум, способный к пониманию того, что такое истина, что такое реальность — если вообще существует такая вещь, как реальность, — должен быть полностью свободен от всех людских фокусов, от обманов и иллюзий. И это потребует большой работы. Это означает внутреннюю дисциплину — ту дисциплину, которая не является подражанием, подчинением, приспособлением. Дисциплина появляется через наблюдение «того, что есть» и его изучение; это изучение есть само по себе дисциплина. Тем самым устанавливается порядок, и беспорядок в человеке прекращается. Всё это, от начала бесед до настоящего момента, есть часть медитации.

Только если вы умеете смотреть на облако и видеть красоту света на море, умеете смотреть на свою жену — или на мальчика, или на девочку — свежим взглядом, с чистым умом, которому ни разу не причинили боль, который не пролил ни одной слезинки, только тогда ваш ум способен увидеть истину.

Участник беседы: Некоторое время назад я на себе убедился в том, о чём вы говорите: ключ к внутренней свободе — в понимании того, что наблюдающий и наблюдаемое — одно. Мне надо было выполнить одну тяжёлую и утомительную работу, к которой у меня возникло сильнейшее сопротивление. Я осознал, что я сам и был этим сопротивлением, что это только сопротивление, которое смотрит на сопротивление. После этого сопротивление исчезло — и это было похоже на чудо, — у меня даже появились физические силы, чтобы закончить работу.

Кришнамурти: Вы стараетесь подтвердить то, что сказано мной, для ободрения меня или аудитории? *[Смех.]*

Участник беседы: Чтобы дойти до той точки, из которой видно, что наблюдающий и наблюдаемое — это одно, нужна огромная энергия.

Кришнамурти: Джендльмен говорит: наблюдающий является наблюдаемым; то есть где существует страх, наблюдающий является частью этого страха. Он не отождествляет себя со страхом; наблюдающий — это часть самого этого страха. Понять всё это довольно просто. Вы либо понимаете это на словесном уровне, теоретически — понимая значение слов, — либо на самом деле видите, что наблюдающий и наблюдаемое — это одно. Если вы действительно видите это, то в вашей жизни происходит решительное изменение; прекращается конфликт. Когда между наблюдающим и наблюдаемым есть разделение, разрыв, есть временной интервал, а значит и конфликт. Когда вы на самом деле видите и проверяете наблюдением реальное единство наблюдающего и наблюдаемого, вы кладёте конец всем конфликтам в жизни, во всех

взаимоотношениях.

Участник беседы: Когда мы осознаём, что прошлое, в виде памяти, стоит на пути между внешним и чем-то более глубоким — что мы можем сделать? Мы не можем прекратить это — это продолжается.

Кришнамурти: Память вклинивается между внешним и внутренним. Существует внутреннее, внешнее и ум как память, как нечто отдельное, как прошлое. Поэтому в настоящий момент мы имеем три сферы: внутреннее, внешнее и ум в виде прошлого. Пожалуйста, сэр, не смейтесь — это наша жизнь, это то, что мы делаем; хотя вы можете поставить вопрос и по-другому, это действительно то, что и происходит в нашей повседневной жизни. Вам хочется сделать что-то; ум говорит: «Не делай это» или «Сделай это как-то иначе», — так что борьба не прекращается. Ум вмешивается; ум в виде мысли, то есть прошлого. Мысль вклинивается между действительно существующим внутренним и внешним; и что же человеку делать? Функция мысли выражается в разделении; она разделила жизнь на прошлое, настоящее и будущее. Мысль также отделила и внутреннее от внешнего. Мысль говорит: «Как я могу соединить две половины и действовать как целое?» Способна ли мысль на это, будучи сама по себе фактором разделения?

Участник беседы: Где есть воля, есть и путь.

Кришнамурти: Нет, сэр: у вас есть свой путь в мире; у вас есть воля губить людей, и вы преуспели в этом, вы нашли путь для этого. Нас не интересует воля; воля — в высшей степени разрушительная вещь, ибо воля основана на удовольствии, на желании, а не на свободной радости.

Вы спрашиваете, как может быть успокоена мысль. Как мысль может быть безмолвной? Правильный ли это вопрос? — ведь если вы задали неправильный вопрос, вы неизбежно получите неправильный ответ. [Смех.] Нет, сэр, здесь не над чем смеяться. Вы должны задать правильный вопрос. Но правильно ли спрашивать: «Как может окончиться мысль?» Или нужно понять, в чём заключается функция мысли? Если вы положите конец мысли — если такое вообще возможно, — как вы будете действовать, когда вам надо будет идти на работу? Очевидно, что мысль необходима.

Мы говорили, что в определённом направлении мысль опасна, поскольку мысль разделяет; и все же мысль должна функционировать логически и здраво, объективно и разумно в другом направлении. Как это возможно? Как предотвратить вмешательство мысли? Видите, в чём проблема? Она не в том, «как покончить с мыслью».

Когда поставите вопрос очень чётко, вы всё это увидите сами. Мысль, будучи реакцией прошлого, вторгается, разделяет на внешнее и внутреннее и разрушает единство. Поэтому мы говорим: «Так давайте уничтожим мысль, давайте убьём ум». Это абсолютно неверный подход. Но если бы вы исследовали всю структуру мысли, увидели, где ее место, а где необходимости в ней нет, вы бы поняли, что ум может действовать разумно как в случае бездействия мысли, так и в случае, когда она должна функционировать.

Участник беседы: Почему получается так, что вы осознаёте «то, что есть» гораздо больше, чем я? В чём ваш секрет?

Кришнамурти: Я никогда не думал об этом. Взгляните правильно: разве скромность можно культивировать? Если вы специально развиваете скромность — это всё равно тщеславие. Если вы культивируете осознание «того, что есть», вы не осознаёте. Но если вы действительно осознаёте, когда сидите в автобусе или за рулём машины, когда смотрите, разговариваете и развлекаетесь, из всего этого — естественно, легко — приходит осознание «того, что есть». *Но когда вы пытаетесь его культивировать, обращая много внимания на «то, что есть», работает мысль, а не осознание.*

Участник беседы: Вы говорите, что для того, чтобы быть свободными, мы не должны иметь учителей? Правильно я вас понял?

Кришнамурти: В чём функция учителя? Если он обладает знаниями по какому-либо предмету, например, медицине, естественным наукам, умеет обращаться с компьютером, и так далее, его функция — передавать другому имеющиеся у него знания и информацию. Это довольно просто. Но если речь идёт об учителе, который говорит, что знает, и хочет обучать ученика, будьте очень подозрительны, ибо человек, который говорит, что он знает, — не знает.

Ибо истину, красоту просветления, как бы вы ни называли это, описать невозможно — она есть. Это нечто живое, подвижное, активное, невесомое. Только о мёртвой вещи можно сказать, какая она; и учитель, который учит вас мёртвым вещам, — не учитель.

Участник беседы: Как возможно объединить концентрацию, дисциплину и внимание?

Кришнамурти: Слово «дисциплина» означает обучение у другого. Ученик — тот, кто обучается у учителя. Вы когда-нибудь задавали себе вопрос — что такое учиться? Форма активного залога настоящего времени глагола «учиться, узнавать» — что она выражает? Либо вы учитесь, чтобы добавить к уже известному вам что-то ещё, и это становится знанием — как в науке, — либо ваша учёба является не накоплением знаний, а движением. Вы видите разницу между этими двумя значениями? Или я учусь, чтобы приобрести знание, быть эффективным в техническом отношении и прочее, или я всё время учусь чему-то новому, и потому действие всегда является новым. Пожалуйста, послушайте: я хочу знать, изучать себя. Я — сложноорганизованное существо, во мне есть скрытое и явное. Я хочу знать всего себя в целом. Поэтому я наблюдаю за собой и вижу, что я боюсь; я вижу и причину этого страха; наблюдая, я научился, это стало моим знанием. Но если страх появляется в следующий раз, то я смотрю с позиции уже имеющегося знания — и тогда я перестал учиться. Я лишь смотрю на него глазами прошлого, и того, что фактически происходит, я уже не познаю. Чтобы познавать себя, у меня должна быть свобода, чтобы осуществлялось постоянное наблюдение без вмешательства прошлого — без вмешательства мысли.

Так что «учёба» имеет два значения: изучение с целью приобретения знаний, с которыми я мог бы действовать в определённых областях наиболее эффективно, — и изучение себя, при котором прошлое, то есть мысль, не вмешивается постоянно, и потому я могу наблюдать — и ум всегда остаётся чувствительным.

Участник беседы: Мне хочется спросить вас, употребляете ли вы в пищу мясо или рыбу?

Кришнамурти: Это действительно вас интересует? За всю свою жизнь я ни разу не прикасался к мясу или рыбе, никогда их не пробовал, никогда не курил, не пил; это не привлекает, в этом нет никакого смысла. Сделают ли мои слова вас вегетарианцем? [Смех.] Нет! Знаете ли, герои, примеры — это самое худшее, что у вас может быть. Постарайтесь выяснить, почему вы едите мясо, позволяете себе курить и злоупотреблять спиртным, почему вы не можете вести простую жизнь, что означает не одну смену одежды или еду один раз в день, но качество ума, который прост, без какого-либо искажения удовольствиями, желаниями, амбициями, мотивами — так, чтобы вы были способны видеть непосредственно и воспринимать красоту мира.

Участник беседы: Я хочу только спросить, что такое юмор.

Кришнамурти: Я полагаю, что на самом деле это означает смеяться над самим собой. В наших сердцах так много слёз, так много страдания — просто посмотрите на себя со смехом. Пусть ваше наблюдение будет чистым и серьёзным — но всё же со смехом, если вам это удастся.

Санта-Моника, Калифорния, 8 марта 1970

Часть вторая

СТРАХ

«Можете ли вы наблюдать без центра — не давая названия тому, что называют страхом, когда оно возникает? Это требует огромной дисциплины».

Человеку нужно быть серьёзным, так как только по-настоящему серьёзные люди могут жить полной и целостной жизнью. И серьёзность эта не исключает радости и наслаждения; и всё же пока присутствует страх, человек не может узнать, что значит испытывать великую радость. Страх, видимо, является одним из самых распространённых явлений в нашей жизни;

странным образом мы приняли страх как стиль жизни, так же, как мы приняли в качестве образа жизни насилие во всех его разнообразных формах, и мы успели привыкнуть к состоянию психологического страха. Мы должны, как мне кажется, до конца исследовать вопрос страха, полностью его понять, чтобы уходя отсюда, мы были от него свободны. Это вполне осуществимо; это не просто теория и не надежда. Если человек отдаёт всё своё внимание этому вопросу страха, тому, как он подходит к нему, как смотрит на него, человек обнаружит, что ум — ум, который столько страдал, испытал столько боли, жил в величайшей скорби и страхе, — полностью свободен от него.

Исследуя эту проблему, абсолютно необходимо не иметь никаких предубеждений, которые помешали бы пониманию истины «того, что есть». В этом совместном путешествии нам не понадобится ни принимать или отвергать что-либо, ни говорить себе, что избавиться от страха абсолютно невозможно, или, наоборот, возможно. Чтобы исследовать этот вопрос, человеку нужен свободный ум; такой ум, который, не приходя ни к каким выводам, свободен для наблюдения, для исследования.

Существует так много форм психологического и психосоматического страха. Для рассмотрения каждой из этих различных форм, каждого аспекта, потребовалось бы очень много времени. Но мы можем наблюдать общее качество страха, его природу, его структуру — не запутываясь в деталях конкретной формы своего собственного страха. Когда человек понимает природу и структуру страха как такового, с этим пониманием он может подойти и к конкретному страху.

Можно бояться темноты, бояться жену или мужа, или того, что говорят, думают или делают другие люди; можно бояться чувства одиночества, пустоты жизни и скуки нашего бессмысленного существования. Можно бояться будущего, неопределённости, ненадёжности завтрашнего дня, или бомбы. Можно бояться смерти, окончания собственной жизни. Существует так много форм страха, как невротических, так и здоровых, рациональных — если только страх может быть рациональным или здоровым. Большинство из нас невротически боится прошлого, настоящего, будущего; так что в страх вовлечено время.

Существуют не только сознательные страхи, те, в которых человек отдаёт себе отчёт, но и те страхи, что живут глубоко внутри, что спрятаны в глубинах его ума. Как следует человеку обращаться с теми и другими видами страха? Страх, несомненно, заключается в уходе от «того, что есть»; это побег, бегство, попытка уклониться от того, что фактически есть; именно это бегство и порождает страх. Страх также появляется и там, где существует любого рода сравнение — сравнение себя, такого, какой вы есть, с тем, каким, как вам кажется, вы должны быть. Так что страх — в движении от того, что действительно есть, не в объекте, от которого вы стремитесь убежать.

Ни одна из этих проблем страха не может быть разрешена с помощью воли, когда вы говорите себе: «Я не буду бояться». Подобные акты воли не имеют смысла.

Мы рассматриваем очень серьёзную проблему, которой надо посвятить всё наше внимание. Человек не может быть внимательным, если он пытается истолковать, перевести или сравнить то, что говорится, с тем, что он уже знает. Человек должен слушать — искусство, которому следует учиться, поскольку обычно человек непрерывно сравнивает, оценивает, судит, соглашается, отвергает, и при этом совершенно не слушая; фактически, он сам не даёт себе слушать. Чтобы полноценно слушать, необходимо отдавать слушанию всё своё внимание; и это не означает, что человек соглашается или не соглашается. Когда мы исследуем вместе, не существует согласия или несогласия; но «микроскоп», через который мы смотрим, может быть не в порядке. Если человек смотрит через точный микроскоп, тогда то, что видит он, увидит и другой; и потому никакого вопроса согласия или несогласия не существует. Пытаясь исследовать вопрос страха в целом, человек должен отдать этому всё своё внимание; и пока проблема страха не разрешена, страх омертвляет ум, делает его нечувствительным, тупым.

Как происходит выявление скрытых страхов? Можно узнать о своих сознательных страхах — вскоре после чего приходит умение обращаться с ними, — но существуют и скрытые страхи, быть может, намного более важные. Так что же человеку делать с ними, как выявить их? Можно ли это сделать с помощью анализа, стараясь найти их причину? Освободит ли анализ ум от страха, не от отдельного невротического страха, а от всей структуры страха?

Анализ подразумевает не только время, но и того, кто анализирует, анализирующего, затрату многих, многих дней, лет, даже всей жизни, к концу которой вы, может быть, и поймёте кое-что, но будете уже одной ногой в могиле. Кто такой анализирующий? Если он профессионал, специалист, имеющий степень, тогда ему также потребуется время; он тоже является результатом множества форм обусловленности. Если человек анализирует сам себя, в это включено наличие анализирующего, то есть цензора, собирающегося анализировать страх, который он сам и создал. В любом случае анализ требует времени; во временном интервале между событием, которое вы анализируете, и завершением анализа возникает много других факторов, направляющих ход анализа по иному пути.

Вы должны увидеть истину того, что анализ — не путь решения проблемы, ведь анализирующий остаётся лишь фрагментом среди множества других фрагментов, составляющих «я», «эго»; он результат времени, он обусловлен. Увидеть, что анализ подразумевает время и не приносит избавления от страха, означает, что вы полностью отказались от всей идеи постепенного изменения; вы поняли, что данный фактор перемены сам является одной из главных причин страха. (Для меня, для ведущего беседу, всё это очень важно, поэтому переживания его очень сильны, и говорит он с большим чувством; однако он не занимается пропагандой, в его словах нет ничего, к чему вам следует присоединяться, ничего, чему вам следует верить; вы просто наблюдайте, учитесь и будьте свободны от этого страха.) Так что анализ — не путь. Когда вы видите истинность этого, вы больше не мыслите с позиции анализирующего, склонного анализировать, судить и оценивать, так что ум ваш свободен от этого особого бремени, называемого анализом; поэтому он способен видеть непосредственно.

Как вам смотреть на этот страх; как выявить всю его структуру и все его скрытые элементы? Через сновидения? Сновидения — продолжение дневной деятельности во время сна, не так ли? Вы видите, что в снах всегда есть действие, в них всё время что-то происходит, как во время бодрствования, продолжение, которое по-прежнему является частью единого движения. Так что сны не имеют никакой ценности. Посмотрите, что происходит: мы избавляемся от всего, к чему вы привыкли, — от анализа, снов, воли и времени; когда вы устраняете всё это, ум становится необычайно чувствительным, и не только чувствительным, но и разумным. Теперь, вооружённые чувствительностью, разумностью, мы собираемся смотреть на страх. (Если действительно вникать в это, вы отвернётесь от всего социального устройства, где действуют время, анализ, воля.)

Что такое страх? — как он возникает? Страх всегда к чему-то относится — он не существует сам по себе. Вы можете бояться случившегося вчера в связи с возможностью повторения этого завтра; всегда имеется фиксированная точка, из которой исходит отношение. Как во всём этом появляется страх? Вчера я испытал боль; у меня осталось воспоминание о ней, и я не хочу её повторения завтра. Мысль о вчерашней боли, мысль, включающая память о вчерашней боли, вызывает страх повторения боли завтра. Поэтому именно мысль является источником страха. Мысль порождает страх — но мысль и культивирует удовольствие. Чтобы понять страх, вы должны также понять и удовольствие — они взаимосвязаны; без понимания одного невозможно понять другое; и это означает, что нельзя сказать: «Я должен получать одно лишь удовольствие и не испытывать страх; страх — это другая сторона монеты, называемой удовольствием».

Мысля образами вчерашнего удовольствия, мысль полагает, что завтра вы это удовольствие можете не получить, и таким образом порождает страх. Мысль пытается продлить удовольствие и тем самым питает страх. Мысль разделила себя на анализирующего и анализируемое, однако оба они — компоненты мысли, обманывающей саму же себя. Делая всё это, мысль отказывается исследовать бессознательные страхи; мысль вводит время как средство бегства от страха — и тем не менее она этим же одновременно поддерживает страх.

Мысль питает удовольствие, которое не имеет ничего общего с радостью; радость — не продукт мысли, радость — не удовольствие. Вы можете культивировать удовольствие, вы можете бесконечно думать о нём, но вы не можете проделать всё это с радостью. Как только вы начинаете думать о радости, она уходит, она становится чем-то, от чего вы получаете удовольствие, и потому она становится тем, что вы боитесь потерять.

Мысль порождает одиночество, но осуждает его, поэтому она изобретает способы бегства

от него через различные формы религиозного или культурного развлечения — через вечный поиск ещё более глубокой и полной зависимости.

Мысль ответственна за эти ежедневно наблюдаемые факты; они — не изобретение ведущего беседу, не его особая философия или теория. Что же делать? Вы не можете убить мысль, уничтожить её, вы не можете сказать: «Я забуду её», не можете ей сопротивляться; если вы это делаете, это опять действие мысли, в другой её форме.

Мысль есть реакция памяти; память необходима, чтобы действовать в повседневной жизни, чтобы добраться до работы, до дома, чтобы обладать способностью разговаривать; память — это хранилище специального, прикладного, технического знания, поэтому мы нуждаемся в памяти, и в то же время вы видите, как память через мысль поддерживает страх. Память необходима во всей чистоте и ясности мысли в одном направлении — техническом, прикладном — для ежедневных действий, чтобы зарабатывать на жизнь, и тому подобное, — но всё же вы видите и тот факт, что она также порождает страх. Что должен делать ум? Как вы ответите на этот вопрос после того, как мы рассмотрели различные факты, связанные с анализом, с временем, с бегством, с зависимостью, после того, как мы увидели, что движение от «того, что есть» является страхом; само это движение и есть страх. После наблюдения всего этого, осознания истины всего этого — не в качестве мнения или вашего случайного суждения — каков ваш ответ на поставленный вопрос? Как может мысль функционировать эффективно, здраво — и в то же время не превращаться в опасность из-за порождаемого ею страха?

Каково состояние ума, прошедшего через всё это? Каким уровнем понимания обладает ум, исследовавший все эти разные факторы, которые мы показали, объяснили, наблюдали? — каково качество вашего ума в настоящий момент? — ведь именно от этого качества зависит ваш ответ. Если вы действительно участвовали в этом путешествии, шаг за шагом, исследуя всё, что мы обсуждали, тогда ваш ум — и вы это увидите — стал удивительно разумным, живым, чувствительным, поскольку он сбросил с себя весь груз, который накопил до этого. Как вы теперь наблюдаете весь процесс мышления? Есть ли центр, из которого вы мыслите, центр, который, будучи цензором, судит, оценивает, осуждает и оправдывает? Вы по-прежнему мыслите из этого центра? — или же центра нет вообще, хотя сама мысль и есть? Вы видите разницу?

Мысль создала центр в виде «я» — «я», моё мнение, моя страна, мой Бог, мой опыт, мой дом, моя мебель, моя жена, мои дети; вы знаете — «я», «я», «я», «я». Это тот центр, из которого вы действуете. Этот центр разделяет. Этот центр и это разделение являются очевидной причиной конфликта — когда ваше мнение противостоит мнению кого-то ещё, моя страна, ваша страна — всё это разделение, созданное мыслью. Вы наблюдаете из этого центра и по-прежнему охвачены страхом, ибо центр отделил себя от того, что он назвал страхом; центр говорит: «я должен избавиться от него», «я должен проанализировать его», «я должен преодолеть его, сопротивляться ему», и прочее; тем самым вы только усиливаете страх.

Может ли ум смотреть на страх не из центра? Можете ли вы смотреть на страх, не называя его? Когда вы даёте ему название «страх», он уже находится в прошлом. Когда вы называете что-то, вы это отделяете. Итак, можете ли вы наблюдать без этого центра, не давая названия тому, что называют страхом, когда оно возникает? Для этого требуется огромная дисциплина. Тогда ум смотрит не из центра, к которому он привык, и тогда страху, как скрытому, так и явному, приходит конец.

Если сегодня вы не увидели истину этого, не делайте из этого проблему и не уносите её домой, чтобы подумать о ней. Истина — нечто, что вы должны увидеть мгновенно, и чтобы увидеть что-то ясно, необходимо отдать этому своё сердце, свой ум и всё своё существо немедленно.

Участник беседы: Вы говорите, что вместо того, чтобы убегать от страха, что по существу означает бояться его, мы должны принять страх?

Кришнамурти: Нет, сэр. Не принимайте ничего. Не принимайте страх, но взгляните на него. Вы никогда на страх не смотрели, не правда ли? Вы никогда не говорили: «Хорошо, я боюсь, дай-ка я посмотрю». Вы скорее говорите: «Я боюсь, дай-ка включу радио», или пойду в церковь, или возьму книгу, или прибегну к помощи веры, — любое движение прочь. Поскольку вы никогда не смотрели на страх, вам никогда напрямую не доводилось вступать с ним в

контакт; никогда не смотрели вы на страх, не называя его, не убегая от него и не стараясь преодолеть его. Просто будьте с ним, не предпринимая никакого движения прочь от него, и если это сделаете, вы увидите, что произойдёт очень необычная вещь.

Участник беседы: После того как встречаешься со страхом, можно ли стать им?

Кришнамурти: Вы и есть страх; как можете вы стать им? Вы — это страх, только мысль, не зная, что с ним делать, и сопротивляясь ему, отделила себя от страха; отделяя себя от страха, мысль становится «наблюдающим» этот страх, который сопротивляется страху или убегает от него. Но «наблюдающий», тот, кто сопротивляется, — это тоже страх.

Участник беседы: Сэр, многие разочарованы тем, что не разрешается частным образом записывать лекции на магнитофон. Не могли бы вы объяснить — почему?

Кришнамурти: Я скажу — это очень просто. Прежде всего, если вы взяли записывать эту беседу, это очень помешает вашему соседу — вы возитесь с техникой, и всё прочее. Во-вторых, что более важно? — слушать, непосредственно, сейчас, то, что говорится, или же уносить запись домой, чтобы прослушать её на досуге? Когда ведущий беседу говорит: «Не позволяйте времени вмешиваться», вы, напротив, отвечаете: «Ладно, я запишу всё, что вы говорите, и возьму домой». Ведь несомненно, что страх существует именно сейчас; страх в вашем сердце, в вашем уме — он сейчас.

Участник беседы: Если это так, почему Фонд продаёт плёнки?

Кришнамурти: Разве не самое важное — слушать напрямую то, что говорится в настоящий момент, пока вы здесь? Вы взяли на себя труд прийти сюда, и ведущий беседу сделал то же самое. Мы стараемся общаться, пытаемся понять что-то именно сейчас, а не завтра. И понимание «сейчас» имеет наивысшую важность — поэтому вы должны посвятить ему всё своё внимание. Вы не можете посвятить этому всё внимание, если делаете пометки или уделяете половину внимания магнитофону.

Вы можете не понять всё услышанное сразу же, поэтому вы можете захотеть послушать вновь. Тогда купите плёнку, или не покупайте плёнку, купите книгу, или не покупайте книгу, — вот и всё. Если вы способны полностью вобрать в себя всё, о чём мы говорили сегодня вечером на протяжении одного часа и десяти минут, целиком это впитать всем вашим сердцем и умом — с этим покончено. К сожалению, вы этого не сделали; вы никогда раньше не занимали этим свой ум; вы приняли страх, вы жили с ним, и ваш страх превратился в привычку. Ведущий беседу говорит вам, чтобы вы разбили, разрушили всё это. И ведущий беседу говорит: «Сделайте это сейчас, не завтра». Наши умы не привыкли видеть всю природу страха целиком и то, что она подразумевает. Но если бы вы могли увидеть всё немедленно, вы покинули бы этот зал с восторженным умом. Но большинство из нас на это не способно, отсюда и плёнки.

Участник беседы: Вы наблюдаете страх — и обнаруживаете в себе движение, уводящее вас от данного наблюдения. Что вам тогда делать?

Кришнамурти: Прежде всего — не сопротивляться движению прочь. Чтобы наблюдать страх, вы должны отдавать этому всё своё внимание, и в этом внимании вы не осуждаете, не судите, не оцениваете — вы просто наблюдаете. Вы начинаете уходить из-за того, что ваше внимание блуждает с места на место, вы невнимательны, это невнимание. Оставайтесь невнимательным, но осознавайте то, что вы невнимательны, само осознание вашего невнимания является вниманием. Если вы осознаёте своё невнимание, то осознавайте его, ничего по этому поводу не делая, только осознавайте, что вы невнимательны; и тогда само это осознание есть внимание. Это так просто. Однажды увидев это, вы избавитесь от всех конфликтов; и вы будете осознавать, не делая выбора. Когда вы говорите: «Я был внимателен, однако сейчас я невнимателен, я должен стать опять внимательным», появляется выбор. Осознавать означает осознавать без выбора.

Участник беседы: Если — как вы говорите — страх и удовольствие связаны, так может ли человек устранить страх и тем самым полностью наслаждаться удовольствием?

Кришнамурти: Восхитительно, не правда ли? Отбросить в сторону все свои страхи, чтобы можно было наслаждаться своими удовольствиями. Во всём мире каждый хочет одного и того же, некоторые очень грубо, другие же очень тонко, — убежать от страха и держаться за удовольствие. Вот удовольствие — вы курите; это удовольствие, но в нём присутствует боль, ведь вы можете заболеть. Вы испытали удовольствие, сексуальное или какое-нибудь ещё, будь

вы мужчиной или женщиной, получили утешение, и прочее, — но когда другой человек смотрит в сторону, в вас зарождается ревность, гнев, разочарование — вы травмированы.

Удовольствие неизбежно приносит боль (мы не говорим: нельзя испытывать удовольствие); но взгляните на всю структуру целиком — и вы тогда узнаете, что радость, настоящее наслаждение, его красота и свобода, не имеют ничего общего с удовольствием, а потому также с болью или страхом. Если вы видите это, истину этого, тогда вы поймёте удовольствие — и отведёте ему надлежащее место.

Колледж в Сан-Диего, 6 апреля 1970

НАСИЛИЕ

«Пока „я“ существует в какой-либо форме — едва различимой или явной, — насилие неизбежно».

Что мы будем обсуждать сегодняшним утром? Это слово «обсуждение» не совсем подходит, скорее это диалог. И мнения никуда нас не приведут, и тешить себя чисто интеллектуальными ухищрениями имеет очень мало смысла, ведь истину нельзя найти путём обмена мнениями и идеями. Так что если мы обсуждаем вместе какую-то проблему, это не должно проходить на интеллектуальном, эмоциональном или сентиментальном уровне.

Участник беседы: Я думаю, что война против коммунизма в определённом смысле оправдана. Мне бы хотелось вместе с вами выяснить, прав я или нет. Вы должны понять, десять лет прожил я при коммунизме, был в русском концентрационном лагере, сидел также в коммунистической тюрьме. Они понимают только один язык — язык силы, власти. Поэтому мой вопрос будет таким; является ли эта война самозащитой или нет?

Кришнамурти: Мне кажется, любая группа, которая начинает войну, всегда утверждает, что это война для самозащиты. Войны существовали всегда, оборонительные или наступательные; но войны существуют и на протяжении многих веков представляют собой особую чудовищную игру. И мы, к несчастью, так называемые образованные и культурные, всё же по-прежнему вовлечены в наиболее дикие формы бойни. Поэтому не следует ли нам рассмотреть вопрос, что такое это глубоко укоренившееся насилие, эта агрессия в человеке? — не можем ли мы посмотреть, возможно ли вообще быть свободным от этого?

Были люди, которые говорили: «Не прибегайте к насилию ни при каких обстоятельствах»; это предполагает мирную жизнь даже в окружении людей очень агрессивных, склонных к насилию; этим подразумевается что-то вроде особого ядра среди людей диких, жестоких, склонных к насилию. Но как ум освободит себя от своего накопленного насилия: от культурного насилия, насилия в целях самозащиты, насилия агрессии, конкуренции, насилия в попытке быть кем-то, насилия в попытке дисциплинировать себя согласно определённой модели, стать кем-то, в попытке подавить, запугать самого себя и ожесточить с целью загнать себя в ненасилие — как уму быть свободным от всех этих форм насилия?

Есть много различных форм насилия. Нужно ли нам рассматривать каждый из этих видов насилия или лучше изучить всю структуру насилия целиком? Можно ли посмотреть на целостный спектр насилия, а не на одну только его часть?

Источник насилия — наше «я», наше «эго», выражающее себя самыми различными путями: в разделении, в попытке стать кем-то или быть кем-то; «я», разделяющее себя на «я» и «не-я», на сознательное и бессознательное; «я», отождествляющее себя с семьёй или не с семьёй, с обществом или не с обществом, и тому подобное. Это похоже на камешек, брошенный в озеро, — волны распространяются и распространяются от центра, которым является «я». Пока «я» существует в какой-либо форме, едва различимой или явной, насилие неизбежно.

Но спрашивать. «В чём коренная причина насилия?», пытаться выяснить причину — это не то, что необходимо для избавления от насилия.

Мне кажется, что вот если бы я знал, почему я жесток, я покончил бы с этим. И вот я трачу недели, месяцы и годы в поисках причины, или же читаю объяснения специалистов по

поводу различных причин насилия и агрессии; но в итоге я по-прежнему остаюсь склонным к насилию. Итак, исследовать ли нам вопрос насилия через изучение причины и следствия? — или же лучше взять целое и рассмотреть его? Мы видим, что причина становится следствием, а следствие переходит в причину — то есть не существует чётко разграниченных причины и следствия, но имеется цепочка, состоящая из переходящих друг в друга причин и следствий, — и прослеживая этот процесс, мы видим, что конца ему нет. Но вот если бы мы смогли посмотреть на всю эту проблему насилия целиком, мы постигли бы её настолько живо, что насилию пришёл бы конец.

Мы создали общество, наполненное насилием, и мы, как люди, также склонны к насилию в своих проявлениях; и окружение, и культура, в которой мы живём, — продукт наших стараний, нашей борьбы, боли, нашей ужасной жестокости. Поэтому самый важный вопрос таков: можно ли положить конец этому чудовищному насилию в самом себе? Это действительно вопрос.

Участник беседы: Возможно ли трансформировать насилие?

Кришнамурти: Насилие есть форма энергии; это энергия, использованная определённым образом, которая становится агрессией. Но в данный момент мы стараемся не изменить или переделать насилие, а понять насилие и постичь его настолько полно, чтобы быть свободными от него; ум вышел за его пределы — превзошёл он его или преобразил, не так уж важно. Возможно ли это? — это невозможно? — это возможно — всё это слова! Как человек думает о насилии? Как человек смотрит на него? Пожалуйста, вслушайтесь в вопрос: откуда человек знает, что он склонен к насилию или действует насильственно? Когда человек совершает насилие, сознаёт ли он это? Как человек узнаёт насилие? Этот вопрос о знании на самом деле очень сложен. Когда я говорю: «Я знаю вас», — что означает это «Я знаю»? Знаю вас таким, каким вы были, когда я встретил вас вчера или десять лет назад. Но за эти десять лет до настоящего момента изменились и вы и я — и поэтому я не знаю вас. Я знаю вас только как прошлое, и поэтому я никогда не могу сказать: «Я знаю вас». Пожалуйста, поймите вы сначала эту простую вещь. Следовательно, я могу только сказать: «Я был склонен к насилию, но сейчас я не знаю, что такое насилие». Вы говорите мне что-то, действующее мне на нервы, и я сержусь. Через секунду я говорю: «Я был рассержен». В сам момент гнева вы гнев не узнаете, вы делаете это позже. Вам нужно исследовать структуру узнавания; и если вы не поймёте этого, вы не сможете встретить гнев свежим взглядом. Я разгневан, но осознаю я, что разгневан, лишь секундой спустя. Осознание есть узнавание того, что я был разгневан; это происходит только после моего гнева, в противном случае я просто не знаю, что это гнев. Смотрите, что получается: опознание вмешивается в действительность. Я постоянно перевожу настоящую действительность на язык прошлого. Итак, можно ли, не переводя настоящее на язык прошлого, взглянуть на реакцию по-новому, свежим умом? Вы обзываете меня дураком, у меня кровь приливает к лицу и говорит: «Сам дурак». Что во мне происходит, эмоционально, внутренне? У меня есть образ самого себя, который я считаю желательным, почтенным, достойным; и вы оскорбляете этот образ. Реагирует именно этот образ, который есть старое, прошлое. Так что следующий вопрос: может ли реакция исходить не от старого? Возможен ли интервал между «старой» и новой реальностью? — может ли старое помедлить, чтобы дать новому проявиться? Думаю, вся проблема именно в этом.

Участник беседы: Вы говорите, что всё насилие — это просто разделение между тем, чего нет, и тем, что есть?

Кришнамурти: Нет, сэр. Давайте вновь начнём с самого начала. Мы жестоки; мы склонны к насилию, мы насильственны в своих проявлениях. На протяжении всей истории своего существования люди такими были и остаются. Я, как человек, хочу понять, как мне выйти за пределы этого насилия, как превзойти его. Что мне делать? Я вижу, к чему привело насилие в мире, как оно разрушило все формы взаимоотношений, как оно породило в человеке глубочайшее мучение и страдание — я вижу всё это. И я говорю сам себе: «Я хочу жить по-настоящему мирной жизнью, полной любви, — всякое насилие должно исчезнуть». После этого, что мне делать? Прежде всего, я не должен убегать от него — в этом не должно быть никаких сомнений. Не должен убегать от факта, что я склонен к насилию, — «убеганием» является осуждение его, оправдание его или называние его насилием — называние есть форма

осуждения, форма оправдания.

Я должен осознать, что ум не должен отвлекаться от данного факта насилия — отвлекаться, разыскивая его причину, объясняя эту причину, или называя факт своей насильственности, осуждая его, оправдывая его, или пытаясь избавиться от него. Всё это лишь формы отвлечения от факта насилия. Ум должен быть абсолютно ясным, чтобы бегства от факта насилия не было; также не должно быть проявления воли, которая говорит: «Я переборю его», потому что воля — это сама суть насилия.

Участник беседы: По существу, не пытаемся ли мы понять, что такое насилие, через поиск в нём порядка?

Кришнамурти: Нет, сэр. Как в насилии может быть порядок? — насилие есть беспорядок.

Никакого рода бегства от этого, никакого интеллектуального и объяснительного оправдания быть не должно — поймите сложность этого, ведь ум так хитёр, так скор на побег, потому что он не знает, что делать с этим присущим ему насилием. Ум не способен иметь с ним дело — или думает, что он не способен, — поэтому и убегает. Любая форма побега, отвлечения, движения прочь поддерживает насилие. Если человек понимает это, ум сталкивается только с фактом «того, что есть», и ни с чем более.

Участник беседы: Как же можно определить, что это насилие, если мы не называем его?

Кришнамурти: Когда вы называете его, уже самим названием вы связываете его с прошлым, значит смотрите вы на него глазами прошлого, а потому не смотрите на него по-новому — вот и всё. Понимаете суть?

Вы смотрите на насилие, оправдывая его, — говоря, что оно необходимо, чтобы жить в этом ужасном обществе, что насилие является частью природы — «смотрите, природа убивает», — вы приучены смотреть с осуждением, оправданием или сопротивлением. Вы можете смотреть на него свежим взглядом, по-новому, только когда осознаете, что отождествляете увиденное вами с образами уже известного вам и, следовательно; не смотрите на увиденное по-новому. Поэтому возникает вопрос: как образуются эти образы, что за механизм формирует образ? Жена говорит мне: «Ты глупец». Мне это не нравится, и её слова оставляют след в моём уме. Она говорит что-то ещё; это тоже оставляет след в уме. Эти следы представляют собой образы памяти. Если же, когда она говорит мне: «Ты глупец», в этот самый момент я осознаю, отдавая этому внимание, то никаких следов нет вообще — может быть, она и права. *Итак, невнимание порождает образы, внимание освобождает ум от образа.* Это очень просто. Точно так же, если в момент гнева я становлюсь абсолютно внимательным, не возникает того невнимания, которое позволяет прошлому входить и вмешиваться в действительное восприятие гнева в то мгновение, когда он появляется.

Участник беседы: Разве это не действие воли?

Кришнамурти: Мы уже говорили: «Воля есть, в сущности, насилие». Давайте рассмотрим, что такое воля: «Я хочу сделать это», «Я этого не потерплю», «Я сделаю это» — я против, я требую, я желаю — всё это формы сопротивления. Когда вы говорите: «Я хочу это», — это форма сопротивления, а сопротивление — это насилие.

Участник беседы: Я понимаю вас, когда вы говорите, что путём поиска ответа мы избегаем проблемы; это уводит от «того, что есть».

Кришнамурти: Поэтому я и хочу знать, как смотреть на «то, что есть».

Теперь, мы пытаемся выяснить — можно ли выйти за пределы насилия. Мы говорили: «Не убегайте от насилия; не удаляйтесь от этого центрального факта насилия». Был задан вопрос: «Откуда вы знаете, что это насилие?» — знаете ли вы это только потому, что способны опознать его как насилие? Но когда вы смотрите на него не называя, не оправдывая и не осуждая (ибо всё это — следствия обусловленности прошлым), вы смотрите на него по-новому — не так ли? И тогда — насилие ли это? Сделать так очень трудно, ведь всё наше существование обусловлено прошлым. Знаете ли вы, что значит жить в настоящем?

Участник беседы: Вы говорите: «Быть свободным от насилия», — но это включает много чего всего; сколь далеко простирается свобода?

Кришнамурти: Рассмотрим свободу; что значит свобода? Существуют все глубоко скрытые виды гнева, разочарования, сопротивления; ум должен быть свободен также и от них,

не так ли? Я спрашиваю: может ли ум быть свободен от активного насилия в настоящем, свободен от всех неосознанных накоплений ненависти, гнева, горечи, которые здесь, глубоко внутри? Как можно это сделать?

Участник беседы: Если человек свободен от этого насилия в себе, но когда он видит насилие во внешнем мире, то разве не чувствует он себя подавленно? Что ему делать?

Кришнамурти: Что делать? — учить другого. Обучение другого — это величайшая профессия в мире; не ради денег, не ради большого банковского счёта, но просто учить, передавать другим.

Участник беседы: Какой легчайший путь к ...

Кришнамурти: Какой наилегчайший путь?... [*Смех.*]... Цирк! Сэр, вы учите другого и обучая, вы учитесь и сами. Это не означает, что сначала вы выучиваете, накапливаете, а затем вы информируете. Вы сами жестоки, вы сами склонны к насилию; понять себя — значит помочь другому понять себя, поэтому учить — значит учиться. Вы не видите красоты всего этого.

Итак, давайте продолжим. Не хотите ли вы узнать у своего сердца, что такое любовь? Не это ли было человеческим призывом, тысячелетиями, — выяснить, как жить мирно, спокойно, как иметь подлинное богатство любви, сострадание? Это может произойти, как вы понимаете, лишь когда появится истинное ощущение «не-я». И мы говорим: смотрите, чтобы выяснить это, — будь то одиночество, гнев или горечь, — смотрите, не стараясь убежать. Побегом является называние этого, так что не называйте этого, смотрите на это. И тогда увидите — не называя — осталась ли горечь.

Участница беседы: Вы выступаете за избавление от всяческого насилия или иногда насилие в жизни вполне разумно? Я имею в виду не физическое насилие, а избавление от разочарований. Способны ли принести пользу попытки избежать разочарования?

Кришнамурти: Нет, мадам. Ответ заключается в вопросе: почему мы разочаровываемся? Вы когда-нибудь спрашивали себя, почему вы разочаровываетесь? Чтобы ответить на этот вопрос, вы когда-нибудь спрашивали себя: что такое осуществление? — почему вы хотите что-то осуществить? Существует ли такая вещь, как осуществление? И что это — то, что осуществляется? — не «я» ли? — «я», которое склонно к насилию, — «я», которое разделяет, «я», которое говорит: «Я больше, чем ты», — «я», озабоченное амбициями, славой, известностью? Поскольку «я» хочет достичь, оно разочаровывается, когда это ему не удаётся; и это становится горечью. Видите ли вы, что существует такая вещь, как «я», стремящееся расширить свои границы и в случае неудачи ощущающее разочарование и горечь? Эта горечь, это желание расширяться и есть насилие. Когда вы видите истину этого, нет никакого желания к осуществлению, а потому нет и разочарования.

Участник беседы: И растения и животные — живые организмы, и те и другие пытаются выжить. Проводите ли вы различие между убийством животных — для употребления их в пищу — и убийством растений с той же целью? Если да, то почему?

Кришнамурти: Человеку нужно выжить, поэтому убивает он наименее чувствительные организмы из тех, что ему доступны. Никогда в жизни я не ел мяса. Похоже, некоторые учёные также постепенно приходят к этой точке зрения: если они примут её, вы все тоже с ней согласитесь!

Участник беседы: Мне кажется, здесь каждый использует аристотелевское мышление, а вы используете неаристотелевскую тактику; и разрыв настолько радикален, что я просто поражён. Как возможно между нами тесное общение?

Кришнамурти: В этом — своя сложность, сэр. Вы привыкли к какой-то конкретной форме или языку, с определённым значением, но ведущий беседу не придерживается данной частной точки зрения. Поэтому имеется трудность в общении. Мы обсуждали это и говорили, что слово не есть предмет, что описание не есть описываемое, что объяснение — это не само то, что объясняется. Вы продолжаете цепляться за объяснение, держаться за слово, потому и возникает трудность. Итак, мы видим, что насилие в мире — это часть страха, часть удовольствия. Существует громадная тяга к возбуждению; мы хотим его, и мы побуждаем общество дать его нам. А потом мы обвиняем общество, несмотря на то, что ответственность лежит на нас самих. Мы спрашиваем себя, можно ли использовать ужасную энергию этого

насилия по-другому. Для насилия требуется энергия — так можно ли трансформировать эту энергию, или направить её в другое русло? Так вот, в самом понимании и осознании истины этого энергия становится совершенно иной.

Участник беседы: Но тогда вы говорите, что ненасилие абсолютно? — что насилие является отклонением от того, что могло бы быть?

Кришнамурти: Да, если вы хотите выразить это таким образом.

Мы говорим, что насилие есть форма энергии и любовь тоже является формой энергии — любовь без ревности, без тревоги, без страха, без горечи и всего того мучения, которое сопровождает так называемую любовь. Теперь, насилие — это энергия, и любовь, ограниченная, окружённая ревностью, — тоже одна из форм энергии. Чтобы превзойти их, чтобы выйти за их пределы, необходима та же самая энергия, движущаяся в абсолютно ином направлении или измерении.

Участник беседы: Любовь с ревностью — это фактически насилие?

Кришнамурти: Да, конечно.

Участник беседы: Так что у вас есть две энергии, у вас есть насилие и любовь.

Кришнамурти: Это одна и та же энергия, сэр.

Участник беседы: Когда мы должны иметь необычные психические переживания?

Кришнамурти: А какое это имеет отношение к насилию? Когда вы должны иметь необычные психические переживания? Никогда! Вы знаете, что это значит, иметь такие необычные психические переживания? Чтобы иметь такие переживания, опыт сверхчувственного восприятия, вы должны быть необычайно зрелым, чувствительным, и потому необычайно разумным; если же вы необыкновенно разумны, вам и не захочется необычных психических переживаний. *[Смех]*

Пожалуйста, послушайте это всем сердцем — люди разрушают друг друга насилием, муж разрушает жену, а жена — мужа. И хотя они и спят вместе, и гуляют вместе, каждый из них живёт в изоляции со своими собственными проблемами, со своими собственными тревогами; эта изоляция и есть насилие. Теперь, когда вы видите всё это перед собой так отчётливо — увидите это, а не просто подумайте, — когда вы видите опасность этого, вы действуете, не так ли? Когда вы видите опасное животное — вы действуете; нет никаких колебаний, никакого спора между вами и животным, вы просто действуете, вы убегаете прочь или делаете что-то ещё. Мы рассуждаем и спорим здесь только потому, что вы не видите огромной опасности насилия.

Если вы действительно, всем сердцем, видите и природу насилия и его опасность — вы с ним покончили. Но как вам показать эту опасность, если вы не хотите видеть? Здесь вам не поможет ни аристотелевский, ни какой-либо другой язык.

Участник беседы: Как нам относиться к насилию со стороны других?

Кришнамурти: Это на самом деле совсем иная проблема, не правда ли? Мой сосед действует насильственно — как мне вести себя? Подставить другую щёку? Он будет в восторге. Так что же мне делать? Стали бы вы задавать этот вопрос, если бы действительно были ненасильственны, если бы никакого насилия в вас не было? Прислушайтесь к этому вопросу. Если бы в вашем сердце, в вашем уме, совершенно не было насилия, ненависти и горечи, жажды реализации, желания быть свободным — вообще никакого насилия, — задали бы вы этот вопрос о том, как относиться к соседу, действующему насильственно? Или же в этом случае вы бы знали, как с ним поступить? Другие могут назвать ваши действия насилием, однако его на самом деле может и не быть. В тот момент, когда ваш сосед начнёт действовать насильственно, вы будете знать, как справиться с данной ситуацией. Кто-то третий, наблюдая, может сказать: «Вы тоже применяете насилие». Но вы-то знаете, что в вас насилия нет. Поэтому что важно, так это быть самому полностью без насилия, и не имеет значения, что другой скажет вам.

Участник беседы: Не является ли вера в единство всех существ столь же свойственной человеку, сколь и вера в их разделённость?

Кришнамурти: Почему вам хочется верить во что-то? Почему вы хотите верить в единство всех людей? — мы не едины, это факт; почему же вы хотите верить во что-то фактически не существующее? В этом — весь вопрос веры; подумайте, у вас есть своя вера, у

другого человека — своя; и мы сражаемся и убиваем друг друга за веру.

Почему вы вообще имеете какую-либо веру? Не потому ли, что вы боитесь? Нет? Верите ли вы, что солнце восходит? Оно здесь, его можно увидеть, и вам нет необходимости верить в это. Вера — форма разделения, а значит и насилия. Свобода от насилия предполагает свободу от всего, что один человек налагает на другого — вера, догма, ритуалы, моя страна, ваша страна, мой бог, ваш бог, моё мнение, ваше мнение, мой идеал. Всё это способствует разделению людей и этим порождает насилие. И хотя организованные религии проповедовали единство человечества, но каждая религия считает себя много выше другой.

Участник беседы: Сказанное вами о единстве я понимаю таким образом, что проповедующие единство на самом деле способствуют разделению.

Кришнамурти: Совершенно верно, сэр.

Участник беседы: Разве цель жизни — просто быть способным справиться с существованием?

Кришнамурти: Вы говорите «цель жизни», но почему вы хотите иметь цель жизни? — живите. Жизнь сама по себе является целью; почему *вы* желаете цели? Посмотрите: каждый имеет свою собственную цель — религиозный человек свою, учёный свою, а семейный свою, и так далее, — это разделяет. Жизнь человека, имеющего цель, порождает насилие. Это так просто и очевидно.

Колледж в Сан-Диего, 8 апреля 1970

МЕДИТАЦИЯ

«Если это необычайное входит в вашу жизнь, тогда оно — это всё; тогда вы становитесь и учителем и учеником и вашим ближним и красотой облака — вы являетесь всем этим, и это — любовь».

Что такое медитация? Прежде чем нам рассматривать эту действительно довольно сложную и запутанную проблему, мы должны очень ясно представить себе, что мы собственно хотим. Мы постоянно что-то ищем — и особенно те, у кого религиозный склад ума; как и для учёного, поиск стал весьма важным делом — исканием. Этот фактор — поиск — следует очень чётко и ясно понять, прежде чем мы перейдём к тому, что такое медитация, зачем человеку вообще медитировать, в чём её польза и куда она ведёт вас.

Слово «искать» — преследовать, разыскивать — предполагает, — не правда ли? — что нам уже более или менее известен предмет поиска. Когда мы говорим, что ищем истину, или Бога (если у нас религиозный склад ума), или совершенную жизнь и тому подобное, в своих умах мы должны уже иметь образ или идею. Чтобы найти что-то в результате поиска, мы должны уже знать его очертания, окраску, сущность и прочее. Разве слово «поиск» не предполагает, что мы потеряли что-то и собираемся это что-то найти, а когда найдём, сможем узнать — то есть мы уже знаем предмет поиска, и всё, что нам следует сделать, это пойти и разыскать его?

Первое, что мы осознаём в медитации, — нет никакого смысла искать; ибо всё, что вы ищете, предопределено вашим желанием; и если вы несчастливы, одиноки, находитесь в отчаянии, вы будете искать надежду, общение, что-то, что поддержало бы вас, и это вы найдёте — неизбежно.

При медитации необходимо заложить фундамент, фундамент порядка, который есть праведность, — не респектабельности, общественной морали, которая вообще не является моралью, а порядка, возникающего с пониманием беспорядка: это совершенно иная вещь. Внешний и внутренний беспорядок неизбежно существует до тех пор, пока существует конфликт.

Порядок, который приходит с пониманием беспорядка, не возникает согласно какому-либо плану, чьему-то авторитету или вашему собственному конкретному опыту. Очевидно, что этот порядок должен возникать без усилия, ибо усилие искажает, он должен установиться без какой бы то ни было формы управления, контроля.

Говоря, что порядок должен быть установлен без всякого управления, контроля, мы говорим о чём-то весьма трудном. Мы должны понять беспорядок и как он возникает; это тот конфликт, который имеется в нас самих. Наблюдая его, мы его понимаем; речь не идёт о том, чтобы побороть его, задушить его, подавить его. Наблюдать без всякого искажения, наблюдать без всякого принудительного или направляющего импульса, это весьма трудная задача.

Управление, контроль предполагают подавление, отклонение или исключение; предполагают разделение между управляющим, контролирующим, и тем, чем управляют, что контролируют; они подразумевают конфликт. Когда человек понимает это, контроль, управление и выбор полностью приходят к концу. Всё это может показаться весьма сложным, противоречащим всему, что вы думали раньше. Вы можете сказать: «Как может существовать порядок без управления, без контроля и без действия воли?» Но как мы уже сказали, управление, контроль предполагают разделение на того, кто управляет, контролирует, и то, чем нужно управлять, что нужно контролировать; в этом разделении присутствует конфликт, присутствует искажение. Когда вы понимаете это на самом деле, тогда это означает конец разделения между управляющим, контролирующим, и управляемым, контролируемым — а отсюда и постижение, понимание. Когда есть понимание того, что в действительности есть, нет никакой нужды в управлении, контроле.

Таким образом, два важнейших момента нам необходимо понять полностью, если мы собираемся исследовать вопрос, что такое медитация: во-первых, поиск бесполезен; во-вторых, необходим тот порядок, что приходит с пониманием беспорядка, возникающего от контроля, с пониманием всего, что связано с этим беспорядком — той двойственности и тех противоречий, которые возникают между тем, кто наблюдает, и тем, что наблюдается.

Порядок приходит, когда тот, кто разгневан и кто пытается избавиться от гнева, понимает, что он сам и есть гнев. Без этого понимания вы вряд ли сможете узнать, что такое медитация. Не обманывайте себя всякими книгами, написанными о медитации, указаниями людей, которые учат вас, как медитировать, или участием в группах, созданных для медитации. Потому что если нет порядка, который и есть добродетель, уму приходится жить с напряжением, неизбежным при противоречии. Как может такой ум осознать весь смысл, всё значение медитации?

Всем своим существом следует прийти к этой удивительной вещи, называемой любовью, и тем самым быть без страха. Мы имеем в виду любовь, которая не затронута удовольствием, желанием, ревностью, — любовь, не знающую соперничества, которая не разделяется на мою любовь и твою. Тогда ум, включая рассудок и эмоции, находится в полной гармонии; это должно быть так — ибо в противном случае медитация превращается в самогипноз.

Вы должны трудиться очень серьёзно, выясняя деятельность вашего собственного ума, как он функционирует — ум, с его эгоцентрическими проявлениями и разделением на «я» и «не-я». Вы должны быть достаточно знакомы с собой, со всеми фокусами, которые ум над собой проделывает, с иллюзиями и заблуждениями, с образами и воображением всех романтических идей, какие имеются у человека. Ум, склонный к сентиментальности, не способен любить; сентиментальность порождает жестокость, бессердечие и насилие, но не любовь.

Обосновать и упрочить это глубоко в себе довольно трудно; требуется огромная дисциплина, чтобы через наблюдение изучать то, что происходит в нас самих. Такое наблюдение невозможно, если имеются какие-либо предубеждения, умозаключения или формулы, следуя которым вы наблюдаете. Если ваше наблюдение осуществляется согласно советам психолога, вы на самом деле не наблюдаете себя — так что никакого самопознания во всём этом нет.

Вам нужен ум, способный остаться полностью одиноким — не обременённым ни пропагандой, ни опытом других. Просветление не приходит через руководителя или учителя; оно появляется с пониманием того, что в вас происходит, а не через бегство от самого себя. Ум должен действительно понять, что происходит в его собственной психологической сфере; он должен осознавать то, что происходит, без всякого искажения, без всякого выбора, без всякого отвращения или горечи, без объяснения или оправдания, — он должен просто осознавать.

Эта основа закладывается радостно, не принудительно, с лёгкостью, с ощущением

счастья, без какой-либо надежды чего-либо достичь. Ведь если у вас имеется надежда, значит вы пытаетесь убежать от отчаяния; человек должен понять отчаяние, а не выискивать надежду. В понимании «того, что есть» не существует ни отчаяния, ни надежды.

Требует ли всё это слишком многого от человеческого ума? Пока человек спрашивает, может ли это оказаться невозможным, он пребывает в ловушке, в ограниченности пределами того, что кажется или считается возможным. Попасть в эту ловушку очень легко. Человек должен потребовать от ума и сердца работать на пределе, иначе он останется в удобном и комфортабельном мире возможного.

Мы всё ещё вместе? На уровне слов, вероятно, это и так; но слово — не вещь; и сделанное нами — это описание, но описание не является самим описываемым. Если вы совершаете путешествие вместе с ведущим беседу, значит вы на самом деле путешествуете, не теоретически, не на уровне идей — но как нечто, когда вы сами действительно наблюдаете — когда наблюдаете, а не переживаете нечто; есть разница между наблюдением и переживанием.

Между наблюдением и переживанием существует огромная разница. В наблюдении вообще нет «наблюдающего», есть только наблюдение; нет того, кто наблюдает и отделён наблюдаемого. Наблюдение совершенно отлично от исследования, при котором используется анализ. В анализе всегда имеется «анализирующий» и анализируемый предмет. В исследовании всегда присутствует некая сущность, которая исследует. В наблюдении же происходит непрерывное изучение, узнавание нового — но не непрерывное накопление.

Надеюсь, вы видите разницу. Такое изучение отличается от изучения с целью накопления, когда человек думает и действует, руководствуясь накопленным. Исследование может быть логичным, здравым, рациональным, однако наблюдать без «наблюдающего» — это совсем другое.

Далее, имеется ещё проблема переживания. Почему мы хотим переживать? Вы когда-нибудь задумывались об этом? Мы имеем всё время переживания, о которых мы либо знаем, либо не знаем. И мы хотим всё более глубоких, более широких переживаний — мистических, глубинных, трансцендентальных, божественных, духовных — почему? Не потому ли, что наша жизнь так убога, так несчастна, так мелка, так ничтожна? Человек хочет забыть всё это и перейти совсем в другое измерение. Как может мелочный ум, беспокойный, полный страха, постоянно занятый проблемами, переживать что-либо иное, кроме собственных проекций и действий? Эта потребность во всё большем переживании является побегом от того, что фактически есть; и всё-таки только через эту актуальную реальность может прийти наиболее таинственное в жизни. В переживание включён процесс опознания. Ведь когда вы что-то узнаете, это означает, что вы это уже знали. Переживание, говоря в целом, исходит из прошлого, в нём нет ничего нового. Таким образом, существует разница между наблюдением и стремлением к переживанию.

Если всё это — что так необычайно тонко, что требует огромного внутреннего внимания — ясно, мы можем перейти к нашему первоначальному вопросу: что такое медитация? О медитации так много сказано, так много написано книг; существуют великие (не знаю, действительно ли они великие) йоги, которые приходят и учат вас, как медитировать. Вся Азия говорит о медитации; это одна из привычек людей, как привычка верить в Бога или что-то ещё. Каждый день они сидят по десять минут в тихой комнате и «медитируют», концентрируя, фиксируя свой ум на образе — на образе, созданном ими самими или кем-то ещё, кто предложил им этот образ путём пропаганды. В течение этих десяти минут они пытаются контролировать ум; ум хочет двигаться взад и вперёд, а они борются с ним — они постоянно играют в эту игру; и это то, что они называют медитацией.

Если человек ничего не знает о медитации, ему необходимо выяснить, чем она является на самом деле, а не согласно чьим то словам, и это может не привести его ни к чему, а может привести и ко всему. Нужно исследовать, задавая этот вопрос, без какого бы то ни было ожидания.

Чтобы наблюдать за умом — умом, который болтает, конструирует идеи, живёт в противоречии, в постоянном конфликте и сравнении, — я несомненно должен быть очень спокоен. Если мне надо услышать, что вы говорите, я должен отдать этому свое внимание, я не могу болтать и думать о чём-то ещё, я не должен сравнивать то, что вы говорите, с тем, что я

уже знаю, я должен слушать исключительно вас; ум должен быть внимательным, безмолвным, спокойным. Настоятельно необходимо отчётливо видеть всю структуру насилия; и наблюдая насилие, ум становится совершенно спокойным — у вас нет необходимости «культивировать» спокойный ум. Культивирование спокойствия ума предполагает наличие того, кто культивирует — в поле времени — то, чего он надеется достичь. Поймите трудность. Те, кто пытается учить медитации, говорят: «Контролируйте ваш ум — сделайте его абсолютно спокойным». Вы стараетесь контролировать его, и вы без конца сражаетесь с ним, затрачивая на это лет сорок. Наблюдающий ум не контролирует и не ведёт нескончаемой борьбы.

Сам акт видения или слушания является вниманием; упражняться в этом вам совершенно не нужно — начиная упражняться, вы тут же становитесь невнимательным. Вы внимательны, а ваш ум не стоит на месте; позвольте ему блуждать, но знайте, что это — невнимание; осознание этого невнимания есть внимание. Не боритесь с невниманием; не пытайтесь говорить себе: «Я должен быть внимателен», это несерьёзно. Знайте, что вы невнимательны; осознавайте без всякого выбора, что вы невнимательны — что из того? — и когда в этом невнимании появляется действие, осознавайте это действие. Понимаете? Это так просто. Если вы делаете это, вы становитесь таким прозрачным, прозрачным как вода.

Безмолвие ума — само по себе красота. Слушать птицу, голос человека, речь политика или священника, весь непрерывный шум пропаганды, слушать в полном безмолвии — это услышать гораздо больше, увидеть гораздо больше. Такое безмолвие невозможно, если ваше тело также не находится в полном покое. Организм, со всеми его нервными реакциями — суетой, постоянным движением пальцев, глаз, со всей его неугомонностью, — должен быть абсолютно спокоен. Пытались ли вы когда-нибудь посидеть совершенно спокойно, без малейшего движения тела, в том числе и без движения глаз? Посидите так две минуты. За это время вам откроется всё — если вы умеете смотреть.

Когда тело спокойно, приток крови к голове увеличивается. Но если вы сидите сгорбившись, небрежно, то кровь поступает к голове с гораздо большим трудом — вам следует знать всё это. Но с другой стороны, вы можете делать любое дело — и при этом медитировать; в автобусе или за рулём машины (самое удивительное, что вы можете медитировать даже управляя машиной) будьте внимательны — вот что я имею в виду. Тело обладает своей собственной разумностью, которую мысль разрушает. Мысль ищет удовольствия, и в этом поиске она приводит к потворству своим желаниям, к перееданию или к сексуальной неводержанности; мысль заставляет тело делать определённые вещи, и если тело лениво, мысль принуждает его не лениться или предлагает принять пилюлю для поддержания его бодрости. Тем самым врождённая разумность организма разрушается — и тело становится нечувствительным. Человеку необходима большая чувствительность, поэтому ему приходится следить за питанием — человек знает, что получается, если он переедает. Когда есть большая чувствительность, есть и разумность, а поэтому и любовь; любовь тогда — это радость и пребывание вне времени.

Большинство из нас испытывает физическую боль — в той или иной форме. Обычно эта боль беспокоит ум, который проводит дни, даже годы, думая о ней — «Как я хочу, чтобы у меня её не было»; «Буду ли я когда-нибудь от неё свободен?» Когда тело испытывает боль, следите за ней, наблюдайте её, не давайте мысли вмешиваться.

Ум, включая рассудок и сердце, должен быть в полнейшей гармонии. Теперь, в чём же смысл всего этого — такого рода жизни, такого рода гармонии, что хорошего она приносит в этот мир, в котором так много страдания? Если один или два человека живут такой возвышенной экстатической жизнью, какой в этом смысл? Но какой смысл в этом вопросе? — в нём никакого смысла. Если это необычайное входит в вашу жизнь, тогда оно — всё; тогда вы становитесь учителем, учеником, вашим ближним, красотой облака — вы являетесь всем этим, и это — любовь.

Затем приходит другой фактор в медитации. Бодрствующий ум — ум, который в течение дня действует так, как он был обучен, — этот сознательный ум, нагруженный всей своей дневной деятельностью, во время сна продолжает эту деятельность в сновидениях. В снах действие так или иначе продолжается, что-то происходит, так что ваш сон является продолжением бодрствования. Существует множество таинственных фокусов, связанных со

сновидениями, — говорят, что их нужно истолковывать, а отсюда и все профессионалы, толкующие сны, — хотя вы и сами очень просто можете понять их, если следите за своей жизнью в течение дня. И всё же, почему вообще должны существовать сны? (Хотя все психологи утверждают, что вы должны видеть сны, иначе вы свихнётесь.) Но если вы будете наблюдать за собой очень тщательно во время бодрствования, наблюдать за всей своей эгоцентрической деятельностью, полной страха, вины и тревоги, если целый день будете проявлять к этому внимание, вы увидите, что когда вы спите, сновидений у вас нет. Ум следит за каждым моментом мысли, ум уделяет внимание каждому слову; и если вы делаете это, тогда вы увидите в этом красоту — не утомительную скуку наблюдения, а красоту наблюдения; вы увидите, что внимание существует и во сне. И медитация, о которой мы говорили на протяжении этого часа, становится очень важной и значимой, исполненной достоинства, милости и красоты. Когда вы понимаете, что такое внимание, и не только в течение дня, но и во время сна, весь ваш ум полностью пробуждён. Вне этого никакое описание не есть описываемое; об этом не говорят. Всё, что можно сделать, это указать на дверь. Если вы хотите пойти, совершить путешествие к этой двери, вы можете выйти за нее; никто не может описать то, что невозможно назвать, и будь это безымянное ничем или всем не имеет значения. Всякий описывающий это — не знает. И кто говорит, что знает, — не знает.

Участник беседы: Что такое спокойствие, что такое безмолвие? Это прекращение шума?

Кришнамурти: Звук — нечто удивительное. Я не знаю, слушаете ли вы когда-нибудь звук — не звуки, которые нравятся вам или не нравятся, — но просто слушать звук! Звук в пространстве обладает необычайным действием. Вы когда-нибудь прислушивались к звуку самолёта, пролетающего над головой? — к глубине его звука, без всякого сопротивления? Приходилось ли вам слушать и двигаться с этим звуком? Он обладает определённым резонансом.

Теперь, что такое безмолвие? — есть ли это «пространство», которое вы создаёте путём контроля, путём подавления шума и называете безмолвием? Мозг постоянно активен, реагируя на раздражители своим собственным шумом. Что же такое безмолвие? Теперь вы понимаете вопрос? Является ли безмолвие прекращением этого самопорождённого шума? — прекращением болтовни, вербализации и всякой мысли? Даже когда исчезают слова, и мысль, по всей видимости, подходит к концу, мозг по-прежнему работает. Не есть ли поэтому безмолвие не просто прекращение шума, но и полное прекращение всякого движения? Понаблюдайте, вникните в это, посмотрите, как ваш мозг — как результат миллионов лет обусловливания, формирования под влиянием условий, — мгновенно реагирует на любой раздражитель; посмотрите, могут ли быть в покое эти вечно активные, болтающие, реагирующие клетки мозга.

Итак, может ли ум, мозг, весь организм, вся эта психосоматическая структура быть абсолютно спокойной? — не по принуждению, не по убеждению и не из жадности, говорящей: «Я должен быть спокойным, чтобы испытать самое замечательное переживание». Вникните в это, выясните, посмотрите, является ли ваше безмолвие просто производным, или оно пришло потому, что вы заложили фундамент. Если вы не заложили тот фундамент, который есть любовь, добродетель, доброта, красота, настоящее сострадание в глубине всего вашего существа, если вы не сделали этого, ваше безмолвие — лишь прекращение шума. Кроме того, есть ещё целая проблема наркотиков. В древние времена в Индии существовало вещество, которое называли «сомо». Это был вид гриба, сок которого пили, и это вызывало либо успокоение, либо всякие галлюцинаторные переживания; переживания эти являются результатом обусловленности. (Все переживания есть результат обусловленности; если вы верите в Бога, вы, само собой, имеете переживание Бога; но эта вера основана на страхе, на всей муке конфликта; ваш бог — это результат вашего собственного страха. Так что самое прекрасное переживание Бога есть ни что иное, как ваша собственная проекция.) Но люди утратили секрет этого гриба, этого особого вещества, называемого «сомо». С тех пор в Индии, как и здесь, появились самые разнообразные наркотики: гашиш, Л.С.Д., марихуана, вы сами знаете, как их много — табак, алкоголь, героин. Кроме того, есть ещё и пост. Когда вы соблюдаете пост, в организме происходят определённые химические реакции, дающие некоторую ясность, и в этом есть удовольствие.

Если можно жить прекрасной жизнью и без всяких наркотиков, так зачем принимать их? Но те, кто это делает, говорят нам, что происходят определённые изменения — возникает какая-то живость, энергия, исчезает пространство между наблюдающим и наблюдаемым; вы видите предметы гораздо яснее. Один наркоман рассказывает, что он принимает наркотики, когда идёт в музей, ибо в этом случае он видит краски более яркими, чем когда бы то ни было. Но вы можете увидеть эти цвета в том же великолепии и без всякого наркотика, если отдаёте этому своё полное внимание, если вы наблюдаете без дистанции между наблюдающим и наблюдаемым предметом. Когда вы принимаете наркотики, вы зависите от них — и рано или поздно они приводят к самым губительным последствиям.

Итак, есть пост, есть наркотики, которые, как люди надеются, удовлетворят их жажду великого переживания, дадут им всё, что они хотят. Но то, что они хотят, — такая ерунда, какое-то мелкое, ничтожное переживание, раздуваемое в нечто необыкновенное. Так что мудрый человек, наблюдающий всё это, отбрасывает прочь все возбуждающие средства; он наблюдает себя и знает себя. Познание себя — начало мудрости, конец печали.

Участник беседы: При правильных отношениях действительно ли мы помогаем другим людям? Достаточно ли любить их?

Кришнамурти: Что такое взаимоотношения? Что мы подразумеваем под отношениями? Есть ли у нас взаимоотношения, связь с кем-либо? — если не считать кровного родства. Какой смысл мы вкладываем в слово «взаимоотношения»? Связаны ли мы вообще хоть с чем-то, раз каждый из нас живёт в изоляции, изоляции в смысле своей эгоцентрической деятельности, каждый со своими собственными проблемами, своими собственными страхами, своим собственным отчаянием, своей жаждой реализации — всё это отделяющие, отгораживающие факторы. Если он и связан так называемыми взаимоотношениями со своей женой, то он добавил к ним и образы. Именно эти образы имеют взаимоотношения — и вот эти-то взаимоотношения называют любовью! Взаимоотношения существуют лишь тогда, когда образ, изолирующий процесс, приходит к концу, когда вы не стремитесь к превосходству над ней, а она над вами, когда она не владеет вами, а вы — ею, когда вы не зависите от неё, а она от вас.

Когда есть любовь, вы не будете спрашивать, помогает она или нет. Цветок, растущий у дороги, с его красотой, ароматом, не просит подойти и понюхать его, когда вы проходите мимо, он не просит посмотреть на него, насладиться им, полюбоваться его красотой, утончённостью, хрупкой недолговечностью — он просто растёт, и вы можете смотреть на него, а можете не смотреть. Но если вы говорите: «Я хочу помочь другому», это является началом страха, началом беды.

Колледж в Сан-Диего, 9 апреля 1970

Часть третья

КОНТРОЛЬ И ПОРЯДОК

«Сам процесс контроля порождает беспорядок; но и его противоположность, отсутствие контроля, также порождает беспорядок».

В мире происходит так много ужасного; так много смятения, насилия и жестокости. Что можно сделать, как жить человеку, в этом мире, разодранном на куски, в мире, где так много отчаяния и скорби? И в самом человеке так много смятения и конфликта. Что такое взаимоотношения человека с этим извращённым обществом, где извращён и сам человек? Как нужно жить, чтобы найти хоть какой-то покой и хоть какой-то порядок, одновременно находясь в этом испорченном, распадающемся обществе? Уверен, что вы должны были задать себе эти вопросы; и если найден правильный ответ — что необычайно трудно, — человек сможет, возможно, привнести какой-то порядок в свою жизнь.

Какой ценностью обладает человек, ведущий упорядоченную, разумную, целостную,

уравновешенную жизнь в этом мире, который разрушает сам себя и которому постоянно угрожает война? Какую же ценность имеет изменение отдельного человека? Какое воздействие оно может оказать на всё человеческое существование в целом? Я уверен, вы задавали себе эти вопросы. Но думаю, это неправильные вопросы, ведь человек живёт и действует не ради кого-то ещё, не ради пользы общества. Поэтому, как мне кажется, необходимо выяснить, что такое порядок, с тем чтобы не зависеть от обстоятельств, от конкретной культуры — экономической, социальной или любой другой, — ведь если человек не выяснит для себя, что такое порядок, как ему жить без конфликта, жизнь его пройдёт впустую, она не имеет смысла. Поскольку сегодня мы живём в постоянном напряжении и конфликте, жизнь имеет очень мало смысла; по сути, она вообще не имеет никакого значения. Иметь немного денег, ходить на работу, быть обусловленным, повторять слова других людей, иметь очень стойкие, упрямые мнения и догматические верования — во всей этой деятельности очень мало смысла. И так как она не имеет смысла, интеллектуалы во всём мире стараются придать ей какой-то смысл. Если эти люди религиозны, то они придают смыслу жизни особый уклон, если они материалисты — другой уклон, с определённой философией или теорией.

Поэтому представляется очень важным, и не только сейчас, но и во все времена, если быть вообще серьёзным, найти для себя образ жизни, не в качестве теории, в реальной, повседневной жизни найти способ жить без какого-либо конфликта на всех уровнях своего бытия. Чтобы сделать это, человек должен быть серьёзным. И эти встречи не предназначены для философского или религиозного развлечения. Мы здесь для того — если мы серьёзны, а я надеюсь, что это так, — чтобы вместе найти способ жизни, не пользуясь какой-либо особой формулой, теорией, принципом, верой. Общение предполагает совместное участие, совместную работу, совместное творчество, а не просто выслушивание множества слов и идей; мы вообще не имеем дел с идеями. Поэтому с самого начала должно быть абсолютно ясно, что мы здесь очень серьёзно посвящаем свои умы и сердца тому, чтобы понять, может ли человек — то есть вы — жить в полном мире, положив конец всем конфликтам во всех своих взаимоотношениях.

Чтобы выяснить это, необходимо смотреть на себя не с точки зрения определённой философии, определённой системы мысли или конкретной религиозной позиции. Думаю, человек должен от всего этого полностью отказаться, чтобы наш ум мог свободно наблюдать сам себя в своём отношении к обществу, в отношении к нам самим, к нашим семьям, к нашим соседям; ибо только тогда, только в наблюдении того, что на самом деле происходит, появляется возможность выхода за пределы этого. Я надеюсь, что именно это мы и собираемся делать во время наших бесед. Мы не проповедуем новую теорию или новую философию, не приносим никакого религиозного откровения. Нет ни учителя, ни спасителя, ни наставника, ни авторитета — и я действительно имею в виду именно это, — ведь если вы хотите участвовать в том, что говорится, то вам следует также полностью отбросить в сторону и любую форму авторитарности, иерархический взгляд; ум должен быть свободен для наблюдения. Ум не может наблюдать, если вы придерживаетесь какой-либо системы, ориентира, принципа или ограничены какой-либо формой веры. Ум должен быть способен наблюдать. По-видимому, в этом будет заключаться для нас некоторая трудность, ведь для большинства из нас знание превратилось в мёртвый груз, в тяжёлый камень на шее; знание стало нашей привычкой, знание стало нашей обусловленностью. Серьёзный ум должен обладать свободой для наблюдения; он должен быть свободным от этого мёртвого груза — свободным от знания, опыта, традиции, которые являются накоплениями памяти, прошлым.

Итак, чтобы на самом деле наблюдать «то, что есть», чтобы видеть весь смысл «того, что есть», ум должен быть свежим, быть чистым, неразделённым. Из этого вытекает ещё одна проблема: как смотреть без этого разделения — на «я» и «не-я», на «мы» и «они».

Как мы говорили, вы наблюдаете за собой, вы смотрите на себя с помощью слов ведущего беседу. Поэтому вопрос таков: как нужно наблюдать? Я не знаю, задавали ли вы вообще этот вопрос. Как вы смотрите, слушаете, наблюдаете? — не только себя, но и небо, деревья, птиц, своего ближнего, политика. Как вы слушаете и наблюдаете другого, как вы наблюдаете себя? Ключ к наблюдению — в видении вещей без разделения.

Может ли это когда-либо произойти? Всё наше существование разбито на фрагменты. Мы разделены внутри себя, мы противоречивы. Мы живём в разделении — это реальный факт.

Один фрагмент из множества других фрагментов полагает, что он способен наблюдать. И хотя за счёт множества связей он получает власть и авторитет, но это всё равно лишь один фрагмент из множества других фрагментов. И этот один фрагмент смотрит и говорит: «Я понимаю; я знаю, что такое правильное действие».

Так как мы разделены, разбиты, противоречивы, между различными фрагментами существует конфликт. Вы знаете это как факт, если вы наблюдали за этим. И мы приходим к выводу, что с этим ничего нельзя сделать, что ничего нельзя изменить. Как из этого разделения создать целое? Нам понятно, что для того чтобы жить гармоничной, упорядоченной, здоровой, разумной жизнью, эта фрагментация, это разделение на «ты» и «я» должно прийти к концу. Но мы пришли к заключению, что это невозможно, — это мёртвый груз «того, что есть». Поэтому мы изобретаем теории, мы ожидаем «милости» от чего-то божественного — как бы его ни называли, — чтобы оно пришло и чудесным образом принесло нам избавление. К несчастью, этого не происходит. Или вы живёте в иллюзии, придумывая миф о высшем «я», об Атмане. Это даёт возможность бегства.

Нас легко склонить к побегу, потому что мы не знаем, как из этого разделения сделать целое. Мы говорим не об объединении, поскольку оно подразумевает, что кто-то это объединение осуществляет: один фрагмент соединяет вместе другие. Надеюсь, вы видите трудности, связанные с тем, что мы разделены на множество фрагментов, сознательных и бессознательных. И мы пробуем множество способов. Один из наиболее модных способов — поручить психоаналитику сделать это за вас; или вы анализируете себя сами. Пожалуйста, послушайте внимательно: существуют анализирующий и то, что анализируется. Мы никогда не задавались вопросом, кто такой этот анализирующий. Очевидно, что он является одним из множества фрагментов, и он же пытается анализировать всю структуру человека. Но ведь и сам анализирующий — будучи фрагментом — обусловлен. Его анализ имеет несколько аспектов. Прежде всего, любой анализ должен быть завершён — иначе он превращается в камень на шее анализирующего, когда тот начинает анализировать следующий случай, следующую реакцию. Так что память о предыдущем анализе лишь увеличивает бремя. Анализ также предполагает наличие времени; реакций, ассоциаций и воспоминаний, которые надо проанализировать, так много, что на это уйдёт вся ваша жизнь. И к тому времени, когда вы полностью проанализируете себя, — если такое вообще возможно, — вы уже будете одной ногой в могиле.

Это одно из проявлений нашей обусловленности: идея, что мы должны анализировать себя, смотреть на себя интроспективно. В этом анализе всегда есть цензор — тот, кто контролирует, направляет, формирует; существует постоянный конфликт между анализирующим и предметом анализа. Так что вы должны видеть это — не как теорию, не как что-то, что вы накопили как знание; знание превосходно на своём месте, но не тогда, когда вы пытаетесь понять всю структуру вашего существа. Если вы используете знание, полученное путём ассоциации идей и накопления, путём анализа, как средство для понимания себя, тогда вы перестаёте изучать себя. Чтобы изучать, нужна свобода наблюдать без цензора.

Мы можем видеть, как это происходит в нас на самом деле, будучи «тем, что есть», ночью и днём, бесконечно. Если увидеть истину этого — именно увидеть истину, не составить мнение, — увидеть тщетность, зло и напрасную трату энергии и времени, весь процесс анализа приходит к концу. Надеюсь, вы делаете это в тот момент, когда слушаете эти слова. Потому что через анализ продолжается бесконечная цепь ассоциаций; поэтому человек говорит себе: «Измениться невозможно; этот конфликт, это страдание и это смятение — они неизбежны; такова уж жизнь». И человек становится механичным, склонным к насилию, жестоким и глупым существом. Когда человек действительно наблюдает это как факт, он видит истину этого; он может увидеть истину этого, только если на самом деле видит то, что происходит, — «то, что есть». Не осуждайте то, что есть, не рационализируйте его — просто наблюдайте. А наблюдать можно только тогда, когда в вашем наблюдении нет никаких ассоциаций.

До тех пор пока существует анализирующий, должен существовать цензор, порождающий всю эту проблему контроля, регулирования, управления. Я не знаю, осознавали ли вы когда-нибудь, что с момента рождения и до самой смерти мы постоянно контролируем, регулируем себя. Все эти «должен» и «не должен», «следует» и «не следует». Контроль подразумевает приспособление, подражание, следование определённому принципу, идеалу, что

в конце концов приводит к этой ужасной вещи под названием респектабельность. Почему человек вообще должен контролировать? — это не означает, что вы полностью утратили всякий контроль. Необходимо понять, что входит в контроль, что с ним связано. Сам процесс контроля порождает беспорядок; но и его противоположность — отсутствие контроля — также порождает беспорядок.

Человек должен исследовать, понимать, наблюдать всё, что входит в контроль и что с ним связано — и увидеть в отношении этого истину; тогда он будет жить жизнью, в которой есть порядок, но нет совершенно никакого контроля. Беспорядок появляется в результате противоречия, вызываемого центром, анализирующим, той сущностью, которая отделила себя от всех прочих фрагментов и старается навязать то, что она считает правильным.

Поэтому человеку нужно понять эту особую форму обусловленности: мы все связаны контролем и формируемся контролем. Не знаю, спрашивали ли вы себя — почему вы вообще что-либо контролируете, регулируете? Вы ведь действительно контролируете, регулируете, управляете, не так ли? Почему? Что заставляет вас контролировать? В чём корень этого подражания, приспособления, подчинения? Очевидно, что одним из факторов является наша обусловленность, наша культура и санкции, даваемые нашей религией или обществом в форме фраз типа «вы должны сделать это» и «не делайте этого». В этом контроле, управлении, всегда присутствует воля, являющаяся формой настойчивого желания, которая контролирует, формирует, направляет. Пожалуйста, пока вы слушаете, наблюдайте это; на самом деле наблюдайте, и вы увидите, как появляется нечто совсем иное. Мы контролируем себя, своё настроение, свои желания, свои потребности, так как это всегда безопасно. В контроле, со всеми его подавлениями и противоречиями, со всей его борьбой и конфликтом, заключена величайшая защита; появляется определённое ощущение безопасности. Он также даёт нам уверенность в том, что мы никогда не потерпим неудачу.

Где есть разделение на контролирующего, управляющего, и контролируемое, управляемое, нет добра и добродетели. Добро несовместимо с разделением. Добродетель — это состояние ума, в котором нет разделения, а потому и контроля, включающего в себя разделение. Контроль подразумевает подавление, противоречие, усилие, потребность в безопасности, и всё во имя добра, красоты и добродетели; но само по себе это — отрицание добродетели, и потому беспорядок.

Итак, может ли человек наблюдать без разделения, без наблюдающего, противостоящего наблюдаемому, без приобретённого наблюдающим знания, которое отделяет его, когда он смотрит? Ибо наблюдающий — враг добра, несмотря на то, что он желает порядка, пытается выработать правильное поведение, жить мирно. Наблюдающий, отделяющий себя от наблюдаемого, — источник всего, что не есть добро. Видите ли вы всё это? Или вы просто интересно проводите субботний день? Знаете, что всё это значит? — когда ум больше не анализирует, а действительно наблюдает, видит непосредственно и потому действует непосредственно? Это значит, что в уме нет вообще никакого разделения — это целостный, единый, а потому здоровый ум. Именно невротик вынужден контролировать себя; когда он достигает уровня полного контроля над собой, тогда, становясь окончательным невротиком, он уже не способен двигаться, он несвободен.

Увидьте истину этого! Истина — это не «то, что есть»; «то, что есть» — это разделение, чёрные и белые, арабы и евреи, весь хаос этого ужасного мира. Разделив себя, ум уже больше не является целостным, здоровым, разумным, праведным. И именно из-за этого разделения в самом уме так много в мире беспорядка, насилия, жестокости. Поэтому вопрос теперь следующий: может ли ум наблюдать без разделения — так, чтобы наблюдающий и являлся наблюдаемым? Смотреть на дерево, облако, на красоту этой чудесной весны, смотреть на себя — без груза знания; смотреть на себя и учиться в момент наблюдения, не накапливая знание, чтобы ум всё время оставался свободным для наблюдения. Учится только юный ум, не отягощённый знанием. Учиться — значит наблюдать себя без разделения, без анализа, без цензора, отделяющего хорошее от плохого, отделяющего то, что «должно быть», от того, что «не должно быть». Это — одна из самых важных истин, потому что если вы наблюдаете именно так, ум обнаруживает, что все конфликты прекратились. В этом полное и абсолютное добро. Только такой ум может действовать праведно, и в этом — великая радость, радость, не

стимулированная удовольствием.

Мне интересно, захотите ли вы задать какие-нибудь вопросы? Вы должны сомневаться во всём, включая ваши любимые верования, ваши идеалы, ваши авторитеты, ваши священные писания, ваших политиков. То есть необходим определённый скептицизм. Но скептицизм нужно держать на привязи; отпускайте его, когда это необходимо, чтобы ум мог видеть свободно, действовать быстро. Когда вы задаёте вопрос, он должен быть вашей собственной особенной проблемой, не случайным, поверхностным вопросом ради развлечения; это должно быть что-то ваше собственное. Если это так — вы зададите правильный вопрос. Если это правильный вопрос, вы получите правильный ответ, ибо сам акт постановки правильного вопроса содержит в себе ответ. Поэтому — я позволю себе указать вам на это — вы должны задавать правильные вопросы. И тогда, поставив правильный вопрос, мы сможем вместе принять участие в обсуждении этой проблемы. Ваша проблема не отличается от проблем других людей. Все проблемы взаимосвязаны, и если вы сможете понять до конца, целиком, одну проблему, то вы поймёте и все остальные. Так что очень важно задать правильный вопрос. Однако даже если это будет неправильный вопрос, вы обнаружите, что задавая его, вы узнаете, когда и как задать правильный вопрос. Вам следует делать и то, и другое — тогда мы научимся задавать всегда самый главный, настоящий, истинный вопрос.

Участник беседы: В чём конечное основание или цель человеческого существования?

Кришнамурти: Вы знаете какие-либо цели? Сегодняшняя наша жизнь не имеет смысла и не имеет цели. Мы можем придумать цель, цель совершенства, просветления, достижения высшей формы чувствительности; мы можем бесконечно изобретать теории. И мы попадаем в ловушку этих теорий, превращая теории в свои проблемы. Наша повседневная жизнь не имеет другого смысла и другой цели, кроме как заработать немного денег и вести идиотский образ жизни. Можно наблюдать всё это — не теоретически, а фактически — в самом себе; бесконечная внутренняя борьба, поиски цели, поиски просветления, путешествия по всему свету, особенно в Индию или Японию, с целью изучения техники медитации. Вы можете придумать тысячу целей, но нет необходимости вам куда-либо ехать, в Гималаи, в монастырь или в какой-нибудь ашрам, представляющий собой одну из форм концентрационного лагеря, потому что всё находится в вас самих. Наивысшее, безмерное — в вас, если вы умеете смотреть. Не принимайте на веру, что оно там — это один из глупых фокусов, которые мы проделываем с собой, — что мы есть Бог, что мы «совершенны» и вся прочая несерьёзная болтовня. Тем не менее через иллюзию, через «то, что есть», через измеримое вы находите нечто неизмеримое; но начать вы должны с самого себя — в этом вы сможете открыть для себя, как смотреть. Это значит: смотреть без наблюдающего.

Участник беседы: Не могли бы вы определить, в контексте вами сказанного, что такое контроль в его отношении к сдержанности?

Кришнамурти: Необходимо понимать полное значение слова «контроль», имея в виду не только его словарное значение, но и то, как ум был обусловлен к контролю, контролю, который является подавлением. В нём присутствует цензор, контролёр, разделение, конфликт, ограничение, сдерживание, запрещение. Когда человек осознаёт всё это, ум становится очень чувствительным и потому в высшей степени разумным. Мы разрушили эту разумность, которая есть и в теле, в организме; мы извратили её своими направленными на удовольствие склонностями, потребностями. Кроме того, на протяжении веков ум формировался, контролировался и обуславливался культурой, страхом и верой. Когда человек поймёт это на самом деле, а не теоретически, когда он это осознает, он обнаружит, что чувствительность реагирует на всё очень разумно, без торможения, контроля, подавления и сдерживания. Но необходимо понять структуру и природу контроля, породившего в нас столько беспорядка, — волю, являющуюся главным центром противоречия, а потому и контроля. Смотрите на это, наблюдайте это в своей жизни, и вы увидите всё это и ещё больше. Но если вы превращаете своё открытие в знание, в какой-то мёртвый груз — вы пропали. Потому что знание — накопление ассоциаций, бесконечная цепь. И если ум скован ею, изменение невозможно.

Участник беседы: Не могли бы вы объяснить мне, как ум побеждает тело настолько, что оно может левитировать?

Кришнамурти: Вам действительно это интересно? Не знаю, почему вам хочется

покинуть пределы тела. Видите ли, господа, ум постоянно ищет чего-то таинственного, чего-то скрытого, что никто кроме вас не может открыть — и это даёт вам огромное ощущение важности, удовлетворённого тщеславия, престижа — вы становитесь «мистиком». Но есть настоящая тайна, нечто действительно священное — когда вы понимаете всю целостность этой жизни, всё существование целиком. В этом есть великая красота, великая радость. Существует нечто потрясающее, что мы называем неизмеримым. Но вы должны понять измеримое. И неизмеримое не является противоположностью измеримого.

Имеются фотографии людей, которые левитировали. Ведущий беседу видел это — и прочие формы несущественных явлений. Если на самом деле вы интересуетесь левитацией — я не знаю, зачем это вам, но если это так, — вам надо иметь превосходное, в высшей степени чувствительное тело; вы не должны употреблять алкоголь, вы не должны курить, принимать наркотики, есть мясо. Вы должны иметь тело гибкое, здоровое — тело, обладающее своей собственной разумностью, не разумностью, навязанной ему умом. И если вы прошли через всё это, вы, возможно, поймёте, что в левитации нет ничего ценного!

Лондон, 16 мая 1970

ИСТИНА

«Истина — не „то, что есть“, но понимание „того, что есть“ открывает дверь, ведущую к истине».

Нам следовало бы обсудить несколько проблем, например, образование, и значение сновидений, а также и то, может ли вообще ум когда-нибудь стать свободным, живя в этом механическом и раздражительном мире. Мы можем подойти к этой проблеме, рассмотрев вопрос о том, способен ли ум быть свободным от всякого конформизма. Мы должны исследовать всю проблему существования в целом, не одну её часть, не только техническую сторону жизни, то, как заработать себе на жизнь, но также весь вопрос о том, как изменить общество: возможно ли сделать это с помощью бунта, или есть иной тип внутренней революции, которая неизбежно приведёт к появлению общества иного рода. Я думаю, нам следует вникнуть в это — а затем перейти к вопросу о медитации. Потому что — простите мне мои слова — я не думаю, что вы знаете, что подразумевается под медитацией. Большинство из нас читало об этом или нам говорили, что это такое, и мы пытались заниматься медитацией. То, что ведущий беседу должен сказать о медитации, может весьма сильно отличаться от всего того, что вы знаете, что практиковали или испытали. Невозможно искать истину; поэтому нужно понять смысл поиска. Так что это очень сложный вопрос; медитация требует высочайшей чувствительности, способности к полному безмолвию, способности, не вызванной чем-то внешним, не выработанной, не культивированной. Такое может иметь место или произойти, только когда мы понимаем, психологически, как жить, ведь наша повседневная жизнь проходит в конфликте; она представляет собой серию актов приспособления, подчинения, контроля, подавления, и бунта против всего этого.

Существует общий вопрос, как жить жизнью без насилия любого рода; ведь без действительного понимания насилия, без свободы от него медитация невозможна. Вы можете играть с ней, вы можете поехать в Гималаи, чтобы научиться дышать, правильно сидеть, немного заниматься йогой и думать, что научились медитации, но всё это довольно-таки несерьёзно. Чтобы прийти к тому необычному, что называется медитацией, ум должен быть совершенно свободен от всякого насилия. Поэтому может оказаться весьма полезным поговорить о насилии и посмотреть, может ли ум действительно быть свободным от него — а не совершать романтический побег в какого-то рода оцепенение, называемое медитацией.

О том, почему человек агрессивен, написано множество книг. Антропологи дают объяснения, и каждый специалист делает это по-своему, опровергая или дополняя то, что большинству из нас известно на уровне рассудка: что люди склонны к насилию. Отправляясь на войну, убивая других, мы считаем, что насилие — только физическое действие. Мы приняли войну как образ жизни. И приняв её, ничего больше не предпринимаем в отношении неё.

Случайно или по сердечному убеждению мы можем стать пацифистами в одной части нашей жизни, но для всего остального — мы в конфликте; мы честолюбивы, мы склонны к соперничеству, мы делаем гигантские усилия; эти усилия означают конфликт и, следовательно, насилие. Любое подчинение, любое искажение — намеренное или неосознанное — есть насилие. Дисциплинировать себя согласно определённым шаблонам, идеалам, принципам — форма насилия. Любое искажение, без подлинного понимания «того, что есть» и выхода за его пределы, — это форма насилия. И всё же, возможно ли вообще покончить с насилием в самом себе без всякого конфликта, без всякого противодействия?

Мы привыкли к обществу, морали, основанной на насилии. Мы все знаем это. С детских лет учат нас насилию, подражанию, подчинению, сознательно или бессознательно. Мы не знаем, как выбраться из этого. Мы говорим себе, что это невозможно, человек должен действовать насильственно, но насилие можно творить и в перчатках, вежливо, и прочее. Итак, нам нужно рассмотреть вопрос насилия, ведь без понимания насилия и страха — как может быть любовь? Может ли ум, принявший необходимость соответствовать обществу, принципу, общественной морали, которая вовсе не является моралью, ум, наученный религиями верить, — принимая идею Бога или отвергая её, — может ли такой ум освободить себя без всякой борьбы, без всякого сопротивления? Насилие порождает дальнейшее насилие; сопротивление лишь создаёт новые формы искажения.

Можно наблюдать свой собственный ум — не читая книг, не слушая профессоров или «святых». В конечном счёте, это и есть начало самопознания: познавать себя не с помощью какого-либо психолога или психоаналитика, а наблюдением самого себя. Мы видим, как сильно обусловлен наш ум — здесь национализм, расовые и классовые различия и всё прочее. Если человек осознаёт всё это, тогда он сознаёт свою обусловленность, эту обширную пропаганду во имя Бога, коммунизма или чего-то ещё, формирующую нас с детства, в течение многих веков. Осознав это, может ли ум избавиться от обусловленности, освободить себя от всякого приспособления, от подчинения и тем самым получить свободу?

Как это сделать? Как могу я, или вы, стать сознательным — при том, что ум прочно обусловлен, и не только поверхностно, но и в самой его глубине? Как сломать эту обусловленность? Если это невозможно, мы вечно будем жить в подчинении, и даже если есть новый стереотип, новая структура общества, новый набор верований, догм и новая пропаганда, это всё равно подчинение. И чтобы были какие-то социальные перемены, должно быть образование иного типа, такое, чтобы детей не приучали подчиняться, соответствовать.

Итак, вопрос: как уму освободиться от обусловленности? Я не знаю, пытались ли вы когда-либо это сделать, входя достаточно глубоко в это, не только на сознательном уровне, но и в более глубоких слоях сознания. Есть ли в действительности разделение между этими уровнями? Или это единое движение, но мы осознаём лишь движение на поверхности, приученное соответствовать требованиям данного общества или культуры?

Как уже говорилось недавно, мы не просто слушаем некий набор слов — потому что это не имеет никакого смысла. Но отзываясь на то, что говорится, принимая участие в этом и работая вместе, вы сами поймёте, как нужно наблюдать это целостное движение без разделения; потому что там, где существует разделение любого типа, — расовое, интеллектуальное и эмоциональное, разделение на противоположности, «я» и «не-я», высшее «я» и низшее «я», и всё такое прочее, — это разделение неизбежно вызывает конфликт. Конфликт — это пустая трата энергии, а чтобы понять всё, что мы обсуждаем, вам нужен очень большой запас энергии.

Будучи настолько обусловленным, как может ум наблюдать сам себя без разделения на наблюдающего и предмет наблюдения? Пространство между наблюдающим и наблюдаемым, расстояние, временной интервал, есть противоречие и самая суть разделения. Поэтому когда наблюдающий обособляет себя от объекта наблюдения, он не только действует как цензор, но он также порождает двойственность, а значит и конфликт.

Итак, может ли ум наблюдать себя без разделения на наблюдающего и наблюдаемое? Вы понимаете проблему? Когда вы наблюдаете, что вы ревнивы, завистливы — что встречается очень часто — и осознаёте это, всегда есть наблюдающий, который говорит: «Я не должен ревновать». Или этот наблюдающий обосновывает ревность, оправдывая её, не так ли?

Существуют наблюдающий и наблюдаемое; и первый рассматривает ревность как нечто отдельное от себя — как то, что он пытается контролировать, от чего пытается избавиться; так что есть конфликт между наблюдающим и наблюдаемым. Наблюдающий — один из многих составляющих нас фрагментов.

Есть между нами общение? Вы понимаете, что мы подразумеваем под общением? Это совместное проникновение, не просто понимание слов, интеллектуальное видение смысла. Не существует интеллектуального понимания *чего бы то ни было*; особенно когда речь идёт о самых существенных человеческих проблемах.

Итак, когда вы действительно поймёте истину, что любое разделение неизбежно порождает конфликт, вы увидите, что это пустая трата энергии и потому вызывает искажение и насилие, и всё прочее, что неизбежно следует за конфликтом. Если вы на самом деле понимаете это — и не на уровне слов, но в действительности, — тогда вы поймёте, как можно наблюдать без временного интервала и без пространства, разделяющего наблюдающего и наблюдаемое; тогда вы увидите, как наблюдать обусловленность, насилие, угнетение, жестокость — все эти ужасные вещи, происходящие в мире и в вас самих. Делаете ли вы это во время беседы? Не спешите говорить «да», ведь это одна из самых трудных вещей — наблюдать без наблюдающего, без использующего слова, без некой сущности, наполненной знанием, которое есть прошлое, без расстояния между наблюдающим и наблюдаемым предметом. Делайте это — наблюдайте дерево, облако, красоту весны, новый листок — и вы увидите, как это удивительно. Но тогда вы поймёте, что вы никогда не видели это дерево прежде, никогда!

Наблюдая, вы всегда делаете это, имея образ или с помощью образа. У вас всегда есть образ в виде знания, когда вы смотрите на дерево или на свою жену или мужа; у вас уже есть образ того, что она или он собой представляет, образ, сформировавшийся за двадцать, тридцать или сорок лет. Так что один образ смотрит на другой образ, и у них свои отношения; и поэтому подлинных отношений нет. Признайте этот очень простой факт: практически на всё в жизни мы смотрим с образом, с предубеждением, с предвзятым мнением. Мы никогда не смотрим свежим взглядом; наш ум никогда не бывает юным.

Поэтому мы должны наблюдать себя — мы являемся частью насилия — и безмерный поиск удовольствия с его страхами, разочарованиями, мукой одиночества, отсутствием любви, отчаянием. И чтобы наблюдать всю эту структуру самого себя без наблюдающего, видеть её такой, какова она есть, без малейшего искажения или оценки, осуждения, сравнения — всё это является движением наблюдающего, движением «я» и «не-я», — требуется высочайшая дисциплина. И это слово «дисциплина» мы используем не в смысле подчинения или принуждения; это не дисциплина, достигаемая поощрением и наказанием. Чтобы наблюдать что-либо — свою жену, своего соседа или облако, — человек должен иметь очень чувствительный ум; само это наблюдение порождает свою собственную дисциплину, не являющуюся подчинением. Поэтому высочайшей формой дисциплины является отсутствие дисциплины.

Таким образом, наблюдать то, что называется насилием, без разделения, без наблюдающего, видеть обусловленность, структуру веры и мнения, предубеждения, это значит видеть самого себя, иначе говоря, «то, что есть». Когда вы наблюдаете это, и присутствует разделение, вы говорите: «Это изменить невозможно». Человек жил так на протяжении тысячелетий, и вы продолжаете жить так же. Фраза «это невозможно» лишает человека энергии. Только когда вы видите возможное в наивысшей форме, у вас имеется достаточный запас энергии.

Поэтому человек должен наблюдать действительно «то, что есть» — не образ «того, что есть», имеющийся у вас, а то, каким вы на самом деле являетесь; никогда не говоря «это ужасно», или «это прекрасно». Вы познаёте себя только через сравнение. Вы говорите: «Я туп», — сравнивая себя с кем-то очень разумным, очень живым. Вы пробовали когда-нибудь жить, не сравнивая себя с кем-то или с чем-то? Какой вы тогда? Тогда то, какой вы, — «то, что есть». Тогда вы можете выйти за пределы этого и выяснить, что такое истина! Итак, весь вопрос освобождения ума от обусловленности заключается в том, как ум наблюдает. Не знаю, задавали ли вы себе когда-нибудь вопрос, что такое любовь, думали ли вы об этом, исследовали ли это. Любовь — это удовольствие? Любовь — желание? Любовь — нечто, требующее

культивирования, нечто уважаемое обществом? Если это удовольствие, что, похоже, вытекает из всего нами наблюдаемого, — не только сексуальное, но и моральное удовольствие, удовольствие от достижения, от успеха, удовольствие оттого, что вы становитесь кем-то, что кем-то являетесь, подразумевающее соперничество и подчинение, — разве это любовь? Честолюбивый человек, даже тот, кто говорит: «Я должен найти истину», кто гонится за тем, что считает истиной, — может ли он знать, что такое любовь?

Не подойти ли нам к этому вопросу разумно? — то есть через понимание того, чем любовь не является; отрицанием прийти к положительному. Отвергая то, что не есть любовь. Ревность — не любовь; воспоминание об удовольствии, сексуальном или другом, — не любовь; культивирование добродетели, постоянное усилие в попытке быть благородным — тоже не любовь. Когда вы говорите: «Я люблю тебя», — что это означает? Образ её или его, который у вас есть, сексуальное удовольствие и всё, что оно в себя включает, утешение, общение, бегство от одиночества, боязнь одиночества и постоянное стремление быть любимым, обладать, принадлежать кому-то, господствовать, утверждаться, быть агрессивным — любовь ли всё это? Если вы видите абсурдность этого — не на словах, а на самом деле, как оно есть, — всю эту бессмыслицу, которую говорят о любви, — любовь к своей стране, любовь к Богу, — когда видите всю чувственность этого — мы не осуждаем секс, а наблюдаем его, — когда вы действительно наблюдаете это таким, как оно есть, вы понимаете, что ваша любовь к Богу возникает из-за страха, что ваша воскресная религия — это страх. Полное наблюдение этого предполагает отсутствие разделения. Где нет разделения, там добродетель; вам нет необходимости культивировать добродетель. Так может ли ум, включающий рассудок, всю структуру, полностью наблюдать то, что он называет любовью, — со всем его злом, мелочностью и буржуазной посредственностью? Для такого наблюдения должно быть отрицание всего того, чем любовь не является.

Знаете, между радостью и удовольствием есть большая разница. Вы можете культивировать удовольствие, постоянно думать об удовольствии и получать его всё больше и больше. Вчера вы испытали удовольствие, и вы можете думать о нём, пережёвывать его — и вы захотите, чтобы завтра оно вновь повторилось. В удовольствии есть мотив, в котором присутствуют собственничество, господство и подчинение — и всё такое прочее. Подчинение приносит большое удовольствие — Гитлер, Муссолини, Сталин и другие заставляли людей подчиняться, потому что это даёт безопасность и уверенность. И когда вы видите всё это, когда вы свободны от этого — на самом деле, не на словах, но так, чтобы никогда не завидовать, никогда не господствовать, не принадлежать, — когда ум отмёл всё это, только тогда вы знаете, что такое любовь, — вам не надо искать её.

Если ваш ум понял значение слова любовь, вы обязательно спросите: что такое смерть? Ибо любовь и смерть идут вместе. Если ум не знает, как умирать для прошлого, он не знает, что такое любовь. Любовь — не от времени, это не то, что запоминаемо, нельзя запомнить радость и культивировать её; она приходит без приглашения.

Итак, что такое смерть? Не знаю, наблюдали ли вы когда-нибудь смерть, но не чью-то, а свою собственную. Это одна из самых трудных вещей: не отождествлять самого себя с чем-то. Большинство из нас отождествляет себя со своей мебелью, со своим домом, со своей женой или мужем, со своим правительством, страной, с собственным образом, который у нас есть в отношении самих себя, отождествляет себя с чем-то большим — и это большее может быть более высокой ступенью рода или племени, нацией; или отождествляете себя с определённым качеством или образом. Прекращение отождествления себя со своей мебелью, знанием, опытом, со своей техникой или специальным знанием, если вы учёный или инженер, — это форма смерти. Сделайте это как-нибудь, и тогда вы поймёте, что это означает: не горечь, не безнадежность, не отчаяние, но удивительное чувство — ум, который полностью свободен для наблюдения и, следовательно, живёт.

К несчастью, мы разделили жизнь и смерть. Чего мы боимся, так это «не жить» — мы боимся прекращения этого «существования», которое мы называем жизнью. И когда вы не теоретически, а на самом деле рассмотрите, что представляет собой это существование, и понаблюдаете его, пользуясь глазами, ушами, всем, что у вас есть, вы увидите, насколько оно фальшиво, как оно мелко, ограничено, незначительно; вы можете иметь «Роллс-Ройс»,

огромный дом, прекрасный сад, титул, степень, но ваша внутренняя жизнь — непрекращающееся сражение, постоянная борьба, с противоречиями, с противоборствующими страстями, с многочисленными желаниями.

Именно это мы и называем жизнью и за это цепляемся. Всё, что кладёт этому конец, — если только вы не отождествляетесь в огромной степени со своим телом, — мы называем смертью; хотя и физическому организму приходит конец. И в страхе перед концом мы окружаем себя различными верованиями. Все они — включая веру в перевоплощение — лишь бегство. Что важно, так это то, как вы живёте сейчас, а не то, кем вы будете в следующей жизни. Тогда вопрос: может ли ум полностью жить вне времени? Человек должен по-настоящему понять проблему прошлого, прошлого как «вчера», которое через «сегодня» формирует «завтра» из того, что было вчера. Так может ли ум — который есть результат времени, эволюции — быть свободным от прошлого? — что и значит умереть. Только ум, познавший это, может прийти к тому, что мы называем медитацией.

Без понимания всего этого попытка медитировать — просто детская игра воображения.

Истина — это не «то, что есть», но понимание «того, что есть» открывает дверь, ведущую к истине. Если вы не поняли — на самом деле, всем вашим сердцем, умом, рассудком, чувствами — «того, что есть», не поняли того, какой вы есть, вы не можете понять, что такое истина.

Участник беседы: Всё, что вы говорите в этом зале, становится таким простым и понятным. Но когда я выхожу наружу, я снова в растерянности — и не знаю, что мне делать, когда я один.

Кришнамурти: Взгляните, сэр: всё, что говорит ведущий беседу, очень просто. Он указывает вам на «то, что есть» — оно ваше, оно не только в этом зале, оно не остаётся с ведущим беседу; он не занимается никакой пропагандой, он ничего от вас не хочет, ни вашей лести, ни ваших выпадов, ни ваших аплодисментов. Это всё ваше: ваша жизнь и ваше страдание и ваше отчаяние; вы должны понять это, но не обязательно здесь и сразу же, потому что здесь вы загнаны в угол, вы обращены к себе, быть может, всего лишь на несколько минут. Но когда вы покидаете этот зал — вот тогда всё и начинается! Мы не пытаемся повлиять на вас, заставив действовать, думать, что-то делать, — это было бы пропагандой. Но если вы слушаете сердцем и умом, который осознаёт, не подвергается влиянию, если вы наблюдаете, то когда выйдете отсюда, это останется с вами где бы вы ни были, ибо это ваше, вы поняли.

Участник беседы: Какова роль художника?

Кришнамурти: Разве художники так сильно отличаются от других людей? Почему мы делим жизнь на учёных, художников, домохозяек, врачей? Художник может быть чуть более чувствительным, более наблюдательным, более живым, но у него тоже есть свои человеческие проблемы. Он может создавать прекрасные картины, писать чудесные стихи, делать что-то своими руками, но он всё равно остаётся человеческим существом, обеспокоенным, испуганным, завистливым, честолюбивым. Как вообще «художник» может быть честолюбивым? Если он честолюбив — это уже не художник. Скрипач или пианист, использующий свой инструмент ради денег, завоевания престижа — просто подумайте об этом — это не музыкант. Или учёный, работающий на правительство, на общество, на войну, — это учёный? Такой человек, ищущий знания и понимания, становится испорченным, как и все остальные люди. Он может быть гением в своей лаборатории или чудеснейшим образом выразить себя на холсте, но и он, как и другие, лишён внутренней целостности, мелочен, фальшив, беспокоен, испуган. Несомненно, настоящий художник, человек, индивид — целостное, неразделённое, законченное существо. Индивид означает неразделённый; но мы не таковы — мы расколотые, разделённые на части человеческие существа — бизнесмен, художник, врач, музыкант. И потому ведём жизнь... О, нет надобности описывать её, вы всё знаете.

Участник беседы: Сэр, что является критерием при выборе среди различных возможностей?

Кришнамурти: Почему вы вообще выбираете? Когда вы видите что-то очень отчётливо, зачем вам нужен выбор? Прошу вас, прислушайтесь к этому. Выбирает только смущённый, неуверенный, неясный ум. Я не имею в виду выбор между красным и чёрным — речь идёт о

психологическом выборе. Если вы не в смятении, зачем вам выбирать? Если вы видите что-то очень отчётливо, без всякого искажения, есть ли необходимость в выборе? Здесь нет альтернатив; они появляются, когда вам приходится выбирать между двумя материальными дорогами — пойти одним путём или другим. Но альтернативы существуют также и в уме, когда он внутренне разделён, находится в смятении, поэтому он в состоянии конфликта, поэтому он склонен к насилию. Именно пропитанный насилием ум говорит, что он будет жить в мире, и в своей реакции он становится насильственным. Но когда вы видите всю природу насилия очень отчётливо, от его наиболее жестоких до едва заметных форм, вы свободны от него.

Участник беседы: Когда мы способны видеть всё это?

Кришнамурти: Наблюдали ли вы всё дерево целиком, во всей его целостности?

Участник беседы: Не знаю.

Кришнамурти: Сделайте это как-нибудь, сэр, если вас интересуют подобные вещи.

Участник беседы: Мне всегда кажется, что я это делал, но лишь до следующей с ним встречи.

Кришнамурти: Чтобы понять это, давайте начнём с дерева, которое является наиболее объективным предметом. Наблюдайте его полностью, то есть без наблюдающего, без разделения, что однако не означает, что вы должны отождествлять себя с деревом, вы не можете стать им, это было бы слишком нелепо. Но наблюдать — это смотреть на дерево без разделения между вами и деревом, без пространства, которое создаёт «наблюдающий» своим знанием, своими мыслями, своим предвзятым мнением относительно этого дерева; наблюдение несовместимо с состоянием гнева, ревности, отчаяния — или с тем, что мы называем надеждой и что, будучи противоположностью отчаяния, надеждой не является. Когда вы его наблюдаете, видите его без разделения, без этого расстояния, вы способны понять всю его целостность.

Если вы наблюдаете свою жену, друга, мужа или что угодно, если смотрите на них без образа, являющегося накоплением прошлого, то вы увидите, какие происходят удивительные вещи. Вы никогда за всю свою жизнь не видели ничего подобного. Но полнота наблюдения подразумевает отсутствие разделения. Чтобы избавиться от дистанции между наблюдающим и наблюдаемым, люди принимают Л.С.Д. и другие наркотики. Я этого никогда не делал; ведь как только вы вступаете в эту игру, всё кончено, вы навсегда попадаете в зависимость от них, и это приводит к беде.

Участник беседы: Каково отношение между мыслью и реальностью?

Кришнамурти: Что такое мысль по отношению к времени, по отношению к измеримому и неизмеримому? Что такое мысль? Очевидно, что мысль — реакция памяти. Если бы у вас не было памяти, вы бы вообще не смогли думать, вы бы впали в состояние амнезии. Мысль всегда стара, мысль никогда не может быть свободной, мысль никогда не может быть новой. Когда мысль молчит, возможно подлинно новое открытие, но мысль не способна открыть ничего нового. Вам понятно это? Пожалуйста, не соглашайтесь со мной. Когда вам задаётся вопрос, и этот вопрос вам знаком, вы реагируете немедленно. «Как вас зовут?» — вы сразу отвечаете. «Где вы живёте?» — вы отвечаете мгновенно. Однако более сложный вопрос требует времени — и в этом временном интервале мысль ищет, пытается вспомнить.

Итак, в своём желании найти истину мысль всегда оперирует терминами прошлого. В этом и состоит трудность поиска. Когда вы ищете, вы должны уметь узнать найденное — и всё, что вы находите, пользуясь приёмами узнавания, является прошлым. Поэтому очевидно, что мысль есть время, — это так просто, не правда ли? Вчера вы испытали большое наслаждение, думаете о нём, и хотите, чтобы оно повторилось завтра. Мысль, думая о чём-то, что доставило удовольствие, хочет повторения этого завтра; поэтому «завтра» и «вчера» образуют временной интервал, в котором вы намереваетесь получить это удовольствие, в котором вы будете думать о нём. Поэтому мысль есть время. И мысль никогда не может быть свободной, так как мысль есть реакция прошлого. Как может мысль понять что-нибудь новое? Это возможно только когда ум полностью безмолвен. Но безмолвен не потому, что хочет найти нечто новое, так как тогда это безмолвие обусловлено мотивом и потому безмолвием не является.

Если вы понимаете это, вы поняли всё, что нужно, и даже ответили на свой вопрос. Видите ли, мы постоянно используем мысль, чтобы искать, спрашивать, исследовать, смотреть. Вы полагаете, мысль может познать, что такое любовь? Мысль может познать удовольствие от

того, что она называет любовью, и требовать это удовольствие вновь во имя любви. Однако мысль, будучи продуктом времени, продуктом меры, не имеет возможности понять того, что не является измеримым, мысль не может встретиться с ним. Так что тогда возникает вопрос: *как заставить* мысль замолчать? Этого вы не можете. Возможно, мы займёмся этим в другой раз.

Участница беседы: Нуждаемся ли мы в правилах, по которым мы должны жить?

Кришнамурти: Мадам, вами не услышано ничего из того, что я говорил во время этой беседы!

Кто будет устанавливать такие правила? Церкви делали это, тиранические правительства делали это, или вы сами устанавливали правила своего поведения. И вам известно, что это означает, — борьбу между тем, какой по вашему мнению вам следует быть, и тем, какая вы есть. Что важнее: понять какой вы должны быть или какая вы есть?

Участница беседы: Какая я есть?

Кришнамурти: Давайте посмотрим. Я говорил вам, что вы такое — ваша страна, ваша мебель, ваши образы, ваши амбиции, ваша респектабельность, ваша раса, ваши черты характера и предрассудки, ваши навязчивости — вы знаете, что вы такое! Через всё это вы хотите найти истину, Бога, реальность. И поскольку ум не знает, как быть свободным от всего этого, вы изобретаете что-то, внешний фактор, или приписываете жизни смысл.

Поэтому когда вы понимаете природу мысли, осознаёте её не на уровне слов, а на самом деле, и если у вас имеется предубеждение, посмотрите на него, и вы увидите, что ваши религии — это предрассудок, что отождествление со страной — тоже предрассудок. У нас так много мнений, так много предубеждений; просто наблюдайте одно из них полностью вашим сердцем, умом, с любовью — заботьтесь о нём, посмотрите на него. Не говорите «Я не должна» или «Я должна», просто смотрите. И тогда вы поймёте, как жить без предубеждений. Истину способен увидеть лишь ум, свободный от предубеждения и конфликта.

Лондон, 27 мая 1970

РЕЛИГИОЗНЫЙ УМ

«Религиозный ум есть свет для самого себя. Его свет не зажигается никем другим — зажжённая другим свеча может быть погашена очень быстро».

Должны ли мы говорить о медитации? Говорить о чём-то и делать это — совершенно разные вещи. Если мы собираемся углубляться в эту сложную проблему, нам следует не только понять смысл слов, но также, мне кажется, пойти дальше слов. Медитация включает в себя несколько аспектов. Чтобы действительно понять её, чтобы осуществлять её на деле — не просто на уровне интеллекта, или слов, или теории, — требуется особый род серьёзности, в которой должны быть изрядное количество разумности и юмора.

Прежде всего, нужно исследовать, что такое религиозный ум; не что такое религия, но каково качество ума и сердца, являющихся религиозными. Человек может придать множество значений слову «религия», в зависимости от своей обусловленности, либо принимая её эмоционально, сентиментально или благочестиво, либо полностью отрицая весь смысл религиозной позиции, религиозный образ жизни, как делают очень многие. Порой человеку даже бывает стыдно говорить о религиозных вопросах. Однако религиозный ум не имеет ничего общего с верой в Бога — у него нет никакой теории, философии, или умозаключения, потому что у него нет страха, а поэтому нет и никакой нужды в вере.

Религиозный ум трудно описать — описание никогда не станет описываемым предметом. Но если вы чувствительны, сознательны и серьёзны, вы можете почувствовать свой путь к нему.

Прежде всего, человек не должен принадлежать ни к какой организованной религии. Это, я думаю, очень трудно для большинства людей; они стремятся уцепиться за какую-нибудь надежду, за веру, за какую-нибудь теорию, за умозаключение или же за свой собственный опыт, придавая ему религиозное значение. Всякая привязанность, а значит и зависимость от

своего личного, тайного переживания или от опыта, накопленного так называемыми святыми, мистиками, или вашим личным гуру или учителем, всё это должно быть целиком и полностью отброшено. Надеюсь, что сейчас вы делаете это, ведь религиозный ум не обременён страхом, он не *ищет* безопасности и удовольствия ни в какой форме. Для того чтобы выяснить, что такое медитация, абсолютно необходим ум, не отягощённый опытом. В жажде переживаний лежит путь к иллюзии.

Не искать переживаний ни в какой форме — это очень трудно; наша жизнь настолько механистична, настолько неглубока, что мы стремимся к более глубоким переживаниям, потому что нам надоела поверхностность жизни. Мы хотим, или, скорее, мы жаждем что-то, что имело бы смысл, полноту, глубину, красоту, очарование — и ум поэтому ищет. И он найдёт то, что ищет; однако найденное им не будет истиной. Принимаете ли вы всё это, или вы отвергаете это? Пожалуйста, не принимайте и не отвергайте — это не вопрос вашего или моего удовольствия, потому что в нём нет какого-либо авторитета, ни авторитета ведущего беседу, ни чьего-либо ещё. Видите ли, большинство из нас стремится иметь кого-то, кто мог бы вести нас за собой, направлять, помогать нам, — и мы отдаём свою веру этому человеку, этому идеалу, принципу, образу, проникаемся доверием к нему. Поэтому мы зависим от другого. Ум, зависящий от авторитета и тем самым не способный остаться в одиночестве, не способный понимать, смотреть на всё прямо, непосредственно, такой ум неизбежно боится пойти не туда, не сделать того, что нужно, не достигнуть экстаза, ему обещанного, или на который он сам надеется. Надо покончить со всеми подобными формами авторитета — это будет означать отсутствие страха, зависимости от другого (нет никакого гуру), будет означать ум, который не ищет переживаний. Потому что если человек ищет переживаний, это указывает на то, что он хочет большего удовольствия, называйте его как вам нравится — экстазом, наслаждением, поиском истины или обретением просветления.

Кроме того, откуда ищущий узнаёт, что именно он нашёл и является ли найденное истиной? Способен ли ищущий, занятый поиском ум найти что-то живое, движущееся, не имеющее пристанища? Религиозный ум не принадлежит ни к какой группе, секте, вере, церкви, ни к какому организованному цирку; и потому он способен смотреть на вещи непосредственно и понимать их сразу же. Таков религиозный ум, ибо религиозный ум есть свет для самого себя. Его свет не зажигается никем другим — зажжённая другим свеча может быть погашена очень быстро. Большинство наших верований, догм, ритуалов — это результат пропаганды, не имеющей ничего общего с религиозной жизнью. Религиозный ум — это свет для самого себя, и потому для него нет ни наказания, ни награды.

Медитация — это полное опустошение ума. Содержимое ума — результат времени, того, что называется эволюцией; оно — результат тысячи переживаний, огромного накопления знания, воспоминаний. Ум так отягощён прошлым, потому что всё его знание есть прошлое, весь опыт есть прошлое, а память — результат накопления тысячи переживаний, и всё это — известное. Может ли ум, являющийся как сознательным, так и бессознательным, полностью опустошить себя от прошлого? В этом — всё движение медитации. Если ум осознаёт себя — без всякого выбора, — видит целиком своё движение, может ли это осознание полностью очистить ум от известного? Ведь если есть хоть какой-нибудь остаток прошлого, ум не может быть чистым, невинным. Таким образом, медитация — это полное опустошение ума.

О медитации говорится так много, особенно на Востоке; так много школ существует, так много методик и книг, в которых описывается, как нужно медитировать, какие действия выполнять. Как узнать, истинно или ложно то, что говорится? Когда ведущий беседу говорит, что медитация — это полное опустошение ума, откуда вы знаете, что это истинно? Что подсказывает вам? Ваше личное предубеждение, какая-то ваша особенность, проявляющаяся в том, что вам нравится лицо говорящего или его репутация, или дело в том, что он вызывает определённую симпатию, определённое расположение? Откуда вы знаете? Нужно ли вам пройти все системы, все школы, иметь учителей, обучающих медитации, для того чтобы понять, что это такое? Или же вы можете выяснить это, не прибегая к помощи всех этих людей, указывающих вам, что делать?

Я говорю это без всякой догматичности: не слушайте никого — включая и ведущего беседу, особенно его, — ведь вы очень легко поддаётесь влиянию, поскольку все хотите

чего-то, страстно чего-то желаете — просветления, радости, экстаза, рая; вас очень легко пленить. Следовательно, выяснять вы должны полностью самостоятельно. Поэтому нет необходимости ехать в Индию или в Дзен-Буддийский монастырь, чтобы медитировать или чтобы посмотреть на какого-то учителя, потому что если вы знаете, как смотреть, всё уже есть в вас самих. Полностью отбросьте прочь всякий авторитет, перестаньте смотреть на других, потому что истина не принадлежит никому, она не чья-то личная собственность. Медитация не является частным, личным удовольствием или переживанием.

Легко видеть, что человеку необходима величайшая гармония ума, сердца и тела, если можно принять такое разделение — психосоматически, если хотите. Очевидно, что гармония должна быть абсолютно полной, ибо если имеется какое-либо противоречие, какое-либо разделение, имеется и конфликт. Конфликт — это самая суть потери энергии, а для медитации вам нужно огромное количество энергии. Поэтому необходима гармония, чтобы ум, мозг, организм и глубины сердца составляли единое целое, не разбитое на части; вы сами можете это понять, нет необходимости учить вас этому. Как такую гармонию создать — совсем другое дело. Полная гармония означает необычайную чувствительность ума и организма, поэтому нужно надлежащим образом вникнуть в вопрос диеты, упражнений и образа жизни. И поскольку мы не желаем ни думать об этом, ни вникать в это, мы и обращаемся к кому-то, кто скажет нам, что делать. Но если мы смотрим на кого-то другого, мы ограничиваем свою энергию, ведь тогда мы спрашиваем, возможно это или это невозможно. Если мы говорим, что это невозможно, то наша энергия ограничивается ещё больше; если говорим, что это возможно с точки зрения того, что мы уже знаем, энергия остаётся очень маленькой, и так далее.

Итак, ясна необходимость полной гармонии, ибо если есть какое-либо несоответствие, имеется и искажение. И нужна дисциплина. Дисциплина означает порядок — не подавление, не соответствие принципу, идее, выводу, системе, методу.

Порядок — это не план, не шаблон, согласно которому вы живёте. Порядок приходит, только когда вы понимаете весь процесс беспорядка, двигаясь через негативное и приходя к позитивному. Наша жизнь представляет собой беспорядок, то есть противоречие — мы говорим одно, делаем другое и думаем ещё нечто совершенно иное. Это — фрагментарное существование, и в этой фрагментации мы пытаемся найти некий порядок. Мы полагаем, что порядок возникает через дисциплину и контроль. Ум, который контролируется, дисциплинируется в смысле соответствия шаблону, установленному либо самим человеком, либо обществом и определённой культурой, — такой ум несвободен, это — искажённый ум. Поэтому необходимо исследовать проблему беспорядка. И через понимание того, что такое беспорядок, как беспорядок возникает, приходит порядок — как нечто живое.

В чём же сама суть беспорядка? Наша жизнь беспорядочна, разделена; мы живём жизнью, разделённой на различные секции; мы не представляем собой целостной, единой сущности. Основа беспорядка — противоречие, и когда в нас есть противоречие, должно быть и усилие и потому беспорядок. (Это очень просто. Вы, вероятно, не любите простых вещей. Человек способен всё это очень усложнить!) Мы видим, как беспорядочна наша жизнь, как противоречия между различными желаниями, целями, умозаключениями и намерениями борются друг с другом; пропитанные насилием, мы хотели бы жить в мире, оставаясь честными, склонными к соперничеству, мы говорим, что мы любим; будучи эгоцентричными, эгоистичными, ограниченными, мы говорим о всеобщем братстве. Мы притворяемся, и в этом заключается огромное лицемерие.

Поэтому порядок необходим, и само понимание беспорядка устанавливает свою собственную дисциплину, то есть порядок, в котором нет ни подавления, ни подчинения. Надеюсь, ведущий беседу выражается понятно, по крайней мере на уровне слов. Дисциплина означает, что человек учится — не накапливает механическое знание, а изучает ту лишённую порядка жизнь, которую он ведёт, — и поэтому ни в какой момент он не приходит ни к какому выводу, умозаключению. Большинство наших действий основано именно на умозаключениях, идеалах или приближении к идеалу. Поэтому наши поступки всегда противоречивы и поэтому беспорядочны. Это можно очень легко увидеть, И если человек смотрит на это в самом себе, естественным образом приходит порядок, свобода от любого авторитета и тем самым и свобода от страха. Такой человек может сделать ошибку, но он тут же её исправляет.

Как возможно для ума не быть захваченным иллюзией? — ведь вы можете бесконечно долго «медитировать», создавая лишь свои собственные иллюзии. На днях мы встречались с человеком, который медитировал двадцать пять лет, серьёзно, систематически, — он отказался от всего, от положения, денег, семьи, имени, и двадцать пять лет занимался медитацией. К несчастью, кто-то привёл его на одну из бесед, так на следующий день он пришёл на встречу с ведущим беседу и сказал: «Что вы говорили о медитации — сущая правда: я лишь гипнотизировал себя, погрузившись в свои собственные видения, получая своё личное наслаждение от них согласно моей обусловленности». Если человек христианин, у него видения Христа, и тому подобного; если индус, у него свой собственный особый Бог, с которым он общается непосредственно, то есть в соответствии со своей обусловленностью.

Итак, вопрос: как может ум быть полностью свободным от иллюзий? Этот вопрос нужно себе задать очень серьёзно и глубоко. Великое множество людей слушает различных йогов и учителей, которые указывают им, что делать, дают им какой-нибудь лозунг, какую-нибудь мантру, некое слово, должное дать им удивительные переживания, — вы знаете, что ведущий беседу имеет в виду. Слушали ли вы когда-нибудь музыкальный тон настолько полно, что все остальные звуки, кроме этого одного, исчезали? Если ум следует за этим звуком, идёт вместе с ним, вы получаете необычайные результаты. Но это не медитация, это что-то вроде фокуса, который можно произвести над собой, и это ещё одна форма иллюзии.

Употребление наркотиков с целью получения «трансцендентального переживания» тоже может дать, химическим путём, определённые результаты; так же, как если вы серьёзно поститесь, у вас появляется определённая чувствительность, и ум становится более живым, бдительным, острым и ясным; то же самое происходит, когда вы надлежащим образом занимаетесь дыханием. Всё это — различные виды фокусов, порождающие каждый свою собственную иллюзию. Ум цепляется за эти иллюзии, так как они его весьма удовлетворяют; это ваши частные, личные достижения. Но когда весь мир страдает, испытывает мучения, подвергается искажению и разложению, ваше отдельное маленькое видение в маленьком уголке не имеет никакой ценности.

Таким образом, человек может отбросить всё это как незрелое, несерьёзное. Кроме всего прочего, это ведёт к оцепенению, это притупляет ум. Теперь, как уму быть свободным от всякой иллюзии? — с учётом того, что если есть какое-то усилие, какое-то противоречие, должна существовать и иллюзия. Как это состояние противоречия, это смятение, искажение, различные формы социального, религиозного или личного разложения — как всё, что влечёт за собой разнообразные виды заблуждений, иллюзий, может быть полностью отброшено? Это может произойти, только когда ум абсолютно спокоен, ибо любое движение мысли есть движение прошлого. Мысль есть реакция памяти, накопленного опыта, знания, и тому подобного, — это прошлое. И пока это движение существует во всей структуре ума, включающей и рассудок, искажение неизбежно.

Поэтому вопрос такой: как возможно полное отсутствие мысли в медитации? Мысль необходима; чем более мысль логична, трезва, разумна, объективна, лишена эмоций, беспристрастна, тем она более эффективна, действенна. Чтобы действовать в жизни, вы должны использовать мысль. И всё же — ум должен обладать способностью, должен быть полностью свободен от любого рода искажения, чтобы выяснять, что такое истина, что такое святое. Между повседневным функционированием мысли и свободой от мысли должна быть гармония. Это логично; и это не какая-то таинственная личная теория. Чтобы увидеть что-то истинное, открыть новое, воспринять новое, нечто такое, что не было создано или сделано прежде, ум должен быть свободен от известного. Тем не менее мы вынуждены жить в известном. Человек, который пришёл к реактивному двигателю, должен был быть свободным от знания о двигателе внутреннего сгорания. Точно так же, чтобы ум пришёл к чему-то совершенно новому, не должно быть никакой иллюзии, необходимо полное, абсолютное затишье; и не только в движении мысли, но и в действии самих клеток мозга с их памятью.

Это серьёзная проблема, не правда ли? Вы понимаете, как мы живём под властью формул, умозаключений, предубеждений? Мы живём механически, следуя заведённому порядку, зарабатываем себе на жизнь и действуем как заведено, пытаемся достичь положения и престижа. Наша жизнь представляет собой серию актов подчинения; это или подчинение из страха, или

подчинение ради удовольствия. Такой ум не способен наткнуться на что-то новое. Поэтому любой учитель, любой метод и любая система, говорящие:

«Сделайте это, и вы найдёте», говорят вам ложь. Ибо всякий, кто говорит, что знает, — не знает. То, что он знает, — это шаблон, это заведённый порядок, дисциплина, подчинение.

Итак, и ум и мозг и тело, находясь в полной гармонии, должны быть безмолвны — в безмолвии, не вызванным приёмом транквилизаторов или повторением слов, будь то «Аве Мария» или некое слово на санскрите. Повторение притупляет ум — и ум, находящийся в оцепенении, не способен найти истину. Истина — всегда что-то новое, и даже слово «новое» здесь не подходит, правильное сказать «вневременное».

Так что безмолвие необходимо. Это безмолвие — не противоположность шума или прекращение болтовни; оно — не результат контроля, когда мы говорим: «Я должен быть безмолвен», — что опять означает противоречие. Когда вы говорите: «Я должен», — неизбежна некая сущность, которая решает молчать и тем самым практикует что-то такое, что она называет безмолвием; и вот отсюда разделение, противоречие, искажение.

Всё это требует громадной энергии, и следовательно действия. Мы тратим огромное количество энергии на накопление знаний. Знание имеет своё собственное место — вы должны обладать знаниями, и чем их больше, тем лучше. Но когда знание становится механическим, когда знание заставляет ум почувствовать, что большее — уже невозможно, когда мы приходим к выводу, что невозможно измениться — тогда мы не имеем энергии.

Существует идея контроля над сексом — для того, чтобы иметь больше энергии, дающей возможность найти Бога, и для всяких религиозных проявлений, связанных с этим. Подумайте обо всех этих несчастных святых и монахах — через какие мучения они проходят, чтобы найти Бога! Но Богу — если такое и существует — не нужен измученный ум, ум, который разделён на части, искажён или стал тупым и живёт в оцепенении.

Безмолвие ума приходит естественным путём — пожалуйста, прислушайтесь к этому, — оно наступает естественно, легко, без малейшего усилия, если вы знаете, как наблюдать, как смотреть. Когда вы наблюдаете за облаком и смотрите на него без слова, а значит без мысли, смотрите на него без разделения, то есть без присутствия наблюдающего, в самом этом акте есть осознание и внимание — не решимость быть внимательным, но взгляд с вниманием; и даже если этот взгляд продлится только секунду, или минуту, — этого достаточно. Не будьте жадными, не говорите: «Я должен испытывать это целый день». Смотреть без наблюдающего — это смотреть без пространства между наблюдающим и тем, что наблюдается, — что вовсе не означает отождествления себя с тем, на что вы смотрите.

Так что если человек может смотреть на дерево, на облако, на свет на воде без наблюдающего, и — что гораздо труднее и требует гораздо больше внимания — если вы можете смотреть на себя без образа, без вывода (ибо образ, вывод, мнение, суждение, хорошее и плохое — всё это сосредоточено вокруг наблюдающего), тогда вы увидите, что ум, мозг, становится необычайно спокойным. И это спокойствие — не то, что надо культивировать; это может произойти, и это действительно происходит, если вы внимательны и способны наблюдать всё время — наблюдать за своими жестами, словами, чувствами, мимикой лица и всем остальным. Попытка исправлять всё это порождает противоречие, но если вы наблюдаете, само наблюдение вызывает изменение.

Таким образом, безмолвие приходит, когда есть глубочайшее внимание, не только на сознательном уровне, но и на более глубоких уровнях. Сновидения и сон имеют громадное значение; частью медитации является умение бодрствовать во сне, осознавать, сохранять внимание, пока и ум и тело — организм — спящие. (Прошу вас, не принимайте ничего из того, что говорит ведущий беседу, — он не является вашим гуру, вашим учителем или авторитетом. Если вы превращаете его в авторитет, вы разрушаете и себя и его.)

Мы говорили, что медитация — это опустошение ума, и не только сознательного ума, но и глубоко скрытых его уровней, называемых бессознательным. Бессознательное так же банально и нелепо, как и сознательное. И во время сна мы видим множество поверхностных сновидений, о которых даже не стоит думать, — сновидений, не имеющих никакого смысла. Я уверен, вам всем это знакомо, не правда ли? Но случается и сновидение, имеющее смысл, и этот смысл можно понять прямо во время сна. Это возможно, только если в течение дня вы были

внимательны, если наблюдали, прислушивались к каждому движению ваших мыслей, мотивов, чувств и амбиций. Вы не устаёте от наблюдения, оно не утомляет вас, если вы не пытаетесь исправить то, что наблюдаете. Когда вы говорите: «Этого не должно быть» или «Так должно быть», вы устаёте, и вам становится скучно. Но если в течение всего дня вы наблюдаете, не выбирая, осознаёте, не думая о том, нравится вам это или не нравится, тогда, если в ваших сновидениях есть какой-то смысл и поскольку все сны очень активны, в них всегда происходит какое-то действие, это действие становится понятным уже в сам момент сновидения. Поэтому когда вы всё делаете таким образом, ум во сне останется необыкновенно живым, вам не придётся потом идти к толкователю снов. В таком пробуждённом состоянии ум видит нечто такое, чего никогда не может увидеть сознательный ум. Так что безмолвие — это не то, что следует практиковать, — оно приходит, когда вы поняли всю структуру, начало и течение жизни.

Нам необходимо изменить структуру нашего общества, его несправедливость, его ужасную мораль, созданное им разделение между человеком и человеком, войны, и полное отсутствие привязанности и любви, разрушающее мир. Если ваша медитация — только ваше личное дело, что-то, чем вы лично наслаждаетесь, — это не медитация. Медитация предполагает полное радикальное изменение ума и сердца. Это возможно только когда имеет место это необычайное чувство внутреннего безмолвия, и только этим создаётся религиозный ум. Такой ум знает, что священо.

Участник беседы: Как мы можем осуществить эту полную перемену?

Кришнамурти: Сэр, может ли знание произвести полную революцию? Может ли прошлое, то есть знание, вызвать полное изменение качества ума? Или необходима свобода от прошлого, так, чтобы ум пребывал в постоянной революции, в постоянном движении перемен? Центр знания, опыта и памяти — в наблюдающем, не так ли? Пожалуйста, не принимайте это, посмотрите на всё самостоятельно. Цензор, это, есть в каждом, кто говорит «это правильно», «это неправильно», «это хорошо», «это плохо», «я должен» или «я не должен». Наблюдает именно этот цензор. Он — наблюдающий, и он отделяет себя от предмета, который он наблюдает. Цензор, наблюдающий, всегда есть прошлое, а «то, что есть» постоянно меняется, всегда ново. Пока существует разделение между наблюдающим и наблюдаемым, никакая радикальная революция невозможна: всегда будет извращение и разложение. Можно видеть, к чему привела Французская Революция или Революция Коммунистическая, — разложение происходит всегда. Пока существует это разделение, добродетель невозможна. Тогда вы спросите: «Как покончить с этим разделением?» Как может наблюдающий, представляющий собой накапливаемое прошлое в виде знания, прийти к концу? Этого не может произойти, потому что когда вы действуете механически, «наблюдающий» нужен вам. Вам нужно знание, когда вы идёте в контору, на завод или в лабораторию. Но это знание, привязанное к цензору, честолюбивому и жадному, портится; цензор использует его для искажения. Это так просто!

Когда есть осознание этого, наблюдающему приходит конец; это не вопрос времени, конец не приходит постепенно. Мы приучены думать: «Постепенно мы избавимся от наблюдающего, постепенно мы избавимся от насилия». Но тем временем мы лишь сеем семена насилия.

Итак, когда вы видите очень отчётливо, ясно, как «наблюдающий» — будучи «эго», «я», — всё разделяет, всё искажает, в самой этой вспышке восприятия наблюдающего нет.

Участник беседы: Может ли существовать непрерывная гармония в этой жизни?

Кришнамурти: Непрерывная гармония в этой жизни есть противоречие, разве нет? Идея, что она должна быть непрерывно, мешает открытию чего-то нового. Только в окончании заключено новое начало. Поэтому желание непрерывной гармонии — противоречие. Вы гармоничны — точка. Мы — рабы слова «быть». Если что-либо, что вы называете гармонией, становится постоянным — это уже дисгармония. Поэтому, сэр, не желайте ничего постоянного. Вы хотите, чтобы отношения ваши с женой были постоянными, счастливыми, приятными — все эти романтические фантазии. Но так никогда не бывает. Любовь не является чем-то, принадлежащим времени. Итак, давайте не будем жадными. Гармония — не то, что может продолжаться. Продолжаясь, она становится механичной. Но ум, который является гармоничным, «является» таковым, а не «будет» или «был». Ум, который является

гармоничным, — опять же, «является» — неверное слово, — и который осознаёт, что он гармоничен, не задаётся вопросом: «Буду ли я иметь это завтра?»

Участник беседы: Сэр, какое отношение между вещами и словесным содержанием ума?

Кришнамурти: Это очень просто — разве нет? Когда мы понимаем, что слово не есть вещь, описание не есть описываемое, объяснение не есть то, что мы хотим объяснить, тогда ум свободен от слова. Если у человека есть образ самого себя, этот образ сконструирован словами, мыслью — мысль есть слово. Человек видит себя маленьким или большим, умным или гениальным — каким угодно, — и это представление о самом себе, этот образ можно описать. Он и является результатом описания. И этот образ есть творение мысли. Но является ли описание — образ — частью ума? Как связано содержание ума с самим умом? Вопрос такой, сэр? Да, конечно. Если содержание ума — это мебель, книги, слова других людей, ваши предубеждения, ваша обусловленность, ваши страхи, значит это и есть ум. Если ум говорит, что существует душа, Бог, ад, рай, дьявол, всё это является его содержанием. Содержание ума *и есть* ум. Если ум может освободить себя от всего этого, он становится чем-то совершенно другим; тогда ум — нечто новое и потому бессмертное.

Участник беседы: В чём отличительный признак человека, начавшего развивать осознание?

Кришнамурти: Простите, мне хочется пошутить по этому поводу — он не держит красного флага! Взгляните, сэр, прежде всего, как мы уже говорили, это не вопрос развития, это не вопрос медленного роста. Требуется ли время, чтобы понять что-то? Каково состояние ума, говорящего: «Я понял», — но не на уровне слов, а в полном смысле? Когда он говорит это? Ум говорит это, когда он на самом деле абсолютно внимателен к тому предмету, на который он смотрит. Будучи внимательным в данный момент, он всё понял полностью, и это не вопрос времени.

Участник беседы: Всюду так много страдания; испытывая сострадание, как может человек жить спокойно?

Кришнамурти: Вы полагаете, что вы отличаетесь от мира? Разве вы — не этот мир? — мир, который вы создали своим честолюбием, своей жадностью, своими соображениями экономической безопасности, своими войнами, — вы создали его. Убийство животных ради употребления их в пищу, деньги на военные расходы, отсутствие правильного образования — вы построили этот мир; он часть вас. Поэтому вы — это мир, а мир — это вы. Между вами и миром нет разделения. Вы спрашиваете: «Как же я могу обрести покой, когда мир страдает?» Как вы можете обрести покой, когда вы сами страдаете? Таким должен быть вопрос, так как вы и есть мир. Можете проехать по всему миру, поговорить с людьми, и будь они умными, знаменитыми или неграмотными, все они переживают ужасные времена — как и вы. Так что это не вопрос: «Как обрести покой, когда мир страдает?» Вы страдаете, следовательно, мир страдает; поэтому покончите со своим страданием, если знаете как. Страдание, с его жалостью к себе, прекращается только при самопознании. Вы спросите: «Что может сделать один человек, освободившись от своей печали? Какую ценность имеет такой человек для мира?» Этот вопрос не имеет смысла. Если вы освободились от скорби — вы знаете, что это значит? — и спрашиваете: «Какую ценность имеет этот человек в страдающем мире?» — это неправильный вопрос.

Участник беседы: Что такое безумие?

Кришнамурти: О, это достаточно просто, ясно. Большинство из нас — невротики, не правда ли? В большинстве своём мы немного неуравновешены, большинство из нас имеет свои особые идеи, особые верования. Однажды мы разговаривали с одним очень набожным католиком, и он сказал: «Вы, индусы, самый суеверный и фанатичный и нервный народ; вы верите в такое большое количество ненормальных вещей». Он абсолютно не осознавал своей собственной ненормальности — своих собственных верований, своих собственных глупостей. Так кто же уравновешен? Очевидно, что это человек, не испытывающий страха, кто целостен. Целостный — значит разумный, здоровый и праведный. Но мы не таковы; мы — раздробленные человеческие существа, и потому мы неуравновешены. Равновесие есть только когда мы абсолютно целостны. Это означает здоровье, здравость, ясный ум, в котором нет предубеждений, в котором есть добродетель. [Аплодисменты.] Пожалуйста, не хлопайте. Ваши

аплодисменты не имеют для меня никакого значения — я говорю серьёзно. Если вы поняли всё это, потому что вы сами это увидели, никакой необходимости аплодировать нет — это ваше. Просветление не приходит через другого — оно приходит через ваше собственное наблюдение, ваше собственное понимание себя.

Лондон, 30 мая 1970

Часть четвёртая

НЕОБУСЛОВЛЕННЫЙ УМ

«Ум, занятый приобретением знания как способом достижения свободы, не получает этой свободы».

Если вы вообще серьёзны, вопрос о том, можно ли избавить ум от обусловленности, должен стать одним из самых основных. Мы наблюдаем, что человек, живущий в различных частях земного шара, с разными культурами и системами общественной морали, очень глубоко обусловлен; он мыслит по определённой колее, действует и работает согласно шаблону. Он связан с настоящим через события прошлого. И ему удалось достичь колоссального знания; он обладает опытом нескольких миллионов лет. Всё это обусловило его — образование, культура, общественная мораль, пропаганда, религия, — и на это у него выработалась своя собственная особая реакция, отклик ещё одной формы обусловленности.

Нужно быть достаточно внимательным, чтобы увидеть всё значение этой обусловленности, как она разделяет людей, на нации, на религии, социально и лингвистически. Эти деления — огромное препятствие, они порождают конфликт и насилие. Если человек хочет жить в абсолютном мире, творчески — мы поговорим о словах мир, «творчески» чуть позже, — если он действительно хочет так жить, он должен понять эту обусловленность, являющуюся не только периферийной или поверхностной, но также и очень глубокой, скрытой. Нужно выяснить, можно ли открыть всю структуру этой обусловленности. И когда она раскрыта, что делать, чтобы выйти за её пределы?

Если человек видит, что он обусловлен, и говорит: «Избавить ум от обусловленности невозможно», — то проблемы больше не существует. Если вы начинаете с утверждения, что человек никогда не освободится от обусловленности, всё исследование прекращается, вы уже воспротивились этой проблеме, отбросили её, среагировали на неё, на этом она заканчивается; вам остаётся только продолжать обусловленность украшать. Но если человек вник в эту проблему достаточно глубоко, осознал её целиком, что ему делать дальше? Как реагировать, если это очень, очень серьёзный вызов, который нельзя просто отбросить в сторону? Если это — что-то жизненно важное и имеющее огромное значение для нашей жизни, какова должна быть реакция?

Если вы открыли эту обусловленность, каким образом вы это сделали? Вы наблюдали её сами или кто-то сказал вам о ней? Это действительно довольно важный вопрос, на который нужно ответить. Если вам сказали об этом, и вы отвечаете: «Да, я обусловлен», — вы просто откликаетесь на внушение; это не реальность, а лишь словесная концепция, которую вы принимаете, с которой соглашаетесь; это совершенно отлично от самостоятельного открытия, ибо в последнем случае проблема является жизненно важной, и у вас есть страстное стремление найти выход из этого.

Открыли ли вы свою обусловленность благодаря тому, что вы исследовали, искали и всматривались? Если это так, «кто» обнаружил её? — наблюдающий, исследующий, анализирующий? — «кто» наблюдает, исследует, анализирует весь хаос и безумие, вызываемое обусловленностью в этом мире? «Кто» через наблюдение раскрыл структуру этой обусловленности и её результаты? Наблюдая то, что происходит, внутри и снаружи, — конфликты, войны, страдания, смятение в себе и во внешнем мире (внешний мир — часть того, что представляет собой человек) — наблюдая это очень внимательно (ведь так происходит во

всём мире), я обнаружил, что я обусловлен, и увидел последствия этой обусловленности. И так, существует «наблюдающий», который обнаружил, что он обусловлен, и возникает вопрос: отличается ли «наблюдающий» от того, что он наблюдает и что он открыл, отделено ли это «что-то» от него самого? Если есть отдельность, есть разделение и, следовательно, конфликт по поводу того, как преодолеть эту обусловленность, как освободить себя от неё, что с этим делать, и тому подобное. Необходимо понять, действительно ли существуют две отдельные вещи, два отдельных движения — «наблюдающий» и «наблюдаемое». Разделены ли они? Или же наблюдающий и есть наблюдаемое? Чрезвычайно важно выяснить это самому, и если это сделано, все мышление человека полностью изменяется. Это самое радикальное открытие, в результате которого структура морали, сохранение знания приобретают для человека совершенно иное значение. Выясните, открываете ли вы это для себя сами; либо вы принимаете как факт то, что вам сказали, либо вы обнаруживаете всё это самостоятельно, без какого-либо внешнего вмешательства, говорящего вам: «Это так». Если это ваше собственное открытие, оно высвобождает огромную энергию, прежде растрчиваемую в разделении «наблюдающего» и наблюдаемого.

Сохранение знания (психологическая обусловленность) в действии — пустая трата энергии. Знание накоплено наблюдающим, он использует его в своих действиях, но это знание отделено от действия; следовательно, здесь имеется конфликт. И сущность, содержащая это знание — которое является, по сути дела, её обусловленностью, — и есть «наблюдающий». Человек должен открыть для себя эту основную первопричину сам; это — *первооснова*, *первопричина*, не что-то зафиксированное; это реальность, которую никогда нельзя будет снова подвергнуть сомнению.

Что происходит с умом, открывшим эту истину, этот простой факт, что «наблюдающий» есть наблюдаемое, с психологической точки зрения? Если это открытие сделано — что происходит с качеством ума, который так долго был обусловлен своими концепциями «Высшей Сущности» или «Души» как чего-то отдельного от тела? Если это открытие не открывает дверь к свободе, оно не имеет смысла; это всего лишь ещё одна интеллектуальная точка зрения, которая никуда не ведёт. Но если это подлинное открытие, подлинная реальность, должна быть свобода — которая не означает свободу делать всё, что вам хочется, или свободу осуществлять, становиться, решать, свободу думать что угодно и действовать как вам заблагорассудится.

Выбирает ли свободный ум? Выбор предполагает принятие того или иного решения; незачем вообще нужен выбор? (Пожалуйста, господа, это не просто словесные утверждения; мы должны войти в это, мы должны ежедневно жить в этом, и тогда мы увидим всю красоту, действенность, всю страсть и силу этого.) Выбор предполагает решение; решение — это действие воли; кто та сущность, что направляет волю на выполнение того или иного действия? Пожалуйста, следите внимательно за тем, что говорится. Если «наблюдающий» является наблюдаемым, зачем вообще нужно решение? Если есть какая-нибудь форма решения (психологически), зависящего от выбора, это говорит о том, что ум пребывает в смятении. Ум, видящий очень отчётливо, не выбирает, остаётся только действие — недостаток ясности возникает только при наличии разделения между «наблюдающим» и наблюдаемым.

Участник беседы: Но с практической точки зрения этот выбор и это разделение не могут не существовать — разве не так?

Кришнамурти: Я выбираю между коричневой и красной тканью — это само собой разумеется. Но я говорю с точки зрения психологии.

Если человек понимает последствия выбора, последствия разделения и решения, выбор превращается в нечто незначительное. Например, я нахожусь в смятении; в этом мире меня воспитали католиком или индусом; я не удовлетворён и перескакиваю в другую религиозную организацию, которую я «выбрал». Но если я исследовал всю обусловленность конкретной религиозной культуры, я понимаю, что это пропаганда, ряд актов принятия верований, возникающих из-за страха, из-за потребности быть защищённым — психологически; поскольку внутренне человек неполон, жалок, несчастлив и неуверен, он возлагает надежду на что-то, способное предложить безопасность, определённую. И поэтому когда какая-то конкретная религия, которую я исповедую, меня не удовлетворяет, я обращаюсь к другой религии, надеясь найти эту безопасность там; но это то же самое лишь под другим названием, называется ли оно

«Х» или «У». Когда уму всё это ясно, он понимает всю ситуацию целиком и не нуждается в выборе; тогда прекращаются все действия, осуществляемые с помощью «воли». «Воля» предполагает сопротивление и является формой изоляции; ум, который изолирован, не является свободным умом.

Ум, занятый приобретением знания как способом достижения свободы, не получает этой свободы. Почему знание приобрело в жизни такое огромное значение? — знание, представляющее собой накопленный научный, психологический и прочий опыт других людей, вместе с знанием, приобретённым самим человеком наблюдением и изучением. Каково место знания в отношении свободы? Знание всегда от прошлого; когда вы говорите «я знаю», подразумевается, что вы *уже знали*. Знание любого рода, научное, личное, коллективное, какое-либо другое, всегда относится к прошлому; и если ум человека — это результат прошлого, может ли он вообще быть свободным?

Участник беседы: А как же самопознание?

Кришнамурти: Прежде всего, посмотрите, как ум накапливает знания, и почему он это делает; посмотрите, где знание необходимо, а где оно становится препятствием к свободе. Несомненно, чтобы что-то сделать, человек должен иметь знания — чтобы водить машину, разговаривать на иностранном языке, выполнять специальную, техническую работу — у вас должно быть множество знаний, и чем более они эффективны, чем более объективны, безличны и беспристрастны, тем лучше, — но мы говорим о том знании, что обуславливает человека, психологически.

«Наблюдающий» — это хранилище знаний. Поэтому наблюдающий относится к прошлому, это цензор, сущность, которая судит, опираясь на накопленные знания. Он делает это и в отношении самого себя. Получив с помощью психологов знание о себе, он полагает, что он изучил себя — и с этим знанием смотрит на себя. Он не смотрит на себя свежим взглядом. Он говорит: «Я знаю, я видел себя, и кое-что во мне удивительно хорошо, но кое-что совсем ужасно». Он уже вынес суждение и никогда не откроет в себе ничего нового, потому что он, «наблюдающий», отделён от того, что он наблюдает, что называет собой. Это то, что мы постоянно делаем, во всех отношениях. Отношения с другим человеком или отношения с машиной всегда основаны на желании найти положение, в котором можно существовать в полной безопасности, определённости. И мы ищем безопасности в знании; хранителем же этого знания всегда является «наблюдающий», мыслящий, переживающий, цензор, всегда отличающийся от объекта наблюдения.

Разумность — не в накоплении знания. Накопленное знание статично — что-то может прибавляться, но основа всегда статична. Из этого статичного накопления человек живёт, действует, рисует, пишет, творит всё зло в мире — и он называет это свободой. Итак, может ли ум быть свободным от знания, от известного? Это на самом деле очень важный вопрос, если задавать его не просто на уровне интеллекта, а действительно очень, очень глубоко: может ли ум вообще быть свободным от известного? Иначе нет никакого творчества; ничего нового под солнцем тогда нет; остаётся лишь переделывание переделанного.

Человеку следует понять, почему существует это разделение между «наблюдающим» и наблюдаемым; и может ли ум выйти за пределы этого разделения — так, чтобы, будучи свободным от известного, функционировать всецело в другом измерении? — это означало бы, что разумность будет использовать знание, когда необходимо, и в то же время оставаться свободной от знания.

Разумность подразумевает свободу; свобода подразумевает прекращение всякого конфликта; разумность появляется, а конфликт кончается, когда «наблюдающий» есть наблюдаемое, так как тогда нет разделения. В конце концов, когда всё это имеет место, есть и любовь. Это слово, столь ужасно перегруженное, человек не решается использовать; любовь ассоциируется с удовольствием, сексом, страхом, ревностью, зависимостью и собственничеством. Ум не свободный не знает смысла любви; он может знать удовольствие и, как следствие, страх, но это конечно не любовь.

Любовь появляется только тогда, когда есть настоящая свобода от прошлого в виде знания. Возможно ли это когда-нибудь? Человек использовал различные пути, стремясь освободиться от преходящего характера знания. Он всегда пытался найти что-то выходящее за

пределы знания, за пределы реакции мысли; поэтому он создал образ, называемый Богом. Все нелепости, которые возникли вокруг этого! Но чтобы выяснить, существует ли что-нибудь выше образов мысли, необходима свобода от всех страхов.

Участник беседы: Проводите ли вы различие между мозгом, несущим интеллект, и умом; умом, олицетворяющим собой нечто другое, например, осознание?

Кришнамурти: Нет, мы используем слово ум, имея в виду весь процесс мысли, как память, как знание, включая клетки мозга.

Участник беседы: И клетки мозга?

Кришнамурти: Несомненно. Невозможно отделить клетки мозга от всего остального ума, не правда ли? Мозг — в чём заключается функция мозга? Это компьютер?

Участник беседы: Да, думаю, что так.

Кришнамурти: Самый удивительный компьютер, который конструировался тысячи лет; это результат тысяч лет опыта человека, стремившегося выжить и обеспечить свою безопасность. У человека так много знаний обо всём, что происходит во внешнем мире, но очень мало знаний о самом себе.

Участник беседы: Разве творчество не может зависеть от памяти, а потому зависеть и от прошлого? Вы сказали ранее, что, фактически, под солнцем нет ничего нового.

Кришнамурти: «Под солнцем нет ничего нового» — так, по крайней мере, говорит Библия, Екклесиаст. Но не смешиваем ли мы творчество с выражением — и нуждается ли творческая личность в выражении? Подумайте об этом: «Мне необходимо реализовать себя в чём-то, что требует выражения», «У меня есть чувство, что я художник, и я должен рисовать, или писать стихи».

Нуждается ли вообще творчество в выражении? И свидетельствует ли самовыражение художника об уме, свободном в творчестве? Понимаете? Человек пишет стихотворение или рисует картину — означает ли это творческий ум? Что такое творчество? По крайней мере, это не механическое повторение прошлого!

Участник беседы: Я считаю, что творчество нуждается в выражении, иначе не было бы мира.

Кришнамурти: Творчество нуждается в выражении? Что значит творчество? Что чувствует ум, который является творческим?

Участник беседы: Когда ум в состоянии вдохновения; когда ум может создать что-то доброе и прекрасное.

Кришнамурти: Нуждается ли творческий ум во вдохновении?

Не должен ли ум быть свободным, чтобы быть творческим, — свободным? В противном случае он повторяется. В этом повторении могут быть и новые выражения, но ум по-прежнему остаётся повторяющим, механичным; может ли быть творческим ум, который механичен? Ум человека в конфликте, в напряжённости, ум невротичный, даже если этот ум создаёт замечательные стихи, прекрасные пьесы, может он быть творческим?

Участник беседы: Он должен быть «в настоящем», а не...

Кришнамурти: Что значит — быть «в настоящем»? Он не может быть механичным. Не может быть отягощён всем грузом знания, всем грузом традиции. Это означает ум, который подлинно, глубоко свободен — свободен от страха. Это ведь свобода, не правда ли?

Участник беседы: Но несомненно, что ум по-прежнему должен искать безопасности — в этом заключается функция мозга.

Кришнамурти: Конечно, это функция мозга — искать безопасности. Но безопасность ли это, когда он обуславливает себя принадлежностью к определённой национальности или религиозной вере, когда он говорит, что это моё, а это ваше, и тому подобное?

Участник беседы: Мне кажется, без противоположностей нет роста. Это раздел неврологии.

Кришнамурти: Так ли?

Участник беседы: Без высокого не бывает низкого, без широкого не бывает узкого.

Кришнамурти: Давайте посмотрим. Мы жили таким образом, между хорошим и плохим, между ненавистью, ревностью и любовью, между нежностью и жестокостью, между насилием и добротой, миллионы лет. И мы говорим, что приняли это, потому что такова реальность;

такова ли она, чтобы жить так? Ум, который колеблется между ненавистью, ревностью, удовольствием, страхом, может ли он знать, что такое любовь? Способен ли быть творческим ум, который постоянно ищет выражения, реализации, стремится получить известность и признание — то, что мы называем «стать», «быть», и что есть часть общественной структуры, часть нашей обусловленности? Когда ум озабочен всё время только тем, чтобы кем-то стать, когда поклоняется глаголу «быть», говоря: «Я буду» и «Я был», — существует страх смерти, страх перед неизвестным, поэтому ум начинает цепляться за известное. Может ли такой ум быть творческим? Может ли творчество быть результатом давления, сопротивления, напряжения?

Участник беседы: Творчество — это радость, воображение.

Кришнамурти: Вы знаете, что такое радость? Радость — это удовольствие, наслаждение?

Участник беседы: Нет.

Кришнамурти: Вы говорите «нет», но это то, что вы ищете, не так ли? Вы можете пережить момент величайшего экстаза, величайшей радости — и пережив, вы думаете об этом. Мысль об этом низводит радость до удовольствия. Мы все так легко приходим к выводам, но ум, который пришёл к выводу, не является свободным умом. Выясните, можно ли жить без выводов; попробуйте ежедневно жить жизнью без сравнений. Вы делаете выводы, потому что вы сравниваете. Так живите жизнью без сравнения; сделайте это, и вы увидите, как происходит нечто необычайное.

Участник беседы: Если существует просто переживание, и это переживание — страх или гнев, что происходит?

Кришнамурти: Если человек живёт только в переживании, без того, чтобы это переживание было зарегистрировано и признано в будущем в качестве опыта, — что происходит? Думаю, нам сначала нужно выяснить, что имеется в виду под словом переживание. Не значит ли это «пройти через что-то»? И не предполагается ли этим узнавание, иначе человек не знал бы, что у него было переживание? Если бы я не узнал переживание, было бы оно пережито?

Участник беседы: Разве просто переживание существовать не может?

Кришнамурти: Продвинемся немножко дальше. Зачем нам вообще нужно переживание? Мы все хотим переживаний; жить нам скучно; жизнь мы превратили в механическое существование и поэтому хотим более широких, глубоких, трансцендентальных переживаний. Поэтому возникает бегство от этой скуки, через медитацию, в так называемое божественное. Переживание подразумевает узнавание того, что произошло; узнать вы можете, только если имеется воспоминание о том, что уже случилось. Итак, вопрос: почему мы вообще ищем переживаний? Чтобы пробудить себя, потому что мы спим? Не вызов ли это, на который мы отвечаем, опираясь на имеющийся у нас прошлый опыт, то есть на известное?

Итак, возможна ли жизнь, в которой ум столь чист, бдителен, и настолько является светом для самого себя, что ему не нужно переживаний? Для этого нужно жить без конфликтов, нужен очень чувствительный и разумный ум, не испытывающий потребностей ни в чём, что бросало бы ему вызов, что пробуждало бы его.

Броквуд Парк, 12 сентября 1970

ФРАГМЕНТАЦИЯ И ЕДИНСТВО

«Для безмолвия ума, его абсолютного покоя, требуется огромная дисциплина; ум тогда имеет религиозное качество единства; из этого может исходить действие, в котором нет противоречия».

Одна из наиболее важных проблем — проблема установления полного единства, чего-то, выходящего за пределы фрагментарной эгоцентрической заботы о собственном «я» на каком бы то ни было уровне — социальном, экономическом, религиозном. «Я» и «не-я», «мы» и «они» — это факторы разделения.

Можно ли вообще когда-либо выйти за пределы проявлений эгоцентрической озабоченности? Если что-то «возможно», появляется громадный запас энергии, тогда как чувство невозможности приводит только к напрасному её расходованию, в результате чего человек — большинство из нас — лишь пассивно перемещается от ловушки к ловушке. Как же это возможно? — с учётом того, что в человеке очень много животной агрессии и насилия, склонности к глупой и вредной деятельности; с учётом того, как сильно привязан он к различным верованиям, догмам, отдельным обособляющим теориям, и как восставая против одной конкретной системы или установленного порядка, он неизменно попадает в другую.

Итак, осознавая ситуацию человека такой, как она есть, — что делать? Я думаю, что этот вопрос неизбежно должен задавать себе любой чувствительный, чуткий, осознающий происходящее вокруг человек. Это не просто интеллектуальный или гипотетический вопрос; это проблема, возникающая из реальности жизни. Она волнует нас не в какие-то отдельные редкие моменты; годами, ночью и днём, стоит она перед нами, и она будет стоять до тех пор, пока человек не начнёт жить полностью гармоничной жизнью — жизнью без конфликта с самим собой и с миром.

Конфликт, как мы видим, возникает из эгоистического интереса, придающего такое большое значение потребностям, делающего их столь важными. Как же человеку вырваться за пределы этого ограниченного, фальшивого, мелкого «эго»? (Именно «эго», хотя можно называть это душой, Атманом — такие приятно звучащие слова, которые изобретены для того, чтобы прикрывать разложение.) Как человеку выйти за эти пределы?

Будучи неспособными к внутренним изменениям, психологически, мы обращаемся к внешнему фактору — измените среду, социальную и экономическую структуру, и человек также обязательно изменится! Полная несостоятельность этого уже доказана, хотя коммунисты и продолжают настаивать на этой теории. И религиозные авторитеты говорят: веруйте, признавайте, отдайте себя в руки чего-то внешнего и более совершенного, чем вы сами. Это также утратило свою жизненность, потому что это не реальность, это просто интеллектуальное изобретение, словесная структура, не имеющая вовсе никакой глубины. Отождествление себя с нацией — это тоже приносит ужасные войны, страдание, смятение, всё увеличивающееся разделение. Учитывая всё это, что остаётся человеку? Убежать в какой-нибудь монастырь, изучать дзен-медитацию, принять некую философскую теорию и посвятить себя ей, заниматься медитацией, используя её как способ побега или самогипноза?

Человек видит всё это — действительно, не на уровне слов или интеллекта — и видит, что это ведёт в никуда; не отбросит ли человек неизбежно всё это в сторону, не отвергнет ли он всё это полностью, целиком? Человек видит абсурдность всех форм отождествления себя с чем-то большим и ожидания, что окружающая среда будет формировать его; он видит ложность всего этого, видит поверхностность верований, возвышенных и низменных; так почему бы человеку на самом деле, не теоретически, не отбросить всё это в сторону? Если он это сделает — что достаточно трудно, ибо предполагает наличие ума, способного видеть вещи полностью, такими, каковы они есть, без искажений, без толкования согласно вашим симпатиям или антипатиям, — что тогда происходит с качеством ума? Не имеет ли место немедленное действие? — действие, которое и есть разумность; видение опасности и действие; разумность, в которой нет разделения между видением и действием. В самом же восприятии содержится действие. Когда человек не действует, появляется безумие, неустойчивость; и тогда мы говорим: «Я не могу сделать это, это слишком трудно, что мне делать?» Когда существует концепция, определяющая действие, психологически, возникает разделение и неизбежный конфликт. Этот конфликт между идеей и действием — главный фактор смятения в жизни. Нет ли возможности действовать без идейного обоснования? — то есть когда видение и действие происходят одновременно; ведь когда возникает серьёзная физическая опасность, кризис, мы это и делаем, мы действуем мгновенно.

Возможно ли жить подобным образом? Другими словами, возможно ли видеть опасность, скажем, национализма или религиозных верований, разделяющую людей, восстанавливающую человека против человека, настолько ясно, что само это видение является пониманием ложности увиденного? — и это не вопрос веры в ложность этого. Вера не имеет ничего общего с восприятием — наоборот, вера препятствует восприятию; если у вас есть формула, традиция

или предубеждение, если вы индус, еврей, араб, или же коммунист, и прочее, тогда само это разделение порождает антагонизм, вражду, ненависть и насилие, и вы уже не способны видеть действительность. При любом разделении между концепцией и действием обязательно должен существовать конфликт; этот конфликт невротичен, ненормален. Может ли ум видеть непосредственно, видеть так, чтобы в самом видении было заложено действие? Это требует внимания, бдительности, быстроты ума, чувствительности.

Человек видит это — видит, что необходимо чистое, острое, чувствительное, разумное осознание, — и тогда он спрашивает: «Как мне достичь этого осознания, как поймать его?» — в самом этом вопросе уже имеется разделение. Тогда же, когда вы видите реальный факт того, что происходит, само ваше видение означает действие — я надеюсь, что это ясно.

Любая форма конфликта, внутреннего или внешнего — хотя реально не существует разделения на внутреннее и внешнее — есть искажение. Не думаю, что человек осознаёт это достаточно отчётливо. Он ведь так привык к конфликтам и к борьбе; ему даже кажется, что без конфликта он не растёт, не развивается, не творит, не функционирует должным образом. Человек желает сопротивления, даже не видя истинного смысла сопротивления, то есть разделения. Итак, может ли ум действовать без сопротивления, без конфликта, может ли он увидеть, что любая форма разногласия, любая форма сопротивления подразумевает разделение, порождающее невротичное, конфликтное состояние?

Когда имеет место восприятие и действие без идеи, деятельности центра, «я», «эго», «либидо» (каким бы словом ни определять то, что внутри), «наблюдающего», цензора, контролёра, мыслящего, переживающего, и прочего, приходит конец. Центр всякого психологического создания идей — это «я» (не практическое и научное знание, и прочее). Когда есть какой-то вызов, реакция «я» как центра есть реакция прошлого. Тогда как при мгновенном видении и мгновенном действии «я» вообще не вмешивается.

Центр — это индус, араб, еврей, христианин, коммунист, и прочее; когда этот центр откликается, это отклик его прошлой обусловленности, результат тысяч лет пропаганды, и религиозной и социальной; и когда он откликается, конфликт неизбежен.

Когда человек видит что-либо очень отчётливо и действует, разделения нет. Он не учится этому из книг — научиться этому можно только через самопознание, только непосредственно, не из вторых рук.

Способен ли человек, осознавая преходящий характер всего сущего, найти что-то, не относящееся к времени? Мозг является продуктом времени; он обуславливается уже тысячи лет. Мысль его — это реакция памяти, знания, опыта; эта мысль никогда не сможет найти ничего нового, потому что мысль исходит из этой обусловленности, мысль всегда стара, всегда несвободна. Всё, что производит мысль, — внутри поля времени; мысль может придумать Бога, может представить себе состояние вне времени, изобрести рай, но всё это по-прежнему останется её собственным продуктом, следовательно, будет принадлежать времени, прошлому — будет нереальным.

Поэтому человек, как это можно наблюдать, осознавая природу времени — психологического времени, в котором мысль приобрела такое огромное значение, — всегда искал чего-то за пределами. Он пускается на поиски этого; он попадает в ловушку веры; из-за страха он придумывает чудесное божество. Он может пытаться найти его с помощью системы медитации, повторяющихся занятий, что может сделать ум в какой-то мере спокойным и тупым. Он может бесконечно повторять различные мантры. При таком повторении ум становится механическим, несколько цепенеет; он может улетать в нечто мистическое, сверхъестественное, трансцендентальное или ещё во что-то, что он сам придумал. Это совсем не медитация.

Медитация предполагает ум, который удивительно ясен, — настолько ясен, чист, что любой форме самообмана приходит конец. Человек может обманывать самого себя до бесконечности; и обычно медитация, так называемая медитация, есть форма самогипноза — получение видений, соответствующих его обусловленности. Это так просто: если вы христианин, вы будете видеть своего Христа; если вы индус, вы увидите Кришну или любого из своих бесчисленных богов. Но медитация не имеет с этим ничего общего: она есть абсолютное безмолвие ума, абсолютное спокойствие мозга. Основа медитации должна быть заложена в

повседневной жизни, в том, как человек ведёт себя, в том, что он думает. Нельзя быть насильственным в своих проявлениях и медитировать; это бессмысленно. Если есть какой-либо психологический страх, тогда медитация — это явное бегство. Для безмолвия ума, его абсолютного покоя, требуется огромная дисциплина; не дисциплина подавления, подчинения, следования какому-либо авторитету, а та дисциплина, которая является изучением каждого движения мысли и присутствует на протяжении всего дня; ум тогда имеет религиозное качество единства; из этого может исходить действие, в котором нет противоречия.

И ещё: какую роль во всём этом играют сны? Ум никогда не спокоен; его непрерывная деятельность в течение дня продолжается и во сне. Заботы, тяжёлый труд, смятение, тревоги, страхи и удовольствия не покидают человека, даже когда он спит; они находят в снах своё ещё более сильное символическое воплощение. Так может ли ум быть совершенно спокойным во время сна? Это возможно, но только когда в течение дня вы каждую минуту настолько хорошо осознаёте свои тягости, что они кончаются, не переносятся дальше. Если вас обидели или похвалили, покончите с этим в тот момент, когда это происходит, чтобы ум всё время оставался свободен от проблем. И тогда во время сна ум обретает совсем иное качество, он пребывает в полном покое, человек не тянет дальше свои дневные дела, а завершает их каждый день.

Если человек прошёл через всё это, он понимает, что медитация — такое качество ума, которое полностью свободно от знания, — но такой ум использует знание; поскольку ум свободен от «известного», он может использовать «известное»; и когда ум использует известное, он остаётся здоровым и объективным, беспристрастным и не догматичным.

Происходит так, что в безмолвии ума возникает качество, не относящееся к времени. Но как мы уже говорили, объяснение, описание не является тем, что объясняется, описывается. Большинство из нас удовлетворяется объяснениями или описаниями; необходимо быть свободным от слова, ибо слово — не предмет или факт. Когда человек живёт именно так, жизнь приобретает совершенно иную красоту; тогда в ней есть величайшая любовь, не являющаяся удовольствием, или желанием; ибо удовольствие и желание связаны с мыслью, а любовь — не продукт мысли.

Участник беседы: При наблюдении за собой я вижу очень быстрое движение мысли и чувства, и я не в состоянии проследить ни одной мысли до её завершения.

Кришнамурти: Всегда существует цепь сменяющих друг друга событий. Что вам делать? Когда вы наблюдаете и пытаетесь понять одну мысль и проследить её до самого конца, появляется следующая; и так происходит всё время. В этом ваша проблема: наблюдая, вы умножаете количество мыслей и не можете довести ни одну из них до конца. Что же вам делать? Задайте вопрос иначе: почему ум так безостановочно болтает? Почему продолжается этот разговор с самим собой? Что происходит, если он прекращается? Не является ли болтовня результатом желания быть всё время чем-то занятым? Что происходит, если вы не заняты? Если вы домохозяйка, вы заняты содержанием дома, если бизнесмен, вы заняты своим бизнесом — занятость стала манией. Почему ум требует этой занятости, этой болтовни? Что происходит, если он не болтает, если он не занят? Нет ли за всем этим страха? И страха чего?

Участник беседы: Страх быть ничем?

Кришнамурти: Страх быть пустым, быть одиноким, страха осознать весь этот беспорядок в себе; поэтому ум должен быть чем-то занят, как монах, занятый своим спасителем и молитвами; как только он останавливается, он тут же становится похожим на всех остальных, и возникает страх. Поэтому вы хотите быть занятым — и это означает страх перед возможностью понять, чем вы являетесь. Пока вы не решите эту проблему страха, вы будете продолжать болтать.

Участник беседы: Когда я наблюдаю за собой, страх усиливается.

Кришнамурти: Естественно. Поэтому вопрос таков: не как остановить усиление страха, а скорее — может ли страх исчезнуть?

Что такое страх? Вы можете не чувствовать страха, пока сидите здесь, поэтому, возможно, не сумеете взять его и исследовать и учиться на этом прямо сейчас. Но вы можете ощутить прямо сейчас, что находитесь в зависимости, не так ли?

Вы зависите от своего друга, от своей книги, от своих идей и от своего мужа — психологическая зависимость постоянно присутствует. Почему вы зависите? Не потому ли, что

это даёт комфорт, чувство безопасности и благополучия, общение? Когда эта зависимость обманывает ожидания, вы начинаете ревновать, гневаться, и всё, что за этим следует. Или вы пытаетесь культивировать свободу от зависимости, пытаетесь стать независимым. Почему ум всё это делает? Не потому ли, что сам по себе он пуст, неповоротлив, глуп, поверхностен, а зависимость позволяет ему ощущать себя чем-то большим?

Ум болтает, потому что он должен быть занят тем или иным; эта занятость варьирует от самой возвышенной занятости «религиозного» человека до самой низменной занятости солдата, и прочее. Очевидно, что ум всё время занят потому, что в противном случае он может обнаружить нечто, перед чем испытывает глубокий страх, нечто, с чем он может не суметь справиться.

Что такое страх? — не связан ли он с чем-то, что я сделал в прошлом, или с чем-то, что, по моему представлению, может случиться в будущем? — неприятность прошлая и неприятность будущая; прошлая болезнь и будущее возвращение этой боли. Ведь именно мысль создаёт этот страх; мысль порождает и возвращает страх, так же, как она поддерживает и питает удовольствие. Тогда может ли мысль прекратиться? Может ли она прийти к концу и не продлевать более страха или удовольствия? Мы хотим удовольствия, мы хотим его продолжения, но страх — позвольте нам от него избавиться. Но мы никогда не замечаем, что страх и удовольствие идут вместе.

Ответственен за это механизм мышления — именно он и продлевает и удовольствие и страх. Может ли этот механизм остановиться? Наблюдая за необычайно красивым закатом, смотрите на него; не определяйте его с помощью мысли, говоря: «Мне следует сохранить это в памяти, или увидеть его вновь». Увидеть закат и таким образом покончить с ним — в этом заключается действие. Большинство из нас живёт в бездействии — отсюда и бесконечная болтовня.

Участник беседы: Но когда эта болтовня продолжается, вы её просто наблюдаете?

Кришнамурти: Иначе говоря, осознавайте эту болтовню — без выбора. Что означает: не старайтесь подавить её, не говорите «это неправильно», «это правильно», «я должен выбраться из этого». И наблюдая болтовню, вы откроете, почему она продолжается. Когда вы узнаете о ней всё — она заканчивается, никакого сопротивления болтовне нет. Путём отрицания вы имеете положительное действие.

Броквуд Парк, 13 сентября 1970

Часть пятая

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

«Осознавая эту величайшую раздробленность — как внутреннюю, так и внешнюю, — остаётся лишь признать, что человек должен осуществить в себе полную, глубочайшую революцию».

Жизнь — это серьёзно; человек должен отдавать ей свой ум и своё сердце полностью; с жизнью нельзя играть. Существует так много проблем; так много смятения в мире; налицо разложение общества, различные религиозные и политические противоречия. Существует великая несправедливость, печаль и нищета — и не только внешняя, но и внутренняя. Любой серьёзный человек — достаточно разумный, не просто сентиментально эмоциональный, — видя всё это, понимает необходимость перемены.

Изменение — это либо полная психологическая революция в природе всего человеческого существа, либо это просто попытка реформации, улучшения общественного строя. Действительный перелом в жизни человека, вас и меня, определяется тем, можно ли осуществить такую полную психологическую революцию, независимо от национальности и всех религиозных различий.

Мы построили это общество; наши родители, а ранее этого их родители создали эту

порочную структуру, продуктом которой мы являемся. Мы и есть общество, мы и есть мир, и если мы сами радикально, действительно очень, очень глубоко не изменимся, то нет никакой возможности изменить и общественный порядок. Большинство из нас этого не осознаёт. Все вокруг, особенно представители молодого поколения, говорят: «Мы должны изменить общество». Мы много говорим, но ничего с этим не делаем. Должны измениться именно мы сами, не общество, — пожалуйста, поймите это. Нам необходимо произвести в себе, на самых верхних и на самых глубоких уровнях, изменение во всём нашем образе мышления, жизни, чувств; только тогда и возможна социальная перемена — просто же социальная революция, внешнее изменение структуры общества путём физического переворота неизбежно порождает, как мы видим, диктатуру или тоталитарное государство, отрицающее всякую свободу.

Для осуществления такого изменения в нас самих требуется вся жизнь — это не что-то, чем вы занимаетесь несколько дней, а потом забываете. Это постоянный труд, постоянное осознание того, что происходит как внутри, так и снаружи.

Нам приходится жить во взаимоотношениях; без этого мы не могли бы существовать. Быть в отношениях — значит жить полно, целостно; для этого в нас должно произойти радикальное преобразование. Как полностью преобразовать себя? Если это серьёзно интересует вас, то мы будем в общении друг с другом; мы будем думать вместе, будем чувствовать и понимать вместе. Итак, как может человек, то есть вы и я, полностью измениться? Именно в этом заключается вопрос, ни в чём другом; это вопрос не только для молодых, но и для пожилых.

В этом мире существуют невероятные страдания, огромная печаль, война, жестокость и насилие; существует голод — вы ничего не знаете о нём. Понятно, что очень многое *можно* сделать, если бы не огромная раздробленность как в мире политики с его многочисленными партиями, так и в различных религиях; все они говорят о мире, но отвергают его, ибо мир, реальность и любовь могут быть лишь тогда, когда нет разделения.

И опять же, осознавая эту величайшую раздробленность, как внутреннюю, так и внешнюю, остаётся лишь признать, что человек должен осуществить в себе полную, глубочайшую революцию. Это очень серьёзная проблема, она затрагивает всю жизнь человека; сюда вовлечены медитация, истина, красота и любовь. Это не просто слова. Человеку необходимо найти способ жизни, при котором они станут реальностью.

Одно из самого важного в жизни — любовь. Но то, что мы называем любовью, ассоциируется с сексом — секс стал таким невероятно важным; похоже, всё вращается вокруг него. Почему люди — во всём мире, какой бы ни была их культура, что бы ни говорили их религиозные правила, — считают секс таким необычайно важным? — и с ним ассоциируется слово «любовь» — почему?

Если вы посмотрите на собственную жизнь, вы увидите, какой механической она стала; наше образование механично; мы приобретаем знание, информацию, это постепенно становится механическим. Мы — машины, «люди из вторых рук». Мы повторяем слова других. Мы читаем ужасно много. Мы представляем собой результат тысячелетий пропаганды. Психологически и интеллектуально мы стали механичными. В машине свободы нет. Секс предлагает свободу; в течение нескольких секунд имеет место свобода — вы полностью забыли и о себе, и о своей механической жизни. Поэтому секс приобрёл огромное значение; удовольствие секса вы называете любовью. Но является ли любовь удовольствием? Или любовь — это нечто совершенно иное, нечто, в чём нет ревности, нет зависимости, нет собственности?

Чтобы понять, что такое любовь, надо отдать этому всю свою жизнь, точно так же, как нужно отдать всю свою жизнь и выяснению того, что такое медитация и что такое истина. Истина не имеет ничего общего с верой.

Вера возникает вместе со страхом. Человек верит в Бога, потому что совершенно лишён внутренней уверенности. Он видит быстротечность всего, что есть в жизни, — нет определённости, безопасности, успокоения, но лишь безмерная печаль, — и поэтому мысль изобретает нечто со свойством постоянства, называемое Богом, в чём ум человека находит утешение. Но это не истина. Истина — это нечто, что можно найти только тогда, когда нет страха. И опять, следует уделить огромное внимание пониманию того, что такое страх — как

физический, так и психологический. У человека в жизни есть эти проблемы, которые он не понимает, через которые не может переступить; поэтому он продолжает жить в порочном обществе, мораль которого безнравственна, в котором очень быстро подрываются и извращаются добродетель, доброта, красота, любовь — всё, о чём мы так много говорим.

Нужно ли время для понимания этих проблем? Происходит ли изменение сразу? Или оно совершается путём развития во времени? Если требуется время — то есть, например, к концу своей жизни вы достигаете просветления, — тогда до этого момента вы продолжаете сеять семена разложения, войны, ненависти. Так может ли радикальная внутренняя революция произойти мгновенно? Она может произойти мгновенно, если вы видите опасность всего этого. Так же, как видите опасность пропасти, опасность дикого животного, змеи — тогда действие мгновенно. Но мы не видим опасности всей раздробленности, которая возникает, когда эго, «я», становится важным — и опасности разделения на «я» и «не-я». В момент существования в вас этого разделения неизбежен конфликт; а конфликт — это самый корень разложения. Поэтому человеку надлежит выяснить для себя, в чём красота медитации, и тогда ум, будучи свободным, необусловленным, начинает воспринимать истину.

Очень важно задавать вопросы; при этом человек не просто заявляет о себе, но с помощью этих вопросов находит для себя ответ. Если он задаёт правильный вопрос, в самом этом вопросе заложен правильный ответ. Во всём в жизни следует сомневаться — обо всём задавать вопросы: о своих коротких или длинных волосах, об одежде, о походке, о том, как человек ест, о чём он думает, что чувствует — всё должно подвергаться исследованию; и тогда ум становится необычайно чувствительным, живым и разумным. Такой ум способен любить — и только такой ум знает, что такое религиозный ум.

Участник беседы: Что такое медитация, о которой вы говорите?

Кришнамурти: Вам что-либо известно о том, что значит медитация?

Участник беседы: Мне известно, что имеются различные формы медитации, однако я не знаю, о какой из них вы говорите?

Кришнамурти: Система медитации — это не медитация. Система предполагает метод, который вы используете, чтобы в конце чего-то достичь. То, что вы повторяете вновь и вновь, становится механическим, не так ли? Как может механический ум — который тренировали, окручивали, смиряли, чтобы он подчинился шаблону, называемому медитацией, в надежде в конце получить награду, — как может такой ум быть свободным для наблюдения, для изучения?

В Индии и на Дальнем Востоке существуют различные школы, в которых обучают методам медитации, — это просто ужасно. Это означает механическую тренировку ума; в результате он теряет свободу и не понимает проблему.

Так что когда мы используем слово медитация, мы не имеем в виду что-то, что необходимо практиковать, в чём надо упражняться. У нас нет никакого метода. Медитация — это осознание; осознание того, что вы делаете, что думаете, что чувствуете, осознание без выбора, наблюдение, изучение. Медитация означает осознание своей собственной обусловленности, того, как общество, в котором человек живёт и воспитывается, и религиозная пропаганда обуславливают его — осознание без малейшего выбора, без искажения, без желаний, чтобы это стало иным. Из этого осознания возникает внимание — способность быть совершенно внимательным. Это приносит свободу видеть вещи такими, какие они есть на самом деле, без искажения. Ум избавляется от смятения, становится ясным, чувствительным; такая медитация порождает состояние ума, в котором он абсолютно безмолвен, — об этом состоянии можно говорить бесконечно, однако это не будет иметь смысла до тех пор, пока оно действительно не возникнет.

Участник беседы: Не приведёт ли этот путь к ещё большей изоляции, к большему смятению?

Кришнамурти: Прежде всего, не находится ли большинство людей в состоянии ужасного смятения? Сами вы — не в смятении? — посмотрите на факт, узнайте сами, в смятении вы или нет.

Ум, находящийся в смятении, что бы ни делал, порождает смятение. Такой ум говорит: «Я буду заниматься медитацией» или «Я выясню, что такое любовь», — как может находящийся в

смятении ум найти что-либо, кроме проекции своего собственного смятения? Если человек этот факт осознал, что ему тогда делать?

Человек пребывает в смятении, он пытается найти состояние ума, в котором смятения нет. Он пробует то и это, десяток различных способов — наркотики, алкоголь, секс, религиозный культ, различные формы ухода от действительности — вы следите? — бросает бомбы, и прочее. Прежде всего, нужно прекратить действовать, прекратить делать что-либо. Нужно также остановить всякое движение ухода от смятения, чтобы не было никакого действия, направленного к смятению или от него. Тогда всякое действие прекращается — и остаётся только смятение. Нет бегства от него, нет попыток найти из него выход, нет попыток заменить его ясностью; нет движения мысли от смятения, порождающего ещё большее смятение; и в этот момент мысль не озабочена действием. Тогда возникает вопрос: осознаёте вы это смятение как нечто внешнее по отношению к вам как «наблюдающему» или вы являетесь частью этого смятения? Отличается ли «наблюдающий» от наблюдаемого — от смятения? Если «наблюдающий» отделён от наблюдаемого, возникает противоречие — именно это противоречие и есть причина смятения. Итак, как ум смотрит на это смятение — вот что важно. Наблюдает ли он его как нечто отдельное, отличное от себя, или «наблюдающий» есть наблюдаемое? Поймите это наиважнейшее, прошу вас. Если поймёте это, вы увидите, какая огромная перемена произойдёт в вашей жизни; исчезнет любой конфликт. «Наблюдающий» не говорит больше: «Я должен изменить это», «Я должен внести ясность», «Я должен преодолеть это», «Я должен попытаться понять это», «Я должен избежать этого». Любая подобная деятельность исходит от «наблюдающего», который отделяет себя от смятения и этим вызывает конфликт между смятением и собой.

Участник беседы: Я принимаю своё смятение.

Кришнамурти: Вот! В тот момент, когда вы произносите: «Я принимаю своё смятение», — имеется некая сущность, принимающая его. Вы не видите важности этого. Я наблюдаю; наблюдая, что при этом обнаруживаю — что делаю это как сторонний наблюдатель или как часть этого смятения? Если я есть часть этого смятения, ум становится абсолютно спокойным, нет никакого движения — я неподвижен, я не отодвигаюсь от смятения. Поэтому, когда нет разделения между «наблюдающим» и наблюдаемым, смятение полностью исчезает.

Был задан ещё один вопрос: «Если я учусь у самого себя, что происходит, когда окружающий мир контролирует меня, призывает на военную службу, отправляет на войну, указывает, что мне делать в области политики, экономики, религии?» Существуют психологи и гуру с Востока — они все говорят мне, что следует делать. Если я слушаюсь их — а именно этого они хотят от меня, обещая в конце Утопию, Нирвану, Просветление или Истину, — я становлюсь механичным. Изначальное значение слова «слушаться» — слушать. Постоянно слушая то, что мне говорят другие, я постепенно скатываюсь к послушанию. Если я учусь у самого себя, то я также узнаю и о других. И если правительство говорит мне, чтобы я шёл в армию, я сделаю то, что считаю правильным в тот момент, когда мне это говорят. Свободный ум не подчиняется. Свободный ум свободен потому, что в нём нет смятения. Тогда вы спросите: «Какая польза от одного индивида, от одного человеческого существа, имеющего такой ум, когда повсюду вокруг него разложение и смятение?» *Как вы думаете, задали бы вы такой вопрос, если бы действительно обладали таким умом?*

Что значит иметь такой абсолютно ясный, не находящийся в смятении ум?

Участник беседы: В нём, конечно, не будет никаких слов?

Кришнамурти: Всё это лишь ваши теории и предположения, не так ли? Откуда вы знаете?

Участник беседы: Слова — основа идей. Не было бы более идей, и ум стал бы свободным; тогда у нас не было бы отношений, мы бы ничего более не искали. У нас было бы безмолвие, полное безмолвие — и мы поняли бы. Каждый может иметь свободный ум.

Кришнамурти: Я очень хорошо понимаю то, что вы говорите.

Но, прежде всего: рассматриваем ли мы мир как нечто отдельное от нас самих? Действительно ли мир — это вы; на самом деле, не теоретически — вы? Ощущаете ли вы то состояние ума, которое говорит: «я — это мир, мир — это я; я и мир — не две разные сущности»? Это отделено от сообщества, это противостоит миру, оно противостоит вашему

другу, жене, мужу. Это — очень важно, не так ли? И это самое это задаёт вопрос: «Каким станет мир, если не будет эго?» Выясните, можете ли вы жить без «я», тогда вы увидите истину этого. Есть также и предыдущий вопрос: «Какая польза от одного человека в мире, обладающего ясным, незамутнённым умом?» — в чём его смысл? Кто же задаёт этот вопрос? Некто, находящийся в смятении, или тот, чей ум ясен, уравновешен, свободен? «Кто» задаёт этот вопрос? Задаёт ли его цветок? Задаёт ли любовь? Задаёте ли вы подобный вопрос, соприкасаясь с чем-то действительно огромным, важным? Спрашиваете ли вы: «Какая польза в том, что я знаю, что значит любить, когда другие этого не знают?» — вы просто любите. Вы не задаёте такого вопроса. Или когда вы не испытываете никакого страха, психологически, но все остальные люди вокруг вас его испытывают, станете ли вы спрашивать: «Какой толк в том, что у меня нет страха, когда у всех других он есть?» Что вы делаете? У вас нет страха, у других есть — что вы делаете? — вы стараетесь помочь мне понять всю структуру страха.

Участник беседы: Как помешать языку создавать разделение? Ведь каждый язык имеет свою собственную особую структуру — определённую модель, — и тем самым становится барьером.

Кришнамурти: Итак, как преодолевается этот барьер? Не ясен ли вполне тот факт, что слово не есть предмет? Ни одно слово, будь то итальянское, английское или греческое, не является предметом. Слово «дверь» — это не дверь. Слово, описание, объяснение, не является объясняемым или описываемым: когда это ясно, исчезает зависимость от слова. Далее, мысль строится из слов; она всегда реагирует, опираясь на память и используя словесные структуры. Мысль ограничена словами. Она — раба слов. Может ли человек слушать без вмешательства слова? Вы говорите мне: «Я люблю вас», но что при этом происходит? Слова вообще ничего не значат; но может возникнуть ощущение связи, порождаемое вовсе не реакцией мысли на слова; возможно прямое общение. Поэтому ум, осознающий, что слово — не предмет, что слово, которое есть мысль, создаёт помехи, этот ум слушает свободно, без предубеждения — как это происходит, когда вы говорите: «Я люблю вас».

Можете ли вы слушать, не пытаясь что-либо истолковать, не позволяя своим предубеждениям вмешиваться, вносить искажение, слушать, как вы слушали бы пение птицы? (В Италии так мало птиц; их убивают. Какие же мы ужасные люди.) Можете ли вы слушать пение птицы без какого-либо словесного комментария, без называния, без произнесения фраз типа: «Это чёрный дрозд», «Я хотел бы продолжать слушать его песню»; вы можете слушать без подобного вмешательства — просто слушать? Вы же можете — не правда ли? Далее: можете ли вы точно так же слушать происходящее в вас самих? — без предубеждения, без готовых формул и без искажения — как вы, может быть, слушаете сейчас этот звон колокола [*слышен звон колокола*], без какой-либо ассоциации, просто слушаете его чистый звук; тогда вы и есть этот звук — вы не воспринимаете его как нечто отдельное от себя.

Участник беседы: Это требует тренировки.

Кришнамурти: Чтобы слушать, вам требуется тренировка! Вас кто-то должен учить! Как только кто-нибудь начинает учить вас, появляются гуру и ученик, авторитет и последователь. Когда звонил тот колокол, слушали ли вы его с полным вниманием, без попыток истолковать? Если вы заметили, что в тот момент говорили себе: «уже полдень», «который час?», «уже пора обедать», вы поняли, что в действительности вы не слушали этот звук с полным вниманием; так что вы сами узнали — никто же вас этому не учил — что вы не слушали.

Участник беседы: Есть разница между звуком колокола или пением птицы, с одной стороны, и словом в предложении, связанным с остальными словами, с другой стороны. Я могу выделить пение птицы, но изолировать слово в предложении я не могу.

Кришнамурти: Слушание птицы имеет объективный, внешний характер. Но могу ли я слушать самого себя, используя слово в контексте предложения; могу ли слушать слово и быть свободным от слова и его контекста?

Вы можете сказать: «Это прекрасный стол». Тем самым вы дали этому столу определённую оценку, вы назвали его прекрасным. Я же могу взглянуть на него и сказать: «Какой уродливый стол!» Таким образом, слово обозначает ваше чувство; оно не является реальным предметом и возникает как связанная с чем-то идея. Можете ли вы посмотреть на своего друга без образа этого друга, созданного вами, — образа, являющегося словом,

символом? Мы этого не можем потому, что не знаем, как возник этот образ. Вы говорите мне что-то приятное, и исходя из этого я создаю ваш образ как своего друга; кто-то другой говорит мне нечто неприятное, и аналогичным образом я формирую иной образ; вас я встречаю как друга, а того, другого человека, — совсем не как друга. Но может ли ум вообще не создавать образов, независимо оттого, приятны мне ваши слова или неприятны? Он *может* прекратить создавать образ, когда я уделяю внимание; тогда образ не формируется, и я могу слушать — могу слушать без всякого образа.

Участник беседы: Нельзя ли вернуться к тому, о чём вы говорили в самом начале: об изменении самих себя в обществе? Как можно действительно изменить себя, когда вы вынуждены оберегать свои отношения? Я живу в капиталистическом мире, и все мои отношения должны быть капиталистическими, иначе я умру от голода.

Кришнамурти: И если бы вы жили в коммунистическом мире, вам также пришлось бы приспособливаться к нему.

Участник беседы: Совершенно верно.

Кришнамурти: И что же вам делать?

Участник беседы: Как я могу измениться?

Кришнамурти: Вы задали вопрос: если я живу в капиталистическом обществе, я должен приспособливаться к требованиям капитализма; но если бы я жил в коммунистическом обществе, тоталитарном, бюрократическом обществе, я должен был бы делать абсолютно то же самое — так что же мне делать?

Участник беседы: Не думаю, что это было бы то же самое.

Кришнамурти: Но это та же самая модель. Там, вероятно, вам пришлось бы постричь волосы, ходить на работу или делать что-то ещё. Но всё это вовлечено в один общий водоворот. Что же вам делать? Человек, который, независимо от того, живёт ли он здесь или там, осознаёт, что внутренняя перемена имеет первоочередное значение, — в чём его забота? Он должен изменить себя — но что такое изменение подразумевает? Свободу от психологического страха, свободу от жадности, зависти, ревности, зависимости; свободу от страха перед одиночеством, подчинением, ведь так? И если всё это работает внутри вас, выражаясь в отсутствии подчинения, вы живёте настолько хорошо, насколько можете, здесь или там. Но, к несчастью, для нас гораздо важнее изменить то или это во внешнем мире, нежели осуществить внутреннюю революцию в самом себе.

Участник беседы: Но что в таком случае происходит, если кто-нибудь убивает вас?

Кришнамурти: А! Свободного человека убить никто не может. Они могут погасить свет в его глазах; внутренне он свободен, ничто не может затронуть эту свободу.

Участник беседы: Не могли бы вы дать определение эгоизма?

Кришнамурти: Если вас интересует определение, загляните в словарь. Вы говорите «определение» — пожалуйста, помните, я говорил уже несколько раз, что описание и описываемое — не одно и то же. Что такое это «эго», постоянно изолирующее себя? Даже если вы кого-нибудь любите, спите с этим человеком, и всё прочее, всегда присутствует это отделённое «эго», с его амбициями, с его страхами, с его страданиями, с его занятостью самим собой, выраженной в жалости к себе. Пока существует это «эго», должно быть разделение, пока оно существует, должен быть и конфликт — правильно? Как же сделать, чтобы это «эго» исчезло? — и без всякого усилия. Как только вы прилагаете усилие, появляется так называемое «Высшее Я», управляющее «низшим я». Как может ум рассеять эту сущность, называемую эго? Что такое «эго»? — набор воспоминаний? — или что-то постоянное? Если это набор воспоминаний — значит оно относится к прошлому; это всё, что у вас есть, в этом нет ничего постоянного. Эго — это «я», которое накопило знание и опыт, как память, как боль; оно стало центром, из которого исходит всякое действие. Увидьте его таким, как оно есть.

Любая религия, любое общество и культура понимают, что «личность», эго, хочет выразить себя; самовыражение имеет громадное значение в искусстве; оно также играет главную роль и в притязании «эго» на господство. Всякая религия пытается уничтожить «эго»: «Не заботьтесь о своём эго», «Поставьте Бога, или Государство, на его место». Но успеха это не принесло. «Эго» отождествило себя с Богом — чем бы это ни было — и потому оно остаётся. Мы говорим: наблюдайте это «эго» в действии, изучайте его, следите за ним, осознавайте его,

но не разрушайте, не говорите: «Я должен от него избавиться» или «должен изменить его», — просто наблюдайте его, без всякого выбора, без всякого искажения; тогда *при таком наблюдении и изучении «эго» исчезает.*

Рим, 21 октября 1970